

Глеб Нагорный

Красная Мельница

Пьеса

Глеб Нагорный

Красная Мельница

Пьеса

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-3
ББК 84-4
Н16

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Нагорный Глеб

Н16 Красная Мельница : Пьеса / Глеб Нагорный. — [б. м.] :
Издательские решения, 2020. — 174 с.
ISBN 978-5-4490-5959-8

«...мне нравится соприкасаться с искусством, с таким искусством... Многие вещи мы разучились замечать, разучились наблюдать, разучились чувствовать. И „Красная мельница“ — одна из культурных шаргалок, чтобы мы что-то вспомнили».

Алексей Филиппов, «Литературная Россия»

«...В пьесе всё неординарно, начиная от жанра... Пьеса — Пьеса. С большой буквы... Уверен, что если бы в нормальном репертуарном театре эту пьесу прочли, то непременно бы поставили...»

Михаил Хейфец, режиссёр, драматург

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4490-5959-8

© Глеб Нагорный, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Канкан во время чумы	5
КРАСНАЯ МЕЛЬНИЦА	11
Действие первое	13
Сцена первая	13
Сцена вторая	22
Сцена третья	28
Сцена четвертая	36
Действие второе	59
Сцена пятая	59
Сцена шестая	67
Сцена седьмая	74
Сцена восьмая	80
Действие третье	96
Сцена девятая	96
Сцена десятая	103
Сцена одиннадцатая	107
Сцена двенадцатая	113
ПОСЛЕСЛОВИЕ	136
Изюминки и безуминки в современной драматургии	136
Русский Хэллоуин — не бессмысленный, но беспощадный	143
Писатель — это стиль	152
Искусство призвано рождать, а не разрушать	159

ПРЕДИСЛОВИЕ

КАНКАН ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Не каждый день получается соприкоснуться с искусством. Я помню три самых ярких случая из моего личного опыта. Много лет назад, в Ялте, в разгар кинофестиваля, я прикоснулся к Жерару Депардьё. Сфотографировался с ним в обнимку. Ещё вспоминаю «Хард Рок Кафе» в Риме. Там под потолком висела гитара Джона Леннона. Тот самый знаменитый «Рикенбакер» 1964-го года. Конечно же, я улучил момент, подскочил со стулом, встал на него, потянулся и нежно стал водить пальцами по струнам... Меня попросили покинуть заведение, и я ушёл, не допив кальвадос, но цель была достигнута — я соприкоснулся с искусством.

А про третий случай мне хочется рассказать подробнее.

Однажды, одной тёмной февральской ночечкой, в предрасветный час, Глеб Нагорный прислал мне свою новую пьесу — «Красную мельницу». Я сразу насторожился, почему в неурочное время... То ли ему не спалось попросту, то ли по ночам ФАКИН меньше бдит. (ФАКИН — это, видимо, Федеральное Агентство по Контролю над ИНтернетом.) Я знаю непростые отношения Нагорного с Генеральной Линией. Например, неведомые силы неоднократно рушили его сайт. Когда я хочу узнать, как дела у Глеба, я просто захожу на его сайт... и, если там опять первобытная темнота — значит, Нагорный в очередной раз что-то не то сказал или подумал.

Поэтому, получив потенциальную крамолу, я на всякий случай принял все меры предосторожности — задвинул засовы, спустился в погреб с рукописью, сел на приступку, запалил лучину, приложился к фляжке, ловко выхватил двумя пальцами

из трёхлитровой банки огурец, звонко откусил и погрузился в чтение.

Теперь по существу. Получилась такая макабрическая анти-топическая буффонада.

Думаю, ещё пару таких вещей – и можно смело записывать Нагорного в родоначальники этого жанра.

При всей визуальной дурашливой мракобесности, фабула пьесы стройна и пряма, что твоя стрелка на чулках, все персонажи на своём месте, сюжет неспешно, но уверенно движется вперёд.

Что первое остаётся в послевкусии? Пожалуй, атмосфера. Атмосфера. Будни дешёвого кабаре в занюханном городишке – как точно, как сочно! И при этом ткань реальности всё же условна, очень условна. И до дрожи напоминает опять же Францию столетней давности, с её ярким блестящим антуражем, наспех напыленным поверх обшарпанных сумасшедших будней в наркотическом полубреду. Только вместо абсента тут – спиртыга и растворитель для красок, вместо Монмартра – Колхозная улица, вместо Гастоновской Мануфактуры – шерстомойная фабрика... Что это? Я до сих пор не уверен, что эта специализация существует в природе. Ага, «Ворд» не подчёркивает красненьким, значит, и правда есть, надо же... Век живи – век учись!

Да и несущественно это тут, подразумевалась просто обычная типовая фабричная работа, работа, подобную которой выполняют миллионы людей, каждый маленький день. Конечно, реальность пьесы напоминает не только Францию времён Макгрегора и Кидман, но я не буду об этом... Пусть люди из ФАКИНа отработывают свой хлеб, а мы тут об искусстве, знаете ли, рассуждаем, под круассаны да с пельмешками-с... Да и политика, в общем-то, ни при чём. (Хотя, когда это у нас в стране политика была ни при чём?)

В безотрадные будни деятельниц культуры врывается свежий ветер. Как говорят в народе, свежий ветер – хорошо забытый несвежий. По сути – рейдерство, самое обычное рейдерство, которое может маскироваться подо что угодно, хоть под

меценатство, хоть под руководящие органы, хоть под внеплановую реструктуризацию.

А в данном случае — всё вышеперечисленное и кое-что ещё.

Представитель выписан точно, даже гротеск только подчёркивает все характерные черты — невежество, лицемерие, жёсткая деловая хватка... А уж одно имя персонажа чего стоит — Альфред Германович, судя по всему — чистокровный якут, не устаёшь восхищаться политкорректностью автора!

Над многими репликами Представителя смеялся от души, гоголевским смехом: «...Эйфель большой, Лувр длинный, я мимо проходил, кварталы есть разные, но это так... я по долгу службы, чтоб детальней ознакомиться...»

Но ещё я призадумался. На его месте я бы, наверное, Париж точно так же изучил... Или нет... В Лувр бы ещё всё-таки зашёл... но всё равно есть над чем подумать. Сладка каша Мономаха, чего уж греха таить.

Много пластов в пьесе, много. Лично для себя я вывел, что главная из тем — всё же не социальная, не политическая, не криминальная, а женская. Да-да, Женская Тема.

Девочки-танцовщицы тут все разные, каждая со своим характером, со своими тараканами, и их диалоги и споры о женской доле как раз самые сильные. Даже странно, как автор-мужчина мог что-то вот такое взять и ухватить.

Вспоминается фильм «Лучше не бывает», где поклонница спрашивает у писателя Джека Николсона: «Как вам удалось в ваших книгах так глубоко забраться в душу женщины, так понять всё, что внутри?» А Джек мрачно ответил: «Очень просто, я всего лишь взял разум мужчины и убрал из него логику и смысл».

Не знаю, действовал ли Нагорный так или по-другому, но у него получилось.

У меня во время прочтения возникло неловкое ощущение, что невольно подслушиваешь разговор в гримёрке реальных танцовщиц... И вроде как надо кашлянуть из деликатности, и не хочется, ибо интересно, что же там ещё скажут. Как в транс-

порте порой слышу девичьи разговоры, оторваться не могу, знаю, что неправильно, но... Получается как бы живой репортаж с другой стороны баррикад.

Магда, кстати, вызывает сочувствие. Я – не женщина, но понять её могу. Вроде и любишь человека, но нужен нормальный адекватный человек, а все эти неземные, оторванные, опьянённые радугой, сумасшедшие люди или борцы блаженные – это хорошо, и пускай они существуют и цветут, и, дай Бог, у них всё получится, только пусть это будет не рядом со мной. Человек, который рядом с тобой по жизни, – он должен быть именно РЯДОМ – в сердце, в душЕ, в дуШе, в спальне, в гостиной, на кухне, в кругу общих друзей... в общем, на расстоянии дыхания, а не в запредельных сферах.

Да и стыдно становится от такой вот собственной позиции, но и отказываться от неё не хочется, ибо боязно.

Но если наступает Момент Истины (а такое иногда бывает) и возникает строгая дилемма МЫ или ОНИ, то поступаешь как по совести, а не как комфортнее. И это не может не радовать, и в пьесе это раскрыто.

А пока Момента Истины нет, можно и дальше спокойно прикрываться самодемагогией – «мол, как наступит момент, там и посмотрим, а пока что меня все устраивает, хата моя с краю».

Очень серьёзная тема, в общем, затронута. Вывод. Пьеса удалась. Имеет смысл сходить на неё.

Девочки-героини вообще симпатичны. Живые, естественные, простые, как соседки по лестнице. Со своими судьбами и драмами. Вообще, девочек обижать нельзя, а уж тем более так цинично. Кем бы обидчик ни был... Есть такое старое правило – подлеца нужно бить всегда. Независимо от того насколько он сильнее, круче или могущественнее тебя... Если этого правила не соблюдать, то и жить как-то противно... Зато комфортно. Тут уж каждый решает для себя. Пьеса и призывает подумать над этими этическими дилеммами.

Ну и помимо этого – просто посмеяться над диалогами и прогуляться по полубредовому миру закулисья Страны Чудес.

Четыре сольдо – и билет в цирк в кармане, Карабас уже потирает ручищи, Карло начал крутить шарманку, куклы уже готовы задирать свои целлюлитные ножки. А что ещё надо? Подумать о чём-нибудь серьёзном и проблемном, да, мои маленькие махровые интеллигентки в беретиках а-ля Че Гевара? Ну что же, будет вам и это! Кому женские ножки, кому – мыслишки. Каждому – своё, хватит на всех. Что ещё могу добавить?

Неожиданно в конце был хэппи-энд. Скажу честно, не ожидал! Видно, автор решил-таки меня побаловать, я когда-то просил его о чём-то подобном. Если бы закончилось всё мрачно, это был бы тогда обычный художественный злой памфлет, а так вышло очень даже вкусненько и с солнышком, озаряющим в рассветный час окровавленные лопасти Старой Мельницы... Всё в ней перемелется, только любовь – никогда...

И всё же хэппи-энд от Нагорного немножко пахнет грибовою. «Карету мне, карету!» Мы не победим Систему, мы уйдём из Зоопарка.

Пожелаем же автору новых пьес, новых тем, новых идей. Пусть и дальше не даёт нам расслабиться в наших комфортных коконах.

Хочется ещё процитировать песню незабвенного Джона Леннона.

*Меня уже тошнит от услышанных вещей
От медоточивых, близоруких лицемеров,
Всё что я хочу – немного правды.
Меня тошнит от прочитанных вещей,
От невротичных свиноголовых политиков,
От маленьких толстогубых шовинистиков,
Дайте мне лишь немного правды.*

Это я к чему? Тоже ещё тот Дон Кихот был... как и наш Глеб, тоже высокий и тощий, тоже бросался на мельницы... Это, видно, так и должно быть. Пока они крутят свои багровые лопасти в лучах рассвета, всегда найдутся прекраснодушные донкихоты. Всегда.

И мне нравится соприкоснуться с искусством, с таким искусством. Кто знает, возможно, я однажды разбогатею и куплю дом на Лазурном Берегу, по соседству с Депардье, и мы будем каждое утро боксировать, ну, для здоровья и тонуса... И куплю у вероломных римлян гитару Джона Леннона, и повешу её над кроватью, и буду иногда играть на ней песни на стихи Есенина... И буду и дальше читать новые произведения Глеба Нагорного, где-то восхищаться, где-то спорить, где-то просто смеяться от души...

И тогда мой Внутренний Фрейд совершенно успокоится и блаженно закурит трубочку — соприкосновения с искусством будут зашкаливать, мы с искусством будем неразлучны, как корабли «Союз» и «Аполлон» посреди звёздной бесконечности.

Сильные и серьёзные произведения нужны нам. Нам, людям. Можно сколь угодно иронизировать над плачевным состоянием современной культуры, но оно не может не тревожить каждого мыслящего человека. И я приветствую, когда появляются достойные произведения. Многие вещи мы разучились замечать, разучились наблюдать, разучились чувствовать.

И «Красная мельница» — одна из культурных шпаргалок, чтобы мы что-то вспомнили.

Алексей ФИЛИППОВ

*«Литературная Россия»,
№20 (2558), 18 мая 2012 г.*

КРАСНАЯ МЕЛЬНИЦА

Пьеса в 3-х действиях

В одном из сохранившихся древних индейских мифов говорится, что когда мельница перемолола кости людей, погибших во время всемирного потопа, в муку, а боги напустили в нее крови, то получилась плоть нынешних людей.

Непроверенная информация

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Женщины:

Элеонора Ласковая — циничная женщина, давно всех нашедшая и давно всех бросившая. Седая, подкрашенная хной.

Инесса — умная женщина, бросившая кого-либо искать. Ярко-рыжая.

Магда — неглупая ищущая женщина. Жгучая брюнетка.

Виола — наивная женщина в постоянном поиске. Шатенка с оттенком.

Любочка — несчастная женщина, нашедшая не того. Пероксидная блондинка.

Почти женщины:

Роза — женщина с натяжкой. Пепельная.

Жанна — женщина с сигаретной затяжкой. Дымчатая.

Нонна — женщина в чулочных затяжках. Серая.

Даша — вообще не женщина. Мышиная.

В некотором роде мужчины:

Тулуз — мужчина не от мира сего, ищущий не там. Чернявый.

Представитель — мужчина от сего мира, нашедший всё тут.
Подкрашенный.

Следователь — мужчина между мирами, ищущий то тут, то там. Белесый.

Сценические фантомы:

Недоспившийся **поэт**.

Завязавший **кукольник**.

Пьющий **тапер**.

Спившийся **Колька**.

Непьющие **призраки** из кошмарного сна Тулуза.

Периодически срывающийся **глава краевой администрации**.

Принципиальный трезвенник **помещик Ненашев**.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ МУЛЕН РУЖ

СЦЕНА ПЕРВАЯ КОНЬЯЧОК С ЛИМОНОМ

Сцена закрыта «тюремным» занавесом¹. На нем изображены двери камер, решетки, нары, тощие тела и протянутые руки с мисками.

Авансцена. Левая сторона.

Кабинет Следователя.

Обшарпанный стол, около него стоит небольшой сейф. На столе – уголовное дело, пепельница, графин воды с гранеными стаканами на подносе и лампа на резиновой гнущейся ножке.

*Два стула с разных сторон стола. На них – **Следователь** и **Инесса**.*

Следователь. Итак. Где все-таки ваш паспорт?

Инесса. На днях будет.

Следователь. Это как так?

Инесса. Я его в ОВИР сдала, чтобы заграничный сделали. Вот справку выдали. *(Роется в сумочке, вытаскивает бумажку, протягивает ее Следователю.)*

Следователь *(внимательно рассматривает справку; строго).*

¹ В качестве сценического решения спектакля возможны: 1) Крутящаяся сцена, разделенная на отсеки с соответствующим оформлением; 2) Легкие передвижные декорации и мебель на колесиках. **Сцены:** 1) Кабинет Следователя; 2) Гримерка танцовщиц; 3) Производственный цех Краснознаменной шерстемойной фабрики им. А. И. Деникина; 4) Кабинет Элеоноры Ласковой; 5) Спальня Магды.

А зачем вам загранпаспорт?

Инесса. Хочу за границу съездить.

Следователь. В бега собрались?

Инесса. Нет, на достопримечательности посмотреть. Тяга у меня.

Следователь. Хорошо, давайте со слов тогда. Итак, ваше имя?

Инесса. Инесса.

Следователь. Я не спрашиваю ваше сценическое имя.

Инесса. Нина Ильинична. Лялина.

Следователь. Год рождения? Месяц, число.

Инесса. Високосный — тысяча девятьсот семьдесят второй. Двадцать девятого февраля. Три года подряд молододею.

Следователь (*записывает*). Место рождения? Адрес проживания?

Инесса. Ну — здесь всё.

Следователь. Где?

Инесса. В городе нашем.

Следователь. Адрес?

Инесса. «Мулен Руж». Колхозная восемь. (*В сторону*.) Цифра бесконечности.

Следователь. Вы там работали, насколько я знаю.

Инесса. Совершенно верно. Вы меня должны, кстати, хорошо помнить. Вы мне еще в подвязку как-то целых десять рублей за-сунули.

Следователь (*нервно*). Не помню... Вернемся к протоколу. Колхозная восемь — это около «Белой Мельницы» какого-то купца, если не ошибаюсь?

Инесса. Помещика Ненашева. У него еще мукомольная фабрика была, которую в шерстомойную перестроили. Ну, после того, как его ухлопали.

Следователь. Ладно, это к делу не относится. Где живете?

Инесса. Исковая давность прошла?

Следователь. Где живете, я спрашиваю?

Инесса. Последнее время там и жила. Прямо в клубе. Благо

было где — помещений на целый бомжатник. Извините, конечно. Я хотела сказать — на всю администрацию края.

Следователь. А сейчас?

Инесса (*уклончиво*). Когда как.

Следователь. Иными словами, ведете асоциальный образ жизни? На какие же такие доходы вы за границу собрались?

Инесса. Помилуй бог, какой асоциальный? Ни в коем разе. Я на азотном комбинате подрабатываю. Аппаратчицей на полставки. А на поездку за годы скопила. Что до жилья, так в стране с ним перебои, должны знать: кто не успел купить, тот по углам всяким. Сами-то, небось, тоже в коммуналке мыкаетесь?

Следователь. Здесь вопросы задаю я. По национальности вы кто?

Инесса. Вот уж не знаю.

Следователь. Это как так?

Инесса. Мать — украинка, отец — белорус. Но говорят, монголы и татарва в роду еще были. Пишите — русская.

Следователь. Вероисповедание?

Инесса. Бабушка в костеле крестила.

Следователь. Партийная?

Инесса. Непременно. Могу показать. (*Достает удостоверение, кладет перед Следователем.*)

Следователь. Надо же, как и я. (*Записывает данные, возвращает удостоверение.*) И все-таки поподробней насчет проживания.

Инесса. А можно воды? В горле пересохло.

Следователь (*наливает из графина воду в стакан*). Пейте.

Инесса. Спасибо. (*Делает жадные глотки; выпивает до дна.*)

Следователь. Еще?

Инесса. Нет, пожалуй.

Следователь. Я задал вам конкретный вопрос.

Инесса. Да, да, я помню. Вышло вот как. Я закурю?

Следователь (*подвигает пепельницу*). Курите.

Инесса (*роется в сумочке*). Я, кажется, сигареты забыла.

Следователь (*раздраженно открывает ящик стола, протяги-*

вает пачку). «Яву» будете?

Инесса (*вынимает из пачки сигарету*). Благодарю. Прикурить можно?

Следователь свирепеет, ходит скулами, зажигает спичку, подносит Инессе, та прикуривает и томно выдувает дым. Следователь начинает нервно щелкать выключателем настольной лампы.

Инесса. А вы симпатичный. Женаты?

Следователь (*жестко*). Нет. (*Выключает лампу.*)

Инесса (*проникновенно*). А почему?

Следователь. Не знаю, не родилась та.

Инесса. Не переживайте. Родится еще. Вам сколько? Тридцать?

Следователь. Я так плохо выгляжу?

Инесса. Усталый вид очень.

Следователь. Нет мне тридцати. И жены нет.

Инесса. О, родится еще. Поверьте.

Следователь. Не знаю. Не уверен.

Инесса. Я прошу прощения, вас как? Забыла.

Следователь. Эдуард. Эдуард Михайлович.

Инесса. Эдик. Красиво. (*Легким движением руки стряхивает пепел.*) Вы вообще знаете, что ваше имя значит?

Следователь. Никогда этим не интересовался. У меня дел по горло.

Инесса. А зря. Ваше имя о многом говорит. Ведь Эдуард буквально означает «страж богатства, достатка и любви».

Следователь. Вы филологический заканчивали?

Инесса. Нет, читаю просто много. Делать-то в городе больше нечего. А так – Пэ-Тэ-У, мой милый. Пэ-Тэ-У. Где ты у нас, Эдик, в городе университеты видел?

Следователь. Я пишу?

Инесса. Пиши. Малярно-штукатурная специализация. Ничего, что на ты?

Следователь. Ничего... Кстати, кстати... *(Вскидывает голову, смотрит на потолок.)*

Инесса. Протекает?

Следователь. Периодически.

Инесса *(задумчиво)*. Знакомо. Вообще у нас в городе всё как-то периодически. Не заметил? То евроремонты, то котлованы.

Следователь. Ладно, неважно. Вы так и не ответили на мой вопрос. Где все-таки проживаете?

Инесса. Позавчера на комбинат переехала.

Следователь. Ордена Почёта?

Инесса. Да, на Колчаковский. Азотный. Я же говорила, что работаю там.

Следователь. Пишу, прописана по месту работы. Стоп. Не понял, как вы на азотном аппаратчицей работаете, если малярный заканчивали? Не вяжется тут. Вот если б химтех.

Инесса *(наклоняясь вперед)*. Ты в какой стране живешь, Эдик? У нас спортсмены и певцы в Думе... Эдик, ты по гороскопу вообще кто?

Следователь. Телец. Не мешайте, Нина Ильинична.

Инесса. Можно просто – Инесса. И на ты. *(Тушит сигарету в пепельнице; в сторону)* Унылое говно, значит. Ни разу не новатор.

Следователь. Что?!

Инесса. А?! Я говорю, знак очень хороший. Гитлер, Ленин, Хусейн. Замечательно. Революционеры... Далеко пойдешь.

Следователь. Вам что-то в Тельцах не нравится, Нина Ильинична?

Инесса. Инесса. Мы же договорились.

Следователь. Что там с Тельцами не так?

Инесса. Всё так. Один из двенадцати знаков зодиака.

Следователь. Нина... Инесса... Я это знаю... Что вы сказать этим хотите?

Инесса. Ну, просто я тут одного вспомнила. Тебе, Эдик, неинтересно будет.

Следователь. Мне всё интересно.

Инесса. Ты уверен?

Следователь. Абсолютно.

Инесса (*подмигивая*). А рюмочки у тебя не будет?

Следователь. Инесса!

Инесса. Я слышала, в органах вроде приветствуется.

Следователь (*укоризненно*). Инесса, Инесса... Впрочем, ладно, по чуть-чуть можно. Дверь только закрою. (*Встает, направляется за занавес, возвращается, подходит к сейфу, открывает его, погружается с головой внутрь, мычит.*) Шоколад будете?

Инесса. Не откажусь. Но лучше жидкий и сорокоградусный.

Следователь распрямляется. В руках у него початая бутылка коньяка, шоколад, порезанный лимон на блюде и две рюмки.

Инесса. О! Коньячок с лимоном. Гостеприимно допрашиваешь.

Следователь расставляет всё на столе и закрывает уголовное дело. Разливает коньяк по рюмкам.

Инесса. Ну что, за приятное знакомство?

Следователь. Принято. Приятно.

Инесса. На брудершафт, может?

Следователь. Не принято.

Чокаются. Выпивают. Инесса отламывает кусочек шоколада. Следователь занюхивает лимоном.

Следователь (*вновь открывает дело*). Ну что там у вас?

Инесса (*кладет ладонь ему на руку*). Эдик, мы же на ты. И хватит нервничать. Вон какой взвинченный. Давай я так расскажу. Без протокола. Русским по белому.

Следователь. Так нельзя. Я выборочно запишу. Что там с Тельцами?

Инесса. Ох, труба с ними, труба. Эдик, нельзя быть таким за-

крытым.

Следователь. Я не закрытый, я – сложный. *(Снова разливает по рюмкам; пауза.)* Ну, так и быть, не для протокола. Давай, Инесс, за Тельцов! *(Оба выпивают.)*

Инесса *(откусывает лимончик).* Тут такое дело, Эдик. Неуголовное. Слушай. Лет пять тому назад был у меня мальчонка. Ну как мальчонка – тридцать ему уже стукнуло. Пил безбожно. Поэт. Реальный. Так пил, так писал. Я от его талантов слезами исходила. Три дня пишет, пять – в запое. Уж и кодировали мы его, и ампулы вшивали. Безбожно всё выходило. На время поможет, а потом опять, вилкой в зад, выковыряет всё, и снова – лирика, оды, запой. И что меня в нем всегда удивляло – альтруист. Рубаху за ближнего порвет: волосья той же вилкой из груди повыдергивает. И в то же время поразительная жадность в нем была. По ларькам до последнего пульса будет ходить, пока сигареты на десять копеек дешевле не купит. А потом – хлоп! – если деньги есть – коньяк самый дорогой, букеты роз, подарки мне.

Следователь. Инесса... Нина Ильинична... Вы... Ты... К чему? Что за ахиней?

Инесса. Так Телец он был. В этом прикол.

Следователь. Ну, это тут при чем? Что, Тельцы только злоупотребляют?

Инесса. Я не знаю, кто как. Но ведь из опыта исхожу. Вечером домой приду, а он с вилкой меня в коридоре встречает. Я говорю: Жень, что ж ты опять? Ты б с ножом. А он мне: Нелли, не могу я так больше. Оды прут. А ножом не поддевается. Вот так и прожили с ним. С одами его.

Следователь. Какая Нелли?

Инесса. Я тогда Нелли была.

Следователь. Ты же Нина.

Инесса. А, неважно. Были времена – были имена. И вот вилка эта. Глаза безумные. Оды. И всё в рифму. Страшно, короче. Главное, у него жизнь в рифму пошла. Как он это соединял всё – не понимаю. Стихи, вилка, ампулы. И всё, Эдик, знаешь, по-честному так. Будто душу наизнанку. Телец, короче.

Следователь. А унылость-то тут где?

Инесса. Так в этом-то и унылость! Ты не понимаешь, Эдик! Тут ведь в чем беда. Он волком в одах воеет, на звезды зубы скалит, глаза у самого высвертью, а потом в туалете запрется под утро и так жалобно: «мяу-мяу». Описывался, бывало.

Следователь. Помер, телок твой?

Инесса. Зачем? Расстались мы в итоге.

Следователь. Ну и где он сейчас?

Инесса. Как где? Я же о батюшке нашем, что на Ленинском проспекте, рассказываю.

Следователь (*сильно кашляя в кулак*). Это отец Владимир, что ли?

Инесса. Ну так а кто? А в миру – Женёк. Вот ведь как ему знак зодиака мозг перекрутил. По спинке постучать?

Следователь. Не надо. (*Откашлявшись, задумчиво.*) Ну не знаю, писать это в протокол или нет. Ты, Инесса, как считаешь?

Инесса. Понятия не имею, вам, следователям, видней. Мож-но еще сигаретку?

Следователь. Конечно. То есть он живой остался?

Инесса (*прикуривая*). Ну, на Ленинском – живет всех живых.

Следователь. Правильно ли я тебя понял, что то, чем я сейчас занимаюсь, это как бы... ну, плохо кончится?

Инесса (*выдувая дым*). Так, а я о чем? В этом-то и унылость, Эдик. От поэта до попа один шаг. Итог известный – вилка, посох.

Следователь. Но я-то следователь.

Инесса (*жестко, припечатывая*). Тюрьма.

Следователь. Думаешь?.. Может, по маленькой?

Инесса. А давай! Ведь еще одиннадцать знаков зодиака осталось. Ты, кстати, не смотрел последнюю трактовку «Двенадцать» Андерсена по телику?

Следователь. Инесс, давай по делу все-таки?

Инесса. Так я по делу. У нас хозяйка «Мулен Ружа» – Скорпион.

Следователь. Та самая? Элеонора Ласковая? Мамка с тётка-

ми?

Инесса (*чокаясь со Следователем и выпивая*). Она. Ну ты же знаешь, что переспрашиваешь? Лимончик подай. И не с тётками, Эдик. (*Нежно поглаживает его по руке.*) С дамами. Забудь ты свой следовательский жаргон. Тётки на шоссе, а дамы – танцуют канкан.

Следователь (*не отдергивая руки*). Инесс, ты хоть понимаешь, что преступление произошло? Я тебя не о по~~па~~х и гороскопах вызвал поговорить, а на допрос. Пойми, пока что ты только свидетель. Но всё может очень быстро перемениться. (*Убирает руку.*) Так будешь рассказывать? Или мне тебе свой канкан устроить?

Инесса. Следовательский? Начнешь ножку пистолетиком задирать? (*Смеется, включает лампу на столе, направляет свет в лицо Следователю.*) Ладно, не обижайся. (*Выключает свет.*) Ты вон наливай лучше. Так разговор лучше тянется. Ну, как женский чулок с подвязкой. Не помнишь? Жаль... Короче, расскажу тебе как на духу, ну как если бы всё в храме на Ленинском происходило. О многом могу, конечно, только догадываться, но не обессудь, бабы мы такие – у нас действительность часто с фантазиями путается... Ты налил? Давай тогда, знаешь что, за твои новые звездочки. Или у вас лычки? Я в этом, честно говоря, не очень разбираюсь. В серьгах – да. А в ваших этих украшениях слабовато. (*Неожиданно наклоняется к Следователю через весь стол, тихо.*) Эдик, Эдик. Послушай сюда. Хороший ты человек, видимо. Глаза у тебя красивые. Должен понять меня. (*Плавно откидывается на спинку стула.*) Значит, так. Слушай. Внимательно...

Затемнение.

Слышатся затихающие такты канкана.

Занавес поднимается.

СЦЕНА ВТОРАЯ
ДЕВОЧКИ И КОЛГОТОЧКИ

Гримерка танцовщиц.

На сцене стоят несколько трюмо, стульев, балетный станок, шкаф и расписанная драконами китайская ширма.

На заднике изображен фабричный город с маковками церквей и трубами заводов. В центре его возвышается выкрашенная в красный цвет мельница с надписью «MOULIN ROUGE» и светящимися вращающимися лопастями.

***Инесса, Магда, Виола, Любочка** прихорашиваются у трюмо. На танцовщицах яркие платья, но без плюмажей и «канканной искры».*

*Позже в гримерке появляется **Элеонора Ласковая**.*

Виола. А я смотрю на них. А они никакие. В первых рядах этих. Вусмерть. И так мне тошно, а ножку пожалуйста поднимать. А у меня целлюлит, сын в круглосуточных. Вижу раз в неделю... Мне не до ног... Я, прикиньте, с мужиком не спала, наверное, год. Я б уже в подворотне дала кому-нибудь, честное слово.

Магда. Что ж не даешь?

Виола. Так не берет никто. Я разревусь сейчас. Мне и жизни-то всего ничего осталось.

Все. Почему это?

Виола. У меня опухоль в груди.

Магда. А ты к врачу ходила?

Виола. Боюсь. А вдруг и в самом деле рак, что я тогда делать буду?

Магда. Ну вообще, в таком вопросе себе диагноз не ставят.

Виола. А я вот поставила. Рак это! А я никому не нужна! Вот, потрогай!

Магда аккуратно трогает Виолу за левую грудь.

Магда. Ну и нет вроде ничего. Какая опухоль? Что ты выдумываешь?

Виола. А я говорю, рак у меня.

Инесса. Пятой стадии. Психоз у тебя, Вилка, на сексуальной почве.

Виола. Нет, рак! *(Пытается заплакать.)*

Магда. Не реви.

Виола. Никому я уже не нужна!

Магда. Нужна. Успокойся. А мужики на целлюлит не обращают внимания. Про рак им лучше не говори.

Виола. Магда! Я не могу так больше!

Магда. Борщ варить хочешь?

Виола. И борщ, да! И борщ. И чтоб перегаром от него несло.

Магда. От борща?

Виола. От мужика. И чтоб бил меня. Вот! Я любить хочу!

Любочка. Вилка, ты какая-то на всю башку треснутая. Хочешь, мы тебя с Магдой побьем?

Виола. Любка, ну ты, блин, как... Ведь мужик — это же знаешь что...

Любочка. Уж я-то знаю. Своего лет десять не могу из квартиры выпихнуть. Перегаром ты, Вилка, не дышала. Каждодневым. Я уж супы лет пять не варю. Некому. Призрак по квартире только ходит какой-то. Я про секс, кстати, тоже забыла давно... Это даже не «Доширак» уже, а ты говоришь борщ.

Инесса. Ну и гнала бы.

Любочка. Так муж вроде. Да и люблю как бы.

Виола. Вот. И мне нужно. Пусть хоть призрак, но мой.

Инесса. Вы что, девки, такое несете? Магд, подтяни корсет...

Магда затягивает корсет Инессе.

Инесса. Я вам вообще так, бабы, скажу, не нужны нам мужики. Так, на раз, это нормально. Но лично я их дальше кровати давно не пускаю. Сделал дело — гуляй смело. А то начинается: носки ему постирай, рубашку погладь, на пиво выдели. Там не так догладила, тут, видите ли, недокормила, здесь недодала. Пошли они в одно место.

Виола. Тебе хорошо говорить. Вон они вокруг тебя стаями вьются. А мне б одного.

Инесса. Вьются-перевьются. И не стаями, а стадами. Бараны. Мне и одного не надо. Я сама по себе. Нажралась я, девки, этой радости по самые гланды.

Магда (Инессе). Так не жмет? Узелок завяжется, узелок развяжется.

Инесса. Спасибо, Магдуль. Нормально, вроде. Давай, Вилка, три сопли, пудри нос. Нам на сцену скоро. А то сейчас выбежит наша мегера со своим: «Девоньки, девоньки побежали». Не забалуем.

Магда (Виоле). Да и не переживай ты так в самом деле — у меня тоже целлюлит. В чулках не видно.

В гримерную врывается Элеонора Ласковая.

Элеонора Ласковая. Это что такое, шалавы, было?! Вы что там за вертеп устроили? У нас «Мулен Руж», а не скотный двор!

Инесса. Вы, Элеонора, начитанная. Завидую.

Элеонора Ласковая. Я начитанная?

Магда. Это комплимент вообще-то был.

Элеонора Ласковая. Не сбивайте меня. Я вас, подзаборных, откуда вытащила? Вы что там устроили?

Любочка. Мы ноги задирали. Как всегда.

Элеонора Ласковая. Кто так задирает? Ну-ка покажи ляжки немедленно! Это не ляжки, это — синяки с бляшками. Где чулки?

Любочка. Элеонора Ивановна, так ведь на днях еще порвались. Вы забыли? Вы нам китайские дали. А они на один раз.

Элеонора Ласковая. Это ты на один раз! Сложно дуре колготню купить?

Инесса. Знаете что, Элеонора...

Элеонора Ласковая. Что? У тебя почему тушь на сцене потекла?

Инесса. Что дали, то и намазала, а на Любочку кричать нечего. Вы когда последний раз с нами рассчитывались?

Элеонора Ласковая. Когда надо! Нет денег сейчас! Не наработали!

Инесса. Ну раз не наработали, так какая колготня тогда? Что есть, то и носим. В основном кожу. Элеонора, что вы вызверились? Нормально ж сплясали. Мужики в восторге.

Элеонора Ласковая. Вот именно что сплясали! Халабуду какую-то. У одной тушь течет, у другой ноги в рытвинах. Где растяжка? Где кураж?

Любочка. Ну, согласна... Ну не смогла я сегодня. Устала.

Элеонора Ласковая. А ты смоги, смоги. Больше двигаться надо. Вон, как Вилка, будто каждому мужику дает.

Виола. Вы как скажете...

Элеонора Ласковая. А что говорить, всё как есть. Одна за всех, молодчина. Попой крутила, ноги шпагатом. А ход?! А стать?! А поступь?! Чистая кобыла! Умница! Но остальные! Где вы этого набрались?

Инесса. Откуда подобрали, там и набрались.

Элеонора Ласковая. Ты не ехидничай, стрекоза, не настрокозила еще стрекозят, чтобы стрекозить.

Инесса. Я с вами вообще никого не настрокожу.

Элеонора Ласковая. И не настрокозишь. Тьфу, привязалось! Короче, бабы, еще один такой финт, и все обратно. На комбинаты и фабрики – на государство панельничать. Понятно?

Магда. Там хоть платят.

Элеонора Ласковая. Вот и вали отсюда! Не очень-то и надо! Тоже мне фея – в штанах у Орфея.

Инесса. Вы и правда начитанная.

Магда. Успокойтесь, Элеонора Ивановна. Успокойтесь. Давайте по существу. А на что нам тряпки покупать? Денег-то нет.

Виола. Да, Элеонора Ивановна. Я за комнату уже два месяца не платила. Меня выгонят скоро.

Элеонора Ласковая (*топает ногами*). Не называйте меня по отчеству! Сколько лет прошу! Всё вам об стену горох! Я – Ласковая!

Инесса. Это видно.

Элеонора Ласковая. Что тебе видно?

Инесса. Ну так... видно, и всё.

Любочка. Элеонора... Ласковая... Но ведь правда... У меня вот муж. Хороший. Любит меня. А денег в семье нет.

Элеонора Ласковая. Это так он тебя любит?! Как синюю птицу, что на прилавках?

Инесса. Вот за что вас уважаю, Элеонора вы наша Ласковая, так это за грамотность.

Элеонора Ласковая. Не поняла?

Инесса. Ну, грамотно вы нас песочите. С выходом в литературу. Я бы сказала — одна нога здесь, другая — полетом в искусство. Заслушаться можно. Чистый «Мулен Руж».

Элеонора Ласковая *(ко всем)*. Что она трещит?

Магда *(подмигивая Инессе)*. Стрекоза, что с нее возьмешь. Крылья расправляет.

Элеонора Ласковая. Я ей расправлю крылья! Оштрафую за тушь, узнает у меня.

Инесса. Интересно, как можно оштрафовать без выплаты зарплаты?

Элеонора Ласковая. Влегкую! В минус!

Инесса. Элеонора... Я вообще-то ведущая лошадь. Вы кого вместо меня запряжете?

Элеонора Ласковая. Кого надо, того и запрягу. Вот Вилку хотя бы. Как она сегодня копытцем-то выстукивала. Загляденье!

Инесса *(подмигивая Магде)*. И гривой в небо, и ноздрями — в звезды.

Магда. Нет у нас неба. Потолок один.

Инесса. Ага. Освежающий.

Элеонора Ласковая. Вы, оторвы, кончайте меня заговаривать. Потолок протекает, потому что урод ваш, карлик этот доморощенный, ничего делать не хочет. Сколько раз ему говорила, залатай крышу наконец. А он хреначит только одеколон свой сутками и мазюльками стены изрисовывает.

Виола. Это не мазюльки. Тулуз прекрасные картины пишет.

Элеонора Ласковая. Это в безумии он Тулуз, а по жизни —

Тимофейка. Держу из жалости.

Инесса. Вы еще и благотворительница.

Элеонора Ласковая. Я ласковая просто.

Магда. Отпустили б вы нас, Элеонора. Ласковая. Мне еще на фабрику успеть. Сегодня моя смена.

Элеонора Ласковая. Твоя фабрика – здесь! А там так – хобби. Дань государству. Барщина, оброк. Короче, слушайте. Не будет ног – не будет денег. *(Инессе.)* Тушь чтоб купила. *(Любочке.)* С тебя колготня. *(Магде.)* Ты растягивайся. Бери пример с Вилки. И вот еще что... Я – Ласковая, а у нас – «Мулен Руж». Ясно?!

Магда. Да, конечно. Руж. Только пенсия мне от фабрики пойдет.

Элеонора Ласковая. А на пенсии ты уже никому не нужна будешь! Работаем, девочки! Ра-бо-та-ем! Последний выход – и свободны! На западном фронте без перемен! *(Идет к выходу.)*

Инесса *(вслед).* Сексус! Плексус! Нексус!

Элеонора Ласковая *(разворачивается).* А?

Инесса. Я говорю, будем стараться! Без перемен!

Элеонора Ласковая *выходит.*

Инесса *(к остальным.)* Она вообще колготки от чулок отличает?

Затемнение.

Опускается «фабричный» занавес с изображенным на нем оборудованием производственного цеха Краснознаменной шерстомойной фабрики им. А. И. Деникина.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ
МАГДА / ТУЛУЗ

Авансцена.

Производственный цех Краснознаменной шерстомойной фабрики им. А. И. Деникина.

Магда и Тулуз.

Магда *(в бесформенном сером халате, в руках у нее швабра с тряпкой; она моет полы и разговаривает сама с собой).* Как же меня это всё достало! Чтобы ничего, ничего в жизни... Мне скоро... Боже, даже про себя произнести не могу, сколько мне... нет, лучше не вслух — с ума сойду... Господи, как же пусто-то! Сплошная дыра в душе. Даже не дыра, а ведро ржавое. С водой мыльной. Только тряпку туда макать! И выкручивать ее, выкручивать. От грязи этой. Как же грязно-то! Не вышла, не родила... чёрт, даже стиралку до сих пор не купила. Даже телевизор до сих пор ламповый... Вот что у меня есть? *(Застывает.)* Ни-че-го. Ни-ко-го. Только хоронила всех и хоронила, хоронила и хоронила... Родителей не состарившихся, детей не родившихся, любовников не дозревших... *(Моет полы.)* А если б не хоронила, с другой стороны? *(Вскидывает голову.)* Что бы сейчас имела? Стариков с пенсиями на лекарства? Детей на азотном комбинате, в ноль унюханных? Трясущихся любовников с проданным кинескопом?.. *(Остервенело срывает тряпку со швабры, окунает ее в воду; вытаскивает, крепко выжимает, приподнимает на уровень глаз, разговаривает с тряпкой.)* Вот ответь мне? Оно мне это всё надо? В мои за тридцать? К моим сорока? Что имеешь, что не имеешь. И так плохо, и так злокачественно. Вытащишь из ведра, отожмешь нас — серые и влажные, а опустишь — черные и мокрые. Один хрен получается. Как ни выкручивай. *(Бросает тряпку на пол, заворачивает на щетке, рьяно водит шваброй.)* А Элка эта — карга старая! Маши ей ногами — растягивайся. *(Прекращает мыть, разворачивается в сторону предполагаемой двери, кричит.)* А у меня до сих пор денег на духи французские нет! На помаду нормальную! Сумочку! На лифчик наконец! С чашечками!

Мягкими! А не с нашими алюминиевыми мисками! Дура я! И зачем я в этот «Мулен Руж» своими резинками подвязалась, зачем я повелась на эту авантюру дурацкую?! *(Моем полы, бубнит под нос.)* Тоже мне, купилась, идиотка, на быстрые деньги, а их как не было, так и нет... Думала, встречу там кого приличного... Уеду... Заезжают ведь иногда... *(Распрямляется, кричит в сторону предполагаемой двери.)* Между прочим, я не мельница, чтоб лопастьями крутить, я — Женщина! Я в партере хочу сидеть!.. *(Снова моем полы.)* А красные белогвардейцы эти? Азотники и шерстомойщики? Ворошилов их с Тухачевским, видите ли, перестали устраивать, им теперь — Деникина с Колчаком подавай. У них что, азота больше от этого стало? Шерсть гуще расти начала?.. Вот интересно, у меня от них теперь какая пенсия будет?.. И вот не интересно вовсе. Потому что не доживет никто, а кто доживет — тот еще жалеть будет, что раньше не сдох... да пошло оно всё... к едрене... *(Опирается на швабру. В зал.)* И эти, блин, овцы, из европ и америк своих понаедут на туристических автобусах... в паричках и бусиках, с сумочками через сморщенную ручку... а за ними пердуны в замшевых пиджачках, мокалинах и цифровых аппаратах... шась-шась... Сладенькие все, как пирожные, глаза во! — чисто желе на блюде. И плещутся, по тарелке, плещутся. Безумцы. Никаких мыслей. Как коровы на пастбище. Жуют и церкви наши щелкают. Ээ бест! Вандерфул! Найс! Утопила бы! В азотной кислоте! Шерстяной бы нитью придушила!.. Что вам вообще дались наши церкви? Сплошные сараи с куполами. Лучше б в «Мулен Руж» хоть раз зашли. Нет, стороной все. Я туда зачем пошла? Ляжками трясти? Из любви к искусству, может?.. Еще батюшка этот на днях устроил... мол, блудница я... да ты на себя посмотри, морда небритая, где ты таких слов понахвтался! Давно из своей алкоголической поэзии выбрался?! Мне Инесска всё про тебя рассказывала. И про оды твои на звезды, и про «мяу-мяу»... Где ты блуд вообще такой видел, чтоб я — актриса, со студийным районным образованием, можно сказать, почти самородок, ночью тут шваброй всё драила, а вечерами ноги нарастяг корячила? Ты крест бы поберег для целей эмиграции в автобусы... к пари-

кам... козлина такой... Боже, как же так? Ну почему одним фотоаппараты, а другим засвеченные пленки? Вроде не дура. А вся жизнь нарастяг пошла... (*Смотрит на руки.*) Сволочи, даже резиновых перчаток не дали. Намывай им шерсть тут. Глядишь, золотое руно намоешь. Чёрт бы вас всех побрал! Не свою жизнь я прожила, не свою... Работать, Магдочка, работать! (*Молча моет полы.*)

В производственном цехе появляется неопределенного возраста невысокий мужчина – это Тулуз. Он в солдатских штанах, сапогах и телогрейке. На носу – очки. Борода – редкими кустами.

Тулуз. Привет, Магдуль.

Магда. О! Не было печали. Картину написал?

Тулуз. Нет.

Магда. Краски пропилил?

Тулуз. Магдуль, ну чего ты. У меня кризис.

Магда (*перестает мыть, опирается на швабру*). А мучить меня не кризис? Ты декорации вчера как поставил? Девки себе чуть все ноги не переломали.

Тулуз. Как смог. Магда, я один на весь «Мулен Руж». Пойми меня правильно. Времени не хватает.

Магда (*подбоченясь*). А я на всю фабрику. Деникинскую, кстати сказать!

Тулуз. Лучше Махновскую.

Магда. Один хрен. Чё приперся? Видишь, у меня работы невпроворот. Кто тебя вообще впустил?

Тулуз. Так ворота настежь. Я и прошел. Магдуль, мне ночевать негде.

Магда. Тебе всегда негде было. И что?

Тулуз. Ну Магда.

Магда. Я тебе – общежитие?

Тулуз. Магда...

Магда. Да, Тимофей? Тебя остальные профурсетки взашей

погнали?

Тулуз. Ну, если честно, на профурсеток-то вы все не очень...

Магда. Еще слово, ты шваброй по художественному загривку получишь.

Тулуз. Хорошо, пусть будет – профурсетки.

Магда. Поиронизируй мне тут.

Тулуз. Магда, я спать хочу. Я устал очень.

Магда. Отчего это так, дорогой мой?

Тулуз. Устал. Просто. Спать хочу.

Магда. Тулуз, ты дурак? Ты что, не видишь, что творится?

Тулуз. Что?

Инесса. Ты спиваешься.

Тулуз. Знаю.

Магда (*моет полы*). Знать мало, понимать нужно.

Тулуз. Я пытаюсь.

Магда. На пакеты с дихлофосом переходишь?

Тулуз. Ну что ты, в самом деле?

Магда. Надоел ты мне. Где картины?

Тулуз. Я пишу.

Магда. Ты последнюю полгода тому назад начеркал. Мы на рынке ее продать не смогли. Что с тобой?

Тулуз. Пишу.

Магда. Ты не пишешь. Ты – бухаешь! А остальное жжёшь!

Тулуз. Магда. Пусти меня. Я спать хочу.

Магда. Полы помоешь?

Тулуз. Магда, я – художник.

Магда (*бросает ему швабру с тряпкой*). А я – актриса. Вот бери кисть и рисуй. Только аккуратно, не разводи тут творческое болото.

Тулуз. К себе пустишь?

Магда. Ты рисуй, рисуй, там посмотрим.

Тулуз нехотя берет швабру, неумело моет.

Магда. Нарастяг бери. Не халтурь.

Тулуз. То есть?

Магда. Профессиональное. С захватом. И амплитудой. И не елозь. На себя тyani. Вот, видишь, получается, когда хочешь.

Магда садится на край сцены, свешивает ноги.

Магда (*спиной к Тулузу*). Ну, ты как сам?

Тулуз. Страшно. Устал.

Магда. Это я слышала. А вообще?

Тулуз моет полы, молчит.

Магда (*вполоборота поворачивается к Тулузу*). Отчего устал, спрашиваю?

Тулуз. От всего. Ты что, не понимаешь?

Магда. Нет.

Тулуз (*перестает мыть полы, держит швабру как канатоходец*). От натуралистов, от постных модернистов, от авангардистов! От шелупени этой околохудожественной.

Магда. Ты опять за старое? Сам-то ты кто?

Тулуз. Я — псевдореалист, Магда. Что ты меня спрашиваешь? Ты же сама прекрасно знаешь.

Магда. То-то мы ни одну твою картину продать не можем.

Тулуз (*взрывается, бросает швабру на пол*). Так потому и не можем, что толпа толпу покупает. Что общее мракобесие за всеми стоит. Мы же уже давно одним стадом пишем. Нет художников! Нет писателей! Нет! Одно одутловатое лицо осталось. Тусовщики, союзы, партии, деятели. (*Отчетливо.*) Де-ла-те-ли. Легион есть, а ни одного воина среди них.

Магда. Партии-то тут при чем? (*Кивает на швабру.*) Реквизит фабричный подними.

Тулуз (*поднимает швабру*). Потому что это всё то же самое. Серая безликая масса. Манка. Авангардисты — каша. Натуралисты — каша в комках. Постнодерьмисты — прокисшая каша. А партии — так это вообще каша на воде. Только без крупы. Нам

по телику давно уже быдло быдлу впаривает быдло.

Магда (*сгибает одну ногу в колене и ставит на сцену, другая — свисает, покачивается*). Да, только ты забываешь, что у быдла есть одна особенность — оно всегда не ты.

Тулуз. Только мне это говорить не надо, ладно? Не надо вот этого. Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

Магда. Может, вам тогда реализм пора всем писать? Чтобы быдлом себя перестать чувствовать?

Тулуз. А где он, реализм? Где? На фабрике этой? На комбинате? В клубе нашем доморощенном? Всё же псевдо. Только не понимает никто.

Магда. Ну почему же, всё я понимаю. Вы же сами все псевдо. Ходите только по нам и жизни наши топчете. Мы ж, бабы, для вас никто, так, кому чем придется... кому палитрой, кому пером, кому пюпитром... А вы по нам — по холстам — тряпкой, тряпкой... Ты выжимай, Тимка, выжимай. Извини, перчаток нет. Все на азотный ушли. Так что — голыми ручками... Вон Инесска даже один курс филфака в Питере закончила. А потом ее один професенок завалил. Объяснял, что очень хочет стихослагать ее образ. Не стихосложилось. В Пэ-Тэ-У пошла. А потом к нам.

Тулуз (*неумело отжимает тряпку*). Магда, что ты говоришь такое? Я, конечно, виноват. Очень, но... Я ведь и замуж тебя сколько раз звал.

Магда. Ой, ну да ладно тебе, Тимоха. В чем ты тут виноват? Ты ж палец о палец не ударишь. Всё у нас творческие муки. Там запьет, тут загуляет. Я картин твоих не помню. Что на мешок картошки обменяли, что на сивуху. Ну как же — Художник! Замуж за него еще иди. Я похожа на сумасшедшую? На что я тебя потом обменяю? На килограмм сахара? На пуд соли? На десяток яиц?

Тулуз. Магда, мне плохо очень.

Магда (*поднимается, подходит вплотную к Тулузу*). А мне, карлик ты этакий, хорошо, по-твоему?! Что я тебе вообще говорю? Ты посмотри на себя, ты даже до карлика не измельчал! Измельчал, может, и правда Художником бы стал. А так ни то, ни

се. Метр с кепкой – что это у нас за высокорослый гном?

Тулуз. У меня гормоны.

Магда. У меня тоже! Представляешь! Я мужика хочу! Нормального, без закидонов! Без истерик этих. Ты вспомни, что ты неделю назад сделал? Ты пять холстов сжег. Пять холстов!

Тулуз. Сжег. Согласен.

Магда. Тряпку отжимай!

Тулуз. Я отжимаю.

Магда. Фигово ты ее отжимаешь. Давай сюда! *(Отбирает у Тулуза тряпку.)*

Магда моет полы. Тулуз отходит в сторону.

Тулуз. Я – да. Сжег. А потому что. Плохо. Беда пришла, Магда. А я с бедой не могу жить. Когда это не нужно никому. Вообще. Когда только телевизор с куклами или кино с графикой. Любви нет. Понимаешь, Магда? А куклы не рожают любовь. А мне любовь нужна.

Магда *(снимает тряпку со швабры, опускается на колени, на корточках трет пятно).* А кто она, кто, для тебя эта детсадовская любовь?! Поиметься и опохмелиться? Тима, ты фактически несколько лет без нормальной работы. Ты своими кистями и красками уже задрал всех. Ты полукарлик-получеловек давно. По тебе хоббиты плачут. Твои декорации в «Мулен Руж» любой школьник сварганит.

Тулуз *(ходит вокруг Магды).* Но ведь были картины. Была нормальная работа – были и картины. Я же на азотном не последний человек когда-то был. Зам начальника химцеха, между прочим. Так что всё было. Когда-то. Это потом уже всё вкривь и вкось пошло... Руки опустились.

Магда. Вот именно, что были, была, было, был! *(Выжимает тряпку в ведро.)* Когда-то! Сплыло! Барахло осталось! *(Поднимает голову, смотрит на Тулуза.)*

Тулуз. И что мне, в петлю теперь?

Магда. Нет! Ухо себе, как Ван Гог, оттяпай, чтобы этого

не слышать.

Тулуз. Когда-нибудь я так и сделаю...

Магда. Ой-ой-ой! Где ты и Ван Гог? Что вы все бравируете собственным сумасшествием? Ты еще, как Лотрек, прихрамывать начни. А мыть полы так никто, между прочим, из вашего брата и не научился.

Тулуз. Мы другие полы моем.

Магда. Да?! И что ты такого в своей жизни намыл? Ночевать даже негде! Иди домывай давай! *(Бросает ему тряпку под ноги.)*

Тулуз *(наклоняется, накидывает тряпку на швабру, но полы не моет, смотрит на Магду).* Я вот чего, Магда. Тут так... Как бы тебе объяснить... Да, ты права, конечно... Но отчасти, отчасти лишь... У меня ведь всё – винегретом. Но ведь это не у меня винегрет, а у них бардак... А я пишу, что вижу... А оно страшно... Оно не пишется в стиль... Мне смешно порой даже хочется сделать, забавно, а оно ужасно получается, вкривь и вкось, не держу линию... а жизнь... вообще... она вся – псевдо оказалась... и денег нет... пишу – и в печь. Напишу, и так мне поганно. Ведь знаешь же меня, за мной же и художественное, и премии были, а потом вдруг... я и писать тогда перестал толком... ну, когда враги вдруг героями стали, а герои – врагами... Вот ведь... я лишь отражаю... потому и псевдо всё получается... не реально... Теперь вот памятники рушат... И оползни эти, постсоветские, поползли... А ведь у меня деда когда-то убили... то есть вот так получилось... Я ведь, знаешь, права ты... Я теперь почти всё время жгу... Я устал, Магда. Я спать хочу. Как такую реальность писать?..

Магда бросает ему ключи.

Магда. Вали. Сама домою.

Тулуз поднимает с пола ключи.

Тулуз. Так вроде домыли уже. Пошли вместе, а? У тебя, кста-

ти, есть дома что выпить?..

Магда. Я тебе сейчас вместе с ухом язык отрежу!

Тулуз. Лучше сразу в гробу постели.

*Тулуз подхватывает ведро и швабру. Оба выходят.
«Фабричный» занавес поднимается.*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ КУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ

Кабинет Элеоноры Ласковой.

Письменный стол, шкаф, диван, расписанная драконами китайская ширма, а также круглый стол, на котором возвышается странный холм, прикрытый огромной цветастой шалью. Вокруг стола стулья.

*Элеонора Ласковая сидит за письменным столом. Вокруг него собрались **Инесса, Виола и Любочка.***

*Впоследствии к ним присоединяются **Магда, Представитель и Тулуз.***

Элеонора Ласковая (из-за стола). Ну-с, дзе-во-чки! Как растяжечка?

Инесса. Тянемся, Элеонора, тянемся.

Элеонора Ласковая. А Магда где?

Инесса. Опаздывает.

Элеонора Ласковая. Топчет ее кто?

Виола. Тяжело сказать.

Элеонора Ласковая. Звоните!

Любочка. Звонили. Никто не берет трубку. (С любопытством поглядывает на круглый стол.)

Элеонора Ласковая. Значит, топчет.

Инесса. У нас неизвестность в этом плане.

Элеонора Ласковая. Хотите сказать, что на троих работать будете?

Виола. Ну, если надо...

Элеонора Ласковая. А что с тушью и колготней? Наскребли по сусекам?

Любочка. Я у подруги одолжила.

Элеонора Ласковая. Показывай.

Любочка. Вот. *(Протягивает чулки.)*

Элеонора Ласковая. Ну-ка. *(Рассматривает, тянет в разные стороны; чулки лопаются.)* Подруге привет передавай. *(Возвращает две рваных «ноги» Любочке.)*

Любочка *(едва сдерживая слезы).* Что же вы наделали! Это же не мои.

Элеонора Ласковая. Не реви. Что у тебя, Инка?

Инесса. Я на толкучке купила, но боюсь, вы тушью обувь чистить начнете. Элеонора, вы в своем уме? Зачем вы Любочке чужие чулки порвали?

Элеонора Ласковая. Не хамя. Давай сюда. *(Инесса неохотно протягивает флакончик, Элеонора Ласковая с подозрением его рассматривает.)* Не пойдет. Левак.

Инесса. Может, мне тогда гуашью намазаться?

Элеонора Ласковая. Прикажу – намажешься. У Тимофейки этого добра навалом. Кстати, кто и когда видел нашего карикатуриста в последний раз?

Виола. Вчера был.

Элеонора Ласковая. А сегодня вроде нет. Значит так, чтобы через полчаса всех нашли. У меня сообщение будет. А это вам, оторвы, презент от меня. Спасибо спонсору.

Инесса. Какому еще спонсору?

Элеонора Ласковая. Самому главному. Всё потом. Разбирайте, я сегодня ласковая.

Встает. Подходит к ширме, вытаскивает из-за неё два огромных полиэтиленовых мешка. Бросает танцовщицам. Те подхватывают мешки и вынимают из них платья, туфельки, чулки, подвязки, плюмажи, краски и прочее «муленружевское» великолепие.

Виола. Откуда это всё?

Любочка. Боже, красота какая!

Инесса (*с подозрением смотрит на мешки с изображенной на них эмблемой в виде двух сердец – маленькое в большом*). Гуманитарная помощь подоспела.

Элеонора Ласковая. Язык за лошадиными губами придержи. Оттуда, между прочим. (*Показывает вверх пальцем, затем смотрит на часы*.) Значит так, всем быть здесь. Никуда не выходить. Звонить Магде. Искать Тулуза. Вещи быстро на себя. Чтоб как в армии – пока горит спичка. Всё. Я скоро буду. И чтоб все – в нарядах. Из пакетов. (*Кивает на круглый стол*.) Стол не трогать. Удавлю колготками.

Деловым шагом выходит из кабинета. Женщины в изумлении рассматривают содержимое пакетов. В кабинет влетает Магда.

Инесса. Ты где была? Элка обыскалась уже.

Магда (*валится на стул*). Уф, девчонки, извините, устала. Вчера еще на фабрике. Да и Тулуз достал.

Виола (*нервно*). Так он у тебя ночевал?

Магда. А где же ему еще ночевать?

Виола (*понуру*). Ясно.

Магда (*миролюбиво*). Ну что тебе ясно, Вилка? Что ты как маленькая, в самом деле? Он – мужик, я – баба.

Инесса (*с усмешкой*). Фабрика, говоришь? Тоже мне, рабочий и колхозница.

Магда. Девки, давайте закроем тему. Нам еще на растяжку.

Инесса. Подожди ты с растяжкой. У Элки тут аврал какой-то образовался. Сообщить что-то хочет. Тулуз, кстати, приковылял?

Магда (*кивает*). Рисовать пошел.

Любочка (*вытаскивает платье из пакета*). Глазам своим не верю. Чудо какое-то.

Инесса. Не к добру. Тряпки эти.

Магда. Что за тряпки?

Виола. Элка сегодня одарила.

Любочка. Вот. Смотри. *(Выкладывает вещи на письменный стол.)*

Магда *(подходит к столу, рассматривает одежду).* Вот это новость. Надо же, и бирки вроде французские. И чулки. Италия, что ли? Бог ты мой, какие подвязки, не то что наши.

Инесса. Не повиснуть бы нам на подвязках этих. А то знаешь, бирки — бирками, а спонсор наш. *(Внимательно рассматривает изнанку платьев.)* Кстати, лейблы странные. Это явно и не Франция, и не Италия. Самопал какой-то. Ладно, давайте, напяливайте это барахло. Элка сказала при параде быть.

Магда. Да ну?

Инесса. Ага...

Все направляются за ширму.

Виола. Да какая, собственно, разница? Франция — не Франция.

Инесса. Есть разница. Не люблю я эти подачки сверху.

Любочка. А мне нравится. Очень!

Магда. Согласна. Хоть танцевать будет в чем. А то мы уже непонятно во что превратились.

Инесса. Непонятно, во что мы потом превратимся. *(Перекидывает свое платье через перегородку ширмы.)*

Виола. Ой, как по ноге идет. Девчонки, у меня сейчас оргазм будет.

Любочка. Инесс, подай плюмажик, пожалуйста. Закрепишь? Так нормально? Не съезжает?

Инесса. Нормально. Теперь мы все на лошадей похожи. Нам хлыста только не хватает.

Магда. Надо же, платье как влитое сидит.

Инесса. Это тебе все-таки не халат на фабрике.

Виола. Девчонки, а кто меня затынет?

Инесса. Всё у тебя одно на уме.

Виола *(стонет).* О-ой-й! Будто в ладони чьей-то. Мягкой,

нежной, ласковой. Де-е-е-вки!!! Это — просто отпад какой-то! Посмотрите, какая колодочка! Чистый «Мулен Руж»!

Инесса. Мужика тебе надо. Зверя.

Любочка. Давайте быстрее. Мне кажется, Элка идет.

Инесса. Вот, вот, растянет нас прямо на ковре.

Выходят из-за ширмы. Складывают свою одежду в пустые пакеты. На всех платья для канкана, с плюмажами.

Любочка. Интересно, а что она на столике прячет? Честно говоря, очень кушать хочется. Аж под лифчиком свербит. *(Подходит к круглому столу, закрытому цветастой шалью, пригибается, приподнимает уголок платка, заглядывает под него.)*

Инесса. Не трогай — отравишься. Там наш азотный городок. В миниатюре.

В этот момент в кабинет входит Элеонора Ласковая с человеком лет пятидесяти. В руках у него кожаный портфель с блестящими замками.

Элеонора Ласковая *(суетится)*. А это, Альфред Германович, наши примы. Девочки, да что вы застыли, в самом деле? Ах, какие красавицы! Чистый розарий! *(Умильно хлопает в ладоши.)* Стесняются вас, Альфред Германович... Вот — заробели. Ну, родные мои, *(подбегает к танцовщицам)* давайте, сладкие. *(Нежно берет Магду и Виолу за руки, ведет к круглому столу.)* Вот, Любочка правильно сделала. Поднимай, поднимай, платочек, доченька. Оголодала, родная.

Любочка аккуратно снимает платок. У танцовщиц вырывается удивленный вздох — стол сервирован. На нем стоят блюда, вазочки с эклерами и пирожными, самовар, чайничек, фужеры и бутылки с шампанским.

Элеонора Ласковая. Давайте, мои рыбоньки, угощайтесь. Та-

кой день у нас, такой день! Сам Альфред Германович пожаловал. А что, Альфред Германович, может, сами представитесь? Девоньки, ну что же вы. Давайте. Пирожные, конфеты. Немного шампанского. Только, девоньки, вам много нельзя. Сегодня еще танцевать. (*Шаловливо подмигивает.*)

Танцовщицы в нерешительности стоят вокруг стола и с изумлением смотрят на Элеонору Ласковую.

Инесса. Элеонора... кх-кх... Ласковая... нам сладкого и мучного нельзя, вы же знаете.

Элеонора Ласковая. Ну что ты, Иночка, сегодня такой день. Сегодня можно. По чуть-чуть. Видите, Альфред Германович, как они ко мне? Со всей душой. Я им говорю, ну бросьте, девоньки, меня так называть. Я же из простых. Ивановна. Нет, говорят, вы для нас будто мать родная. Ласковая. Ну что с ними делать будешь? Вот так и живем: я — мать, это мои доченьки. А где сыночек-то наш, Тулузик? Так-то, Альфред Германович, он — Тимофей. Но уж больно талантлив. Вы бы его картины видели. А декорации! Так что для нас он — Тулуз. Не иначе.

Виола. Элеонора Ласковая, я схожу за ним?

Элеонора Ласковая. Сходи, солнышко, приведи его. Ну, давайте же уже садиться.

Все рассаживаются вокруг стола. Виола, подобрав полы длинного платья, быстро выходит.

Представитель (*усаживаясь и приставляя портфель к стулу*). А великолепных дам, простите, как звать-величать?

Элеонора Ласковая (*представляет танцовщиц*). Инессочка, Магдочка и Любочка. А Виолочка только что вышла.

Представитель. Какие у вас имена любопытные.

Элеонора Ласковая. Сценические.

Магда. Мы к ним как к собственным привыкли.

Представитель. И Любочка?

Любочка (*взбив пероксидные локоны*). А вот у меня родное, натуральное.

Инесса. Не прижилось просто ничего. Мы уж и Эльжбетой пробовали, и Гертрудой. Никак.

Представитель. А это весь ваш состав? Мне казалось, вас больше должно быть.

Элеонора Ласковая. Ой, тут беда такая, Альфред Германович. У нас еще четыре девушки было. Но одна в декретном, другая ногу недавно сломала...

Инесса (*перебивая*). Прямо на канкане. А при нашей профессии в полторы ноги не потанцуешь.

Элеонора Ласковая (*недобро стреляя на Инессу глазами*). ... А две других на время в Германию уехали.

Инесса (*подмигивает Представителю*). На заработки. Ну вы поняли.

Элеонора Ласковая (*шикая на Инессу и корча гримасы; тихо*). Угомонись.

Представитель. Да, да. Заработки – это хорошо. Это нужно. Это важно. Найти их, конечно же, в случае чего не составит труда?

Магда. А вам зачем, если не секрет?

Представитель (*туманно*). Да так. Я на всякий случай спросил.

Любочка. А они уволены. Без выходного пособия и задними числами. Да, Элеонора Ласковая? Ой, я что-то не то сказала?

Элеонора Ласковая (*кашляет в кулачок*). Они вообще-то все по собственному ушли. У меня и заявления где-то были. Надо поискать.

Представитель. Ну что вы, что вы. Не затрудняйте себя, это уже несущественно.

Долгая неловкая пауза.

Элеонора Ласковая (*умильно*). Альфред Германович?

Представитель. А? Да, конечно. (*Берет бутылку шампанского.*)

Элеонора Ласковая. Ой, да что вы, я сама, вы пока представьтесь. (*Аккуратно вытягивает у него бутылку из рук.*) А я уж за всеми поухаживаю. (*Опытным движением открывает шампанское, сама же и разливает в фужеры.*)

Представитель. Собственно, дамы, как изволила выразиться многоуважаемая Элеонора Ивановна...

Магда (*поправляет*). Ласковая.

Элеонора Ласковая. Ой, Магдочка, ну что ты. Это для вас я — Ласковая.

Инесса. А для остальных?

Элеонора Ласковая. Ну и для Альфреда Германовича, конечно. Но это же наше, внутреннее больше... Простите нас, Альфред Германович. Сами понимаете, женщины, — любим поболтать. Ох, конечно же, я для вас просто Ивановна. Ну и ласковая, конечно же, тоже... Доченьки — чаек, пирожные. Надо бы фужеры за такую удивительную встречу поднять!

Любочка. А Виолу с Тулузом не будем ждать?

Магда. Я посмотрю.

Инесса (*тихо*). Не надо.

Элеонора Ласковая. Ну, конечно же, давайте подождем. Альфред Германович, а мы пока вас слушаем.

Представитель. Ну, что ж. Если позволите, я сида.

Элеонора Ласковая. Конечно, конечно.

Представитель. Как меня зовут, вы уже знаете. Альфред Германович. Фамилия моя — Шевяк¹. Но главное не в этом. А главное в том, что с недавнего времени я имею непосредственное отношение к культурному достоянию нашего края. То есть работаю в администрации. Не могу, конечно, сказать, что должность моя большая, но...

Инесса. Сытная?

¹ *Шевяк* (*сев. сиб.*) — кал, помет скота, животных, в том виде, как бывает по природе. По шевякам всякого зверя признаешь. (*«Толковый словарь живого великорусского словаря» В. И. Даля.*)

Представитель. Изредка, дорогая моя, изредка. Дело в том, что место мое не последнее в иерархии власти. Очень ответственное и сложное. Так сказать, сопряженное... (*пауза*) с владением, пользованием и распоряжением... Так что, сами понимаете, не до еды порой. Пока всё распределишь, не один месяц уйдет. Смотришь, и не поел даже.

Магда. Очень вас хорошо понимаем. Голодаете. Тяжело, наверное, распределять?

Представитель. Не то слово. Тяжкое бремя порой нести приходится. Невыносимое. Но суть опять же не в этом... Ведь как вам, барышни, известно, край наш один из самых... как бы это точнее выразиться – достоятельных.

Любочка. Простите, каких?

Представитель. Достоятельных. А достояние нашего края, как известно, основано на достоянии всего народа.

Инесса. Вот даже как. Очень интересно. Какое в вас живомыслие любопытное.

Элеонора Ласковая. Не перебивай, Иночка.

Магда (*Инессе*). Я пойду, посмотрю. Что-то долго их нет.

Инесса. Сиди.

Магда. Нет, я схожу все-таки. Элеонора Ласковая, я выйду на минутку? Очень надо.

Элеонора Ласковая. Разве что на минуточку. Одна ножка здесь – другая там.

Инесса. Как на растяжке.

Магда, приподняв платье, нервно выбегает.

Элеонора Ласковая. Альфред Германович, милейший...

Представитель. О чем это я?

Инесса. О достоятельности нашего края... До этого вы про недоедание говорили и тяжкое бремя.

Представитель. Так вот... Но что есть достояние, дамы? (*Обращается ко всем.*)

Любочка (*внимательно слушает Представителя, опершись*

подбородком на выставленную ладошку). Что, Альфред Германович?

Представитель. А вы сами как, уважаемая, думаете?

Любочка. Ну, я думаю, что достояние — это когда дом у каждого, работа у всех постоянная, зарплата такая, чтоб можно было за границу ездить... На курорт. К морю. В отель пятизвездочный. И чтоб обязательно — шезлонг с коктейлем. И чтоб анимации еще. По вечерам.

Представитель. А что же вам у нас не нравится отдыхать? Вам наших анимаций не хватает?

Любочка, потупив взгляд, молчит.

Элеонора Ласковая (*Любочке*). Ну?

Любочка (*неуверенно*). Нет, мне нравится, конечно. Но иногда просто хочется в Египет, в Турцию. В Париж, например. В «Мулен Руж» тот же сходить... Вот у меня подруга дневник в Интернете ведет. Всё время фотки из разных мест. То пирамиды, то водопады. А я, кроме нашего края, и не видела ничего.

Представитель. Вот это очень хорошо, что не видели. И не надо. Потому что наше достояние — это не дом и чужие курорты, а мы сами. А что мы сами? Мы есть — культура. Большая и великая. Культура, так сказать, с ресурсами. С углем и нефтью, с торфяниками и чащами.

Инесса. Вот даже как.

Представитель. Конечно же. С нашими глубокими озерами и бескрайними полями. А сколько морей у нас? Хребтин горных? Снега? Но что самое главное, наша культура — это не просто какие-то там песочные пирамидки, а прежде всего, краеведческие музеи, музеи революции, церкви наши. Краеведческие, опять же.

Инесса. То есть — это не то, что мы едим, а что плодим?

Элеонора Ласковая (*сквозь зубы*). Прикрой ротик, Иночка. Возьми пирожное.

Инесса. Хорошо, матушка. (*Берет эклер, заталкивает в рот.*)

Представитель (*к Инессе*). А вы разве не согласны со мной?

Инесса (*с набитым ртом*). Согласна. Продолжайте.

Представитель. И вот как лицо, ответственное за культурное достояние нашего края, должен вам сказать, у нас не всё так плохо, как пишут в желтой прессе. И Париж вам (*Любочке*) вовсе даже не нужен. Ибо вы, барышни, — лучше Парижа, вы наши — родные. Наш, можно сказать, родной «Мулен Руж».

Инесса. Наше краеведческое фсё! (*Один за другим облизывает кончики пальцев*.) Вы, Альфред Германович, на какой машине приехали?

Элеонора Ласковая. Инес-с-са!

Инесса. Я просто поинтересовалась. Нельзя, что ли?

Представитель. С удовольствием отвечу на ваш вопрос. К сожалению, у меня пока нет своего автомобиля. Не заработал. (*Разводит руками*.) Только служебный Мерседес, принадлежащий, как известно, администрации края. И тот уже, кстати, старенький. Прошлогодний. А почему вас это вдруг заинтересовало?

Инесса (*усмехается*). А к тому, что, думаю, Любочке хотелось бы на «Мулен Руж» не изнутри так называемого краеведческого клуба посмотреть, а извне — как зрителю. И не на раскладушке со стаканом лежать — в тундре неасфальтированной, а вот именно что в шезлонге с коктейлем. С анимациями. Где-нибудь в солнечной Хургаде. Сами-то вы, кстати, заграницей были? В Париже вот том же?

Представитель. Конечно. И не один раз. В служебных командировках. Мы французский народ с нашим достоянием знакомили. Иконы возили.

Инесса. Возили или вывозили? (*К Элеоноре Ласковой*.) Только интересуюсь. Мерседесик ведь старенький, мог и сломаться.

Представитель (*радушно хохоча*). Какая вы, однако ж, на язычок острая. И утрируете постоянно. Это выставки были. Разве не видели, еще по первому каналу освещали — «Православный ход в Париже».

Инесса. Я телик не смотрю. Мне православных хороводов

и тут предостаточно. Ну и что там народ французский? Обомлел от нашего православия?

Элеонора Ласковая. Инка!

Инесса. Спрашиваю исключительно ради самообразования.

Представитель (*легким движением руки останавливает Элеонору Ласковую*). С удовольствием ради вашего образования отвечу. Народ там открытый, душевный, понимающий. Знают же из какой страны мы приехали. Эйфель большой, Лувр длинный, я мимо проходил, кварталы есть разные, но это так... я по долгу службы, чтоб детальней ознакомиться... Но вот нашего, исконного, там нет.

Любочка. Исконного? А чего исконного?

Представитель. Души русской, размаха. Краеведения. Чтоб вышел в поле – и потерялся. Понимаете меня? Маленькая страна. Нечего там делать. Лягушатники.

Инесса. Ви? (*С любопытством наклоняет голову*.) А у нас чё делать?

Представитель. Так что угодно, милейшая вы моя! Сейчас такие возможности. Клуб вот ваш. Вы же таланты все. Я раз пять в «Мулен Руж» был, и что?

Любочка. Что? Расскажите, пожалуйста.

Представитель. Ничего! Мельница – она и есть мельница. А на вас посмотришь, жить хочется, душой петь, в загул на неделю, можно сказать.

Инесса. Вы, кажется, культурой заведуете?

Представитель. Так и я о чем! Поднимать ваш клуб надо, спонсировать! Делать из него достояние края, так, чтоб все туристы не в Париж ехали, а к нам, сюда – в русские поля и степи, к елям и березам ломились! Мы весь мир перевернем! Это же будет просто нечто!

Инесса. Это да. Это будет нечто.

*В кабинет входят растрепанные **Виола, Магда** и **Тулуз** с располосованным лицом. Телогрейка на его худом голом торсе распалхнута. На груди болтается крестик на шнурке. Виола и Магда*

поправляют плюмажи.

Элеонора Ласковая *(вскакивает)*. А вот и Тулуз наш. Краевая знаменитость, можно сказать. Господи, сынок, что у тебя с лицом?

Тулуз. Так... Кошка поцарапала.

Инесса. Какая из?

Любочка. У нас же ни одной кошки в клубе нет. Давно уже. Ни мышей, ни кошек.

Инесса. Теперь есть.

Элеонора Ласковая. Кошечки, ну теперь-то можно и по шампанскому. Тулузик, вытри личико и представься. *(Протягивает ему салфетку)* Это Альфред Германович Шевяк — культурный представитель из краевой администрации, а это... Тулузик, запахнись.

Тулуз *(одновременно вытирает лицо и застегивает телогрейку)*. Тимофей Палыч. Псевдореалист.

Представитель *(радостно)*. А вы знаете, похож! Похож! Я открытки в Париже видел! Этот как его... Мот... лот...

Тулуз. Лотрек.

Представитель. Точно! Только он по-другому одет был. Надо же, первый раз живого художника вижу. *(Протягивает руку, она беспомощно повисает в воздухе)*

Тулуз. Вам всё больше мертвые попадались? Извините, у меня рука в краске.

Представитель. В общем, да, конечно. Больше как-то из христаматерей... Ну да ничего, что вы еще не мертвый. *(Опускает руку)* Это ж у всех со временем, да? А вообще, очень приятно. Живой художник, прямо не верится! Только, скажите, почему же псевдо?

Тулуз *(насулленно)*. Потому что. *(Показывает пальцем на плюмажи Виолы и Магды)*

Представитель. Не понял?

Тулуз. Да неважно. На некоторых, я смотрю, у вас манишек и цилиндров с бабочками не хватило.

Представитель (*оцениваяще, Тулузу*). Какой вы, несомненно, любопытный человек.

Тулуз. А ничего, что живой?

Представитель (*мило улыбается*). Ну это ж поправимо. Извините, странно я как-то пошутил.

Тулуз. Я оценил.

Элеонора Ласковая. Всё, всё. К столу.

Виола, Магда и Тулуз садятся за стол. Места выбирают по-дальше друг от друга. Прячут глаза.

Элеонора Ласковая. За знакомство! (*Все встают.*)

Представитель. За край!

Присутствующие поднимают фужеры. Чокаются. Но не все. Затем выпивают, садятся и принимаются за пирожные.

Представитель. Так вот, дорогие мои... Я к вам с предложением, со спонсорством.

Инесса. Со спонсорством у нас туго, денег нет. Краю помочь ничем не можем.

Представитель. Не «за спонсорством», а «со спонсорством» Хочет администрация края ваш клуб в храм Мельпомены превратить. Показать, так сказать, всем им, на что мы горазды. Вот я и уполномочен донести до вас эту замечательную и колоссальную весть.

Магда. Это что-то новенькое.

Тулуз. Где мы, где — Мельпомена? Это ж муза трагедии. Вы не оговорились? Вот Терпсихора — да.

Любочка. Муза танца, Альфред Германович.

Представитель. А есть разница?

Тулуз. Несущественная, продолжайте.

Представитель. Иными словами, собираемся мы сделать свой, наш, советс... исконно русский «Мулен Руж»!

Виола. Так он вроде и так есть.

Любочка. В Париже.

Магда. Исконно французском.

Элеонора Ласковая. Девочки, не перебивайте. Это ж спонсорство.

Виола. Значит ли это, что нам выплатят зарплату за два последних месяца?

Элеонора Ласковая. Вилочка, ну не в этом же дело. Это значит, что теперь у нас своя, настоящая, мельница будет!

Инесса. Мы муку на ней молоть будем, да? Альфред Германович, поясните нам, пожалуйста, какой смысл администрации края вкладываться в нескольких танцовщиц с Богом забытых фабрик и комбинатов?

Представитель. Так и я о том же. Вы же — народ, гордость страны. А государство не имеет права забывать своих граждан. Государство должно поощрять и поддерживать любую православленную душу, любого человека... Пусть даже и с фабрики... и уж если в вашем городе есть такой уникальный культурный проект, так отчего же не улучшить его? Не украсить? Не облагодетельствовать?

Магда. А для кого? Вы что, реально думаете, что шерстомойная фабрика не так важна, как наш клуб?

Инесса. Да. Почему вы, к примеру, индустрию не спонсируете? Не облагодетельствуете, так сказать?

Представитель. Ну, всему свое время, начинать надо с малого. А тут все-таки культурное достояние.

Виола. Где? Клуб наш?

Представитель. Проект! Прежде всего проект.

Тулуз. И клуб заодно. С землицей и гектарчиками. Да, Германович? *(Берет салфетку, достает из кармана телогрейки карандаш, слюнявит его и задумчиво начинает что-то рисовать.)* А не православные души вы не поддерживаете?

Виола. А онкологических? *(Прикладывает руку к правой груди.)*

Инесса *(Виоле, тихо).* У тебя слева, а не справа. *(Виола быстро хватается за левую грудь.)*

Представитель. Мы всех поддерживаем! И неправославных, и онкологических. Все души. Потому и решила администрация края поспособствовать, поощрить, так сказать, творческую интеллигенцию, помочь и поддержать.

Инесса. А подробней можно? Я, как представитель творческой интеллигенции, хотела бы все-таки знать, где и в чем конкретно нам будет помогать администрация края?

Тулуз (*бубнит под нос*). Нашим душам. Мертвым.

Виола. Да. А то воду только включают и выключают. Я помыться не успеваю. Знаете, ощущение, будто всю жизнь мыльными пузырями облеплена.

Магда (*тихо*). Я тебя еще не тем облеплю.

Представитель. Включим воду! Обязательно включим, не всё сразу!

Элеонора Ласковая. Вернемся к вашему спонсорству...

Представитель. Так вот... Как вам известно, народ народом, а без партии — народ слеп, беспомощен, осиротен. Он как младенец без груди кормилицы, как кутенок... без... как бы это выразиться...

Тулуз (*поднимает голову*). Сосцов матери. Осиротен же.

Представитель. Вот! Именно!

Тулуз (*лениво опускает голову, рисует*). К чему вся эта пропаганда, Германыч?

Представитель. Это не пропаганда, милый вы мой. Это — история России. И веду я к тому, родные мои, что только партия может позаботиться о народе, только высочайшего уровня профессионалы в состоянии взвалить на свои плечи весь груз обязательств, ответственности... и нести их без страха и упрека.

Тулуз. Где-то я уже подобное слышал.

Инесса. И не один раз, кстати.

Элеонора Ласковая. Так, хватит!

Представитель. Почему, Элеонора Ивановна? Ласковая...

Элеонора Ласковая (*елейно*). Это я не вам, Альфред Германович. Девочки, кушайте пирожные. Я сказала — быстро!

Любочка. Я тоже не очень поняла. Началось всё как бы

со спонсорства, а кончилось какой-то партией.

Представитель. Не какой-то, милая моя. А партией «Близость».

Любочка. Так вы от них? *(Рука с пирожным застывает на полпути ко рту.)*

Тулуз. Откуда же ему еще быть. *(Рисует.)*

Виола. Доигрались.

Представитель. Да, да, именно от партии «Близость», которую, как вам известно, почти всё население нашей необъятной Родины абсолютно добровольно поддержало на выборах. А ведь таких показателей не было с самого развала! В смысле, я хотел сказать, с момента единения регионов.

Тулуз. Не стоит оправдываться, Германыч. Подсознанка, она не фильтрует. Мы прекрасно помним это воплощение массовых иллюзий. И открытое голосование с распломбированными урнами, и добровольное единение овец с волками.

Представитель. Я просто оговорился. И не передергивайте, пожалуйста, Тимофей Палыч. Вы ведь не будете отрицать, что все эти оставшиеся демократы, либералы и прочие словоблуды не могут быть истинными радетелями за права человека. И только партия «Близость» дала людям в последнее время всё – работу, жилье, пенсии.

Виола. Где?

Инесса. В других краях и регионах, видимо. Альфред Германович, что вы от нас хотите? Я всю жизнь беспартийной была – меня политика вообще не интересует. Хотите спонсировать – вперед! При чем здесь эта ваша близость с головой кутенка?

Элеонора Ласковая. Альфред Германович, не обращайтесь на нее внимания. Она иногда бывает резковата. Ну, такая вот она у нас. А про партию вы замечательно сказали. Партия «Близость», это ж не просто так, правда же?

Представитель. Конечно, Элеонора Ивановна! Но давайте не будем забывать, что если партия печется о народе, то и народ обязан заботиться о ней. Быть рядом, любить ее, а когда надо, то и жертвовать собственной жизнью.

Инесса. Вот поэтому я — беспартийная.

Представитель. А зря, между прочим! Очень зря. Потому что только все вместе мы можем поднять страну с колен. С колен, на которые нас поставили (*крутит головой, на глаза ему попадаетя рисующий Тулуз*) разные, так сказать, интеллигентшики.

Магда. Простите, это вы нам? Творческой, так сказать, составляющей общества?

Представитель. Я не в том смысле... Я хотел сказать, что только многомиллионным кулаком мы сможем раскрошить всё то, чторосло за годы развала и беспредела!

Тулуз. Уже раскрошили.

Инесса. Я не очень понимаю,росло или все-таки развалилось?

Представитель. Наросло на развалинах! И только партия может помочь народу отстраврировать всё это. (*Раскидывает руки, показывает на обстановку.*)

Любочка. Как интересно!

Тулуз. Мне кажется, у вас раньше не оговорка была. Про развал.

Виола. Так что вы все-таки предлагаете?

Представитель. Подняться с колен! Убить в себе масона и черносотенца, коммуниста и демократа, либерала и консерватора... И... и... Раствориться в народе! Без остатка. Стать народом и властью одновременно! Стать партией!

Элеонора Ласковая. Девочки! Шампанского!

Разливает в бокалы. Все выпивают. Никто не чокается.

Тулуз. Германыч, вы, кстати, в другой партии никогда не числились?

Представитель. Когда-то. Но то прошлое. Зablуждения. А здесь настоящее. Реставрация.

Любочка. Замечательный вы человек!

Тулуз. Кристальный. (*В сторону.*) Только масона в себе убить сложно.

Виола. Вы так и не ответили. Что же вы нам предлагаете?

Представитель. Самую простую вещь. Дать вам деньги на реставрацию.

Инесса (*протягивает руку ладонью вверх и шевелит пальчиками*). Давайте.

Представитель (*подняв указательный палец вверх*). Но партия печется только о своем народе. А кто народ партии? Правильно. Партийцы!

Магда. Ах, так вот оно что. То есть мы в партию должны вступить?

Представитель. Не вступить — но стать полноправными ее членами, частями одного тела, каплями в народном море.

Инесса. А если я не хочу — каплей?

Представитель. Но тогда ведь и море не захочет вас.

Тулуз. Образно, Германыч, образно.

Магда. Вот еще новости какие. Я в «Женской» с незапамятных времен. И, кстати говоря, меня вполне устраивает ее программа. Почему я ее на какую-то другую партию должна менять? Из-за этой, как вы выразились, реставрации?

Представитель. Не какую-то другую, а на партию «Близость».

Тулуз. Интимную. (*Инесса смеется.*)

Элеонора Ласковая (*Магде; сквозь зубы*). Скажу — поменяешь.

Инесса. Мяку на бяку.

Элеонора Ласковая (*свирепея; Тулузу и Инессе*). Жрите пирожные! (*Отдельно Инессе.*) А ты — хватит ржать.

Инесса. Ладно, ладно, Ласковая. Не орите.

Магда. Ну и что, что «Близость»? Наша партия хоть к восьмому марта и на Новый год своим членам женские наборы дарит. А вы что?

Представитель. И мы дарим! Обязательно! Альбомы, например. Исторические и художественные. Рамки для фотографий. Да мало ли? Кружки с достопримечательностями края. Новогодние календари. У нас отличнейшие наборы. И все, кстати, — памятные. Одни грамоты с автографом самого главы администра-

ции края чего стоят.

Виола. Чего?

Представитель (*широко раскинув руки*). Всего!

Инесса. Я ща взопрею от счастья!

Магда (*разочарованно*). Понятно. А он вообще в состоянии что-либо подписать, глава ваш? А то я его каким-то странным по телевизору видела. Красный, как бурак, и будто всё время матерится про себя. Говорят, в Интернете и не про себя.

Элеонора Ласковая (*Магде*). Пирожные!

Магда. Спасибо, сыта.

Представитель. У него давление высокое.

Инесса. Внутрочерепное, видимо. На рожу вылезло. (*Элеоноре Ласковой.*) Знаю. Пирожные.

Любочка. А я лично согласна, Альфред Германович. Исторические и художественные альбомы — это хорошо.

Элеонора Ласковая. Молодец, Любочка.

Виола. Да и мне, собственно, всё равно. Если деньги на реставрацию дадите, так почему бы и не вступить? Какая разница?

Инесса (*задумчиво*). То есть получается так. Если мы в партию не вступаем, то денег не увидим, а если вступаем, то у нас — «Мулен Руж» под стать французскому будет?.. Хорошо, Альфред Германович, а где вы партийных канканщиц видели? Высверть мозга какая-то получается. (*Элеоноре Ласковой; разводит руками.*) Я так просто спросила.

Представитель. Мы людей на профессии не делим. Поэтому и вступать вам придется всем вместе. А отщепенцев, сами понимаете, партия кормить не будет. Кстати, через мою протекцию вы сможете вступить даже без стажёрства. А уж с выходом из «Женской» мы быстро разберемся.

Элеонора Ласковая. Ну что ж. Полагаю, все согласны!

Магда. Я своего слова еще не дала.

Инесса. Я, кстати, тоже. У вас вообще какая программа? Такая же, как у всех? Отобрать и не делить?

Представитель. Зачем вы так?

Тулуз (*неожиданно*). А вот я согласен. (*Распрямляется.*) Всё

равно всех в народном море утопите. Держите, Германых. *(Протягивает ему салфетку, нарочито неправильно ставит ударение в отчестве Представителя.)*

Представитель. Это что?

Тулуз. Серп и молот.

Представитель. Спасибо. *(Рассматривает рисунок.)* Странно, а похоже на свастику.

Тулуз. Рука сбилась.

Элеонора Ласковая *(подскакивая).* Ой, ну что ты, Тулузик, наделал... Альфред Германович, это он пошутил так. *(Настойчивыми пальцами вытягивает у него салфетку из рук.)* Творцы они такие шалуны, вы же знаете... Предлагаю так сделать. Вы к нам на днях приезжайте, а я к тому времени с коллективом нашим, творческим, побеседую. Вы не переживайте, мы прекрасно всё понимаем. Кто мы без партии — так, груднички.

Представитель. Пожалуй, Элеонора Ивановна. Так и сделаем. Какая же вы правильная и ласковая женщина, в самом деле... Что ж, барышни, Тимофей Палыч, спасибо вам за радушный прием, но вынужден откланяться. Культурное достояние, как говорится, зовет. Так что надеюсь на скорую встречу. И на вас, *(с нажимом)* Элеонора Ивановна, надеюсь. Очень. А вы *(слегка грозя Тулузу пальцем и странно улыбаясь)* не шалите больше...

Подхватывает кожаный портфель с блестящими замками, идет к выходу, по пути вытаскивает из внутреннего кармана пиджака мобильный телефон и жестким голосом произносит: «Машину к подъезду».

Элеонора Ласковая *(вдогонку Представителю).* А на чье имя заявления писать, Альфред Германович?

Представитель *(разворачиваясь).* Да оставьте пробел. Наши люди потом сами впишут.

Представитель *уходит.*

Элеонора Ласковая (*выжидает, вдруг начинает орать*). Вы что тут бойкотированием занимаетесь?! А?! Забыли те самые времена? Так я вам напомним! Благо постарше многих буду! Когда при невыясненных обстоятельствах... Боже, как же там было?!

Тулуз (*помогает*). ...сажали за невыясненные деяния на невыясненное количество лет. Только это не раньше было, а сейчас.

Элеонора Ласковая (*Тулузу*). Вот! Зеленку тебе на лоб! Ты вообще уже весь ум пропил? Что ты там нарисовал, придурочный?! Ну-ка, напомни, что там тебе когда-то вклеили? Тунеядство? Хулиганку? Так тебе сейчас какие-нибудь измену с экстремизмом впаяют! Тебе мало одной отсидки было?

Тулуз. Много не мало. А сидел я по диссидентским мотивам, между прочим.

Элеонора Ласковая. Кретин! Всё это то же самое! Что ты там на салфетке накалякал, спрашиваю?!

Тулуз. «Времена Рока».

Элеонора Ласковая. Ты совсем уже очумел? Мозги в масло взбились? Может, забродили? Так я тебя быстро кое-куда пристрою, рок-н-роллащика! А не я, так другие... Нашел кому свою псевдохрень показывать!.. Представителю краевой администрации!.. И вообще! У меня денег на зарплаты нет! Трубы протекают, крыша вся сгнила. Партия им, видите ли, не нравится! У вас, бабы, может, другие предложения есть? (*Инессе*.) Что ты тут за юродствование развела? И эта дура с тобой. В «Женской» партии она. Наборы ей к восьмому марта подавай. Значит, вердикт мой такой. Чтобы завтра же, вот на этом самом столе. Нет, на этом (*показывает на письменный стол*) лежало пять заявлений о приеме в партию «Близость». Иначе — кому панель, а кому лечебно-трудовой профилакторий. Пошли вон отсюда. На растяжку!

Инесса. Вы такая ласковая и добрая.

Тулуз. Как овчарка в помеси с догом. Намордника на вас, Элеонора, нет.

Элеонора Ласковая. На растяжку, я сказала!!! А ты – афиши мастырь давай! Разболтались тут!

Все расходятся.

Элеонора Ласковая (*кричит вслед*). И вечером, чтоб в платьях от спонсора танцевали! (*Проходит к письменному столу, устало падает на стул*). Сучье племя! Одни пляшут, другие молебны вокруг них читают! И кто меня, идиотку старую, в этот бизнес потянул? Сделала б из клуба библиотеку или столовку, и в ус бы не дула. Нет, бабла захотелось... С другой стороны, а какое тут бабло может быть, если все с азотного комбината да шерстомойной фабрики. Клиентурка, тоже мне... (*Барабанит пальцами по столу, напевает*.) Красотки, красотки, красотки кабарэ. Красотки, красотки, красотки кабарэ! (*Вскидывает руку*.) Так, надо же заявление написать, а то забуду.

Вытаскивает из ящика стола лист бумаги, пишет, одновременно читает вслух: «Я, Элеонора Ивановна Подлипчук, находясь в трезвом уме и женской памяти, прошу принять меня в члены...»

Лопасты мельницы с надписью «MOULIN ROUGE» медленно начинают вращаться.

Опускается «танцующий» занавес. На нем изображены четыре канканщицы с картины графа Анри Мари Раймон де Тулуз-Лотрек-Монфа.

*На авансцену выбегают **Инесса, Магда, Виола и Любочка** в платьях и плюмажах от спонсора. Высоко задирая ноги, они задорно и с визгами танцуют канкан.*

Затемнение.

Антракт.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ КРАСНАЯ МЕЛЬНИЦА

СЦЕНА ПЯТАЯ ПОДВЯЗКИ ОТ СПОНСОРА

Поднимается «танцующий» занавес.

Гримерка танцовщиц.

Тихо звучит легкая классическая музыка.

Магда и **Инесса** делают растяжку на балетном станке. **Виола** и **Любочка** красятся у трюмо.

*Позже к ним присоединяется **Тулуз**.*

Инесса (закинув ногу на балетный станок). Идиот какой-то. Почему я должна в какую-то мутную партию вступать? Их же Альфред этот Германович даже слово «краеведение» непонятно как использует. Представляю, что у них в партии интимной «Близости» творится. Сплошные краеведы.

Виола (красится у трюмо). Не всё ли равно, куда ради денег вступать? Вот ты, например, давно деньги получала?

Инесса. Недавно.

Виола. Так поделилась бы, что ли. Мне за комнату платить нечем.

Магда. Я с тобой зато сильно поделилась, оторва!

Виола. Ты не так поняла. Он творил!

Любочка. Не ругайтесь, девочки.

Магда. Пошла ты, Любка, куда подальше! Или наш кривоногий и твои портреты писать начал?

Любочка. Почему портреты?

Магда. Потому что, когда я за ними пошла, то он, видите ли, писал. Вилку нашу. В полный рост. Нагишом. А сам

до пупа раздет.

Любочка. Сверху или снизу?

Магда. Был бы снизу, Вилка бы здесь не сидела, а в ацетоне плескалась!

Инесса (*Магде*). Это они для остроты красок. (*Виоле.*) А деньги я за свитера получила. Вязать, знаешь ли, недавно начала. На досуге. Когда уровень кислоты в агрегатах на Колчаковском не измеряю.

Магда. Ты, Инка, зубы тоже не заговаривай. Придет этот сучонок еще в мой дом. Художник, блин. Псевдореалист!

Любочка. Да что вы к нему привязались все. У вас другая проблема.

Инесса. Почему это у вас?

Любочка. Потому что нам с Вилкой всё равно, а у вас эти... Амбиции.

Магда. Она как! Амбиции! Что-то я не припомню, чтоб этот доходяга хоть один эскиз мой набросал. Нажрется водки, оттопчется, что петух во хлеву, и спать.

Инесса. Во хлеву копытом бьют.

Магда. В ночи и копытом, кстати, бывало. Судороги у него. Алкоголические.

Любочка. Я не об этом.

Виола. Магдуль, ну что ты. Ну он один раз только... Портрет мой.

Магда. Я тебе не Магда! А Марья Владимировна!

Виола. Марья Владимировна, ну с кем не бывает. Ты ж Тулуза знаешь. Мне вообще, может, и жизни-то чуть-чуть осталось, и портрет этот последний в моей жизни, а я без нормального искусства уже не один месяц. (*Прикладывает обе руки к груди.*) Надыхаться бы. Да и не муж он тебе, кстати.

Магда (*тянет пальчики пальцев рук к ступням*). Хватит меня шантажировать своими несуществующими болячками. Сходи к врачу, развеи мои сомнения. А муж — не муж, так это не твое дело! И замуж он меня звал, между прочим! И не один раз.

Виола. Что ж ты не пошла?

Магда (*распрямляется как пружина*). Портреты мне его не нравятся!

Инесса. Девки, миритесь уже, наконец. Задрали. Давайте – мизинцы растопырили и крючками соединились. Вас послушать, так будто кругом Девы Марии с Исусиками бегают. Ну бывает...

Виола. Ин, а ты в самом деле хорошо вяжешь?

Инесса. Нормально. Никто не жаловался.

Виола. А мне свяжешь что-нибудь?

Магда. Удавку!

Инесса. Так, бабы! Хватит! Миритесь, я сказала! Натурщицы вы мои... Ну? Вилка, давай, проси прощения. С меня шарф.

Виола (*подходит к Магде, протягивает мизинчик*). Давай, а?

Магда (*отталкивает Виолу*). Не буду я с ней мириться! Чтоб ни одного моего эскиза!

Инесса. Значит, ты – муза. Их для великого хранят.

Магда. Для надгробий, да?! Ты это хочешь сказать?!

Инесса. Сглазить бояться, сглазить. С колена согнать. Магд, ты чего тут сцены закатываешь? Мы ж в одной упряжке. Нам работать вместе.

Магда. А я, закусив удила, работать буду. Думаешь, он первый раз чужие портреты рисует?

Инесса. Думаю, и ты не всегда соло пляшешь. Помиришься с Вилкой, с меня свитер.

Магда (*задумчиво*). Серьезно? С розами?

Инесса. С ними. И рукав тебе летучей мышью сделаю.

Дамы меняются местами. Инесса и Магда идут делать маки-яж. Виола и Любочка направляются к балетному станку.

Любочка. Ин, а мне?

Инесса. А виртуальным изменщицам я не вяжу.

Любочка. Ну, Ин. Я же в интернет-кафе от скуки хожу. Колька же без работы. Днем уйдет на поиски – вечером в хлам. А мне общение нужно. Этот. Социум. На меня в городе, как и на Вилку, тоже давно никто не западает.

Инесса. Надо пробовать. Чаше на людях бывать. А не по сайтам бегать.

Любочка. Я Кольку своего люблю, ты ж знаешь. А Интернет — это так, для досуга...

Виола. Это интернет-общение, что ли?..

Инесса. Во-во. Пристанище унылых интровертов и конченных неудачников. И не досуга, а досуга. Не уподобляйся краеведам, пожалей мои ушные перепонки с мочками.

Любочка. Извини. Ну а что еще делать? С Колей же особо не поговоришь... Ин, свяжи, а?

Инесса. Рейтузы, хорошо? Коляну твоему должны понравиться. Если заметит вообще. Ты б встречаться уже со своими виртуальными знакомцами начала, что ли.

Любочка. Так они ж в других городах все. Кто в Москве, кто в Питере.

Инесса. На дешевый гламур потянуло? Думаешь, там по-другому? На самом деле сидит за монитором такой вот «Колька — синяя майка» и пишет тебе от имени «Васьки — золотая цепка».

Любочка. Ну ты скажешь, тоже. Меня один, между прочим, в гости приглашал.

Виола. Что ж ты не поехала?

Любочка. А на кого я Кольку брошу?

Инесса. Всё с тобой понятно. Так и быть, свяжу тебе пару шерстяных чулок до колена. Синих.

Любочка. Хватит тебе уже шутить, Ин. Свяжи мне лучше перчаточки такие модные. Без пальчиков.

Инесса. Они сто лет назад модными были. У лотошниц с пирожками. Ладно, свяжу.

Любочка. Правда? Вот спасибо! *(Подбегает к Инессе, целует.)*

Инесса *(чуть отстраняясь).* Ох и глупая же ты, Любка. Ладно, хорош телячьи нежности разводить. Магда? Вилка? Ну?

Виола *(снова подходит к Магде, протягивает мизинчик).* Магд, ну извини. Ну прости... Давай, а? Мирись, мирись, мирись и больше не дерись.

Магда *(протягивает мизинчик).* На, подавись.

Инесса. Вот и замечательно. Итак. На повестке дня вступление в партию, что уже само по себе печально.

Любочка. А я вас, девчонки, не пойму. Это же как в Интернете. Ну, как в сообщество вступить. Зашел-вышел. Что мы теряем?

Инесса. Думаешь? Зашел-вышел?

Любочка. А чего? Меня знаете сколько в друзья добавляло, а потом удаляло. А я что, нормально. Свобода выбора. Демократия. Этот, как его. Плюрализм.

Инесса. Дура ты, Любка. Тут, знаешь, если из друзей удалят, то уже не виртуальным гробиком запахнет. Короче... Мы в партию вступаем. И это не Интернет. У кого есть мнение?.. Боже, откуда во мне этот слог?

Магда. Гены, Инка. И память историческая.

Инесса. Вот именно что историческая. Так вот, генофонд, вступаем в партию. Вопрос. Оно нам надо?

Виола. Ну я думаю, хуже не будет, если нас проспонсируют.

Любочка. И Колька, может, сивуху пить перестанет. Он же у меня нежный. Ему нельзя пить плохое. Почки, печень.

Инесса. Так, ну с вами всё на уровне колготки и рейтузов. Магда?

Магда. С одной стороны мне плевать, конечно. Я и в «Женскую» только под восьмое марта вступила. Они тогда неплохие наборы косметики и кастрюль раздавали, но что-то не пойму, откровенно... А зачем всё это нужно?

Инесса. Вот и я не пойму. Каким-то тут паленым пахнет. А позовите-ка, девочки, Тулуза. Неплохо бы и его мнение узнать.

Виола. Я сейчас.

Магда. Стоять!!!

Любочка. Девочки, давайте я.

Инесса. Давай. Только без портретов там.

Любочка выбегает.

Инесса (Магде и Виоле). Слушайте, хватит уже. А то я вам таких саванов навяжу, закачаесть. Ты, Вилка, конечно, паршивка.

Нет в тебе солидарности. Но и ты тоже хороша. (*Магде.*) Ни вашим, ни нашим. Или замуж за него выходи, или делись. Сама знаешь, как в городе с мужиками. Я по-бабьи Вилку, кстати, хорошо понимаю.

Магда. Так ты поэтому не пускала меня за ними сходить?

Инесса. Меньше знаешь — крепче спишь.

Любочка приводит Тулуза.

Инесса (*Тулузу*). Ну, а ты что скажешь?

Тулуз. А что сказать? У меня кисти, палитра. А тут Виола пришла. Я смотрю на нее. И вдруг началось. Я что, виноват? Это ж творческий процесс. Чувствую — надо. Писать могу. Работать. Начал с платья, конечно. Но вижу, мешает. Силуэт рыхлый какой-то. Размытый. Говорю, обнаженной попробовать надо. Вроде как Афродитой. У нас ведь, у художников, не сразу. Чтоб распознать силуэт — его из волн выцепить надо... А жарко ведь в мастерской. Ну я и разделся. По пояс... У меня такое раз в месяц, кстати, только бывает.

Магда. Вот, вот.

Инесса. Это всё?

Тулуз. Не всё. Я ведь проработать объект должен, прочувствовать, иногда даже прощупать, пропальпировать, можно сказать. Аккуратно, конечно же. Кистями, так сказать, огладить. Оттенки поближе увидеть. Вот, подошел. Пропальпировал. А тут — Магда ворвалась. Ну и получилась такая вот нелепица. Экспрессионизм, в некотором смысле. Извини, Магд. Неправильно ты нас поняла.

Магда. Кисть зато хороша была. С палитрой. Я тебе сейчас всю харю располосую!

Инесса. Так! Всё! Магда, успокойся! Глаза ему потом выцарапашь... Тулуз, я не это хотела спросить. Ты насчет Элки что скажешь?

Тулуз. Сука она. Ее только черной гуашью писать. При лунном затмении.

Инесса. Это мы все знаем. Что по поводу вступления в партию?

Тулуз. Ну что... Если выставку, конечно, сделают. Авторскую... Биеннале.

Магда. Ты пил, что ли, сегодня? Какое биеннале?

Тулуз. С портретами.

Виола. Ой, лучше не надо. Там такое...

Магда. Какое там — такое?!

Инесса. Да спуститесь вы все на землю уже! Конкретный вопрос. Тулуз, твое мнение по поводу вступления в партию?

Тулуз (*загибает пальцы*). Кисти очень нужны. Беличьи, желательны. Неплохо б, конечно, из соболя американского или египетского мангуста, но можно и не разевать варезку. Что еще? Охра венецианская, лак-гаранс, лазурь берлинская. Ватман, картон бристоольский... Это для себя. А для «Мулен Руж» — материал для декораций. Погрубее. А то мельница уже вся перекосилась. Погода все-таки не французская...

Инесса. Ты издеваешься?

Тулуз. Просто знаю, чем это всё закончится.

Любочка. Чем, Тулузик?

Тулуз. Ничем. Кто мы, так — масло на холсте страны. Размажут нас. Но я, в принципе, не против. Мне терять уже давно нечего. Я и так всё потерял. С другой стороны, а вдруг и правда... (*С надеждой.*) Не кинут в этот раз.

Инесса (*задумчиво*). Художества пошли. Шиза... Иными словами, все как бы «за», я правильно поняла?

Любочка. Как бы — да.

Магда и **Виола** (*вместе*). Ну да. (*Быстро и недовольно переглядываются.*)

Инесса (*неожиданно*). А я вот против.

Виола. Ты чего это, Ин, надумала? Ладно, ты со свитерами и азотным комбинатом. Магда вон на фабрике. Ну, Тулуз еще как-нибудь пробьется. Кинотеатр, в конце концов, есть, афиши клепать будет. Любка вообще всегда, то полы у кого помоем, то постирает. А я что?

Магда. А ты на панель! Портреты с тебя рисовать будут!

Инесса. Цыц, девки. Да, я — против. Потому что не понимаю, что происходит. Но вас большинство. И я одна к четырем полуючаюсь. Как свеча к букету на кладбище. Короче, я вас, бабы, *(смотрит на Тулуза)* понимаю. Голосовать будем?

Виола. Да ну его. И так всё понятно. Руки еще тут поднимать.

Магда *(с сарказмом)*. Вот именно. Ты ж по ногам в основном, да, Вилка?

Инесса *(усмехается)*. А что, отличная идея. Задираем? Кто — «за»?

Три правых ножки с подвязками от спонсора взмывают вверх. За ними неуверенно тянется рука Тулуза. Она в рукаве телогрейки.

Инесса. Раз, два, три, четыре. Кто — «против»? *(Танцовщицы опускают ножки, а Тулуз — руку.)*

Правая ножка Инессы взлетает вверх. На ножке — роскошная ажурная подвязка.

Инесса *(задумчиво ставит ножку на стул)*. Что ж, воздержавшихся, как я понимаю, нет. Короче, вердикт, как грится, такой. Решение принято простым большинством. Вступаем. С другой стороны, на свитера и правда особо не проживешь.

Тулуз. Сюрреализм, сплошной сюрреализм...

*Падает «тюремный» занавес.
Затемнение.*

СЦЕНА ШЕСТАЯ
ВОДОЧКА С ОГУРЧИКОМ

Авансцена. Центр.
Кабинет Следователя.
Следователь и Инесса.

Следователь. Итак, Инесса. Правильно ли понял, что в коллективе достаточно сложные отношения сложились?

Инесса. Не то слово. Отношения — как в хлеву отложения.

Следователь. Не понял аналогии.

Инесса. Почти как в городе нашем. Вот смотри. Лифты испи-саны, подъезды заплеваны и загажены. На улицах толпы безра-ботных. А виновата кто? Правильно. Власть.

Следователь. То есть отношения с Элеонорой Ивановной, я так понимаю, проблематичными были?

Инесса. Да уж, Эдик. Нелегкими, прямо скажем. Отноше-ния эти.

Следователь. Она вам часто зарплату не платила?

Инесса. Постоянно.

Следователь (*записывает в протоколе*). Что же вы в «Мулен Руж» оставались?

Инесса. Э, а вот тут всё непросто. Мы же и дольщиками од-новремененно все были. Понимаешь, вроде как по договору тан-цуем, но в то же время часть помещения каждому принадлежит. Замкнутый круг получался. Свое не бросишь, а своего-то и нет...

Следователь. Так-так. Это уже интересно. Рассказывай.

Инесса. А у тебя есть еще выпить? (*Показывает на пустую бутылку коньяка.*) В горле всё сохнет и сохнет.

Следователь. Посмотреть надо. (*Присев на корточки, лезет в сейф.*) Водку будешь? Спирт, конечно, не предлагаю. Огурец еще один есть. Малосольный. И конфеты. «Раковая шейка».

Инесса. Хорошо — не «Раковый корпус».

Следователь (*не расслышав*). А?..

Инесса. Спрашиваю, откуда набор такой уникальный?

Следователь. А, ну это мне мама прислала.

Инесса. Огурец или конфеты?

Следователь. И то, и другое. Это всё, что осталось.

Инесса (*в сторону*). Я смотрю, ты неплохо тут отдыхаешь... (*Следователю*.) Давай огурчик, наверное. А то в конфетах калории... Вообще, хорошая у тебя мама. Заботливая. Я вот наоборот своим посылки шлю. Раз в год. Носки, сигареты, мыло.

Следователь (*удивленно развернувшись и застыв с бутылкой в одной руке и жалким мешочком в другой*). За что это их?

Инесса. А за то, за что у нас на краевых архипелагах сидят. Раньше ведь как было. Диссидентство. Теперь что? Правильно. Бытовуха. Простая банальная бытовуха. Папа маме. Мама папе. (*Бьет кулачком правой руки по ладони левой*.) Так и сели оба, по дураости. В разных местах, правда. Скучают теперь.

Следователь. Тяжелая у тебя судьба, Инесс.

Инесса. Да уж, нелегкая.

Следователь. Может, помочь, чем могу? Ты мне всё расскажешь, ну и я в долг не останусь.

Инесса (*улыбается*). Сделку со следствием предлагаешь? Да чем дуракам помочь можно? У нас полстраны таких. Я тебе и так всё расскажу.

Следователь. Это очень хорошо. А то, честно говоря, глухарь какой-то напоминает.

Инесса. Кукушку, значит, нашел?

Следователь. Ну, Инесс, работа у меня такая.

Инесса. Я понимаю, Эдик. Всё я понимаю... Поухаживай за дамой лучше.

Следователь. Ага. Да, да.

Следователь кладет огурец в целлофановом мешочке на стол. Открывает бутылку. Заносит над рюмкой.

Инесса. Что ж ты меня, Эдик, не уважаешь, что ли?

Следователь (*зависнув*). Почему это?

Инесса. Из стаканов, только из стаканов. (*Берет с подноса два граненых стакана*.) До половинки наливай. Я все-таки дама.

Целый не выпью. А себе можешь полный.

Следователь. Не, я при исполнении. Мне много нельзя. *(Наливает в стаканы до половины. Неодобрительно кивает головой.)* Инесса, такой вопрос. А давно ты пристрастилась? К этому вот. *(Щелкает себя по кадыку.)*

Инесса. Я пристрастилась? Ну ты скажешь тоже. Это я еще не пристрастилась. У меня депрессия просто. Стресс сильный. Сам понимаешь.

Следователь. Ну да, конечно. После того, что случилось.

Инесса *(поднимает стакан)*. Ну? За что выпьем?

Следователь. За то, чтоб всех пересажали.

Инесса. Не, давай лучше за маму твою. Вон, какого красавца вырастила. Загляденье. *(Нагибается через стол, треплет его по голове.)*

Следователь. Правильно, за маму надо. Маму я люблю.

Чокаются, выпивают. Следователь вытаскивает из мешочка огурец, протягивает Инессе. Она сладострастно, точно мякоть банана, откусывает, игриво машет ручкой перед ротиком.

Следователь откусывает более смачно, с хрустом. Ухает. Бросает быстрый заинтересованный взгляд на Инессу.

Инесса. Хорошо пошла!

Следователь. Да, неплохо.

Инесса *(берет бутылку в руку)*. Наша? «Азотная»?

Следователь *(перехватывает бутылку, вертит)*. Она. Высшего качества.

Инесса. Запашок небольшой, а так ничего, конечно.

Следователь. Ну, что, Инесса? Вернемся к клубу?

Инесса. А о чем я рассказывала? Забыла. Напомни.

Следователь. Он вроде ваш.

Инесса. А, ну да, мы ж его давным-давно приватизировали. *(Следователь записывает.)* Чуть ли не за карамельки и огурцы малосольные. Тогда же неважно было, что покупать. Доли, акции, бублики, печенюшки. При наличии хороших связей всё

по одной цене уходило. Вот Элка... Ну, Элеонора Ивановна и подсуетилась. Мы потом в ООО «Мулен Руж» реорганизовались. Элке контрольный пакет перепал. Ну и мы, как бывший трудовой коллектив ансамбля «Песни и пляски», небольшие проценты получили.

Следователь. Помедленнее. Не успеваю.

Инесса (*наклоняясь к Следователю*). Ладно. Я только самое главное. Элка, короче, Гендиректором стала. Мы же в управлении всё равно ни бельмеса — художники, филологи, актрисы. Ты должен понимать. Самый страшный менеджерский состав. Мне даже кажется, что мы Элке пару лет назад доверенности по управлению долями выдали. Ну чтоб не голосовать по всяким глупым хозяйственным вопросам. Короче, в этих бумагах сейчас никто уже не разберется. Как приватизировалось? По какой цене? Сколько у кого процентов в этом ООО? Чёрт ногу сломит. Тогда вообще такой дым над городом стоял. Коромысла ломались. Даже странно, что из «Белой Мельницы» помещика Ненашева какой-нибудь ресторан не слепили. С другой стороны понятно, вроде как символ города. Это, конечно бы, уже сверхнаглость была. А, может, и ручки на тот момент еще коротковаты были. Но ты знаешь, что я тебе скажу... Тогда все-таки немного побаивались. Да и какие-никакие, а понятия были, пусть не закон, но вот понятия читли, не то, что сейчас... Эдик, да неужели ты не помнишь тот бестолковый период? Ай, ну да, ты же сам еще тогда таким же был...

Следователь (*пишет*). Бе-стол-ко-вый. Чёрт тебя, Инесса, по-бери! Я это в протокол всё записал.

Инесса. Ну ты же хотел правду. Вот она — правда. Короче, Эдик. Не грузись. Всё это к делу никакого отношения не имеет.

Следователь. А что имеет?

Инесса. Нальешь?

Следователь. А по делу можно хоть что-нибудь сказать? (*Разливает, выпивают, закусывают.*)

Инесса. А по делу так. Вот помню, у меня актер был. Ничего, что я о девичьем?

Следователь. Какой еще актер?

Инесса. Ну, из кукольного. Ты наверняка еще ходил туда. С мамой. Там теперь какой-то суд отстроили, с колоннами и ясноглазой Фемидой. *(Внезапно расстегивает несколько пуговиц на груди.)* Жарко у тебя.

Следователь. И что? Я, пожалуй, пока не буду писать. *(Завороженно смотрит на Инессу.)*

Инесса. Ну как что? Не понимаешь разве? У него амбиции. Ему в кино сниматься хочется. А он кукольник, представляешь?

Следователь. Не представляю. Какое это отношение к делу имеет?

Инесса. Отвечаю. Мы же тоже – куклы, нам «Мулен Руж» нужен, а мы дальше русских плясок не вылезли.

Следователь *(опомнившись)*. Инесса!

Инесса. Да, Эдик?

Следователь *(включает настольную лампу на гнущейся ножке, разворачивает к Инессе, светит в лицо)*. Тебя в подозреваемые перевести?

Инесса *(шуритя)*. Чего, Эдик?

Следователь. Преступления.

Инесса. Отпусти ты меня лучше. И выключи свою бандуру эН-Ка-Вэ-Дэш-ную. *(Сама выключает лампу.)* Я ж как умею, так и рассказываю. Да, согласна, много отступлений, но, с другой стороны, а как без них всё расскажешь? Надо же объяснить, почему эта ужасная трагедия произошла. Ты скажи спасибо, что я со своего детства не начала. Когда все дети в одних колготках бегали. Знаешь, как прело всё? Это тебе не «Мулен Руж». Это тебе не чулки. А ты о простом провинциальном актере послушать не хочешь.

Следователь *(снова включает лампу, светит Инессе в лицо)*. Бестолковый у нас какой-то допрос получается. Ну что там с актером? Он тоже, как твой поэт, пил?

Инесса. Нет, при мне уже нет. *(Разворачивает лампу к Следователю.)* Язва у него открылась.

Следователь *(шуритя)*. Телец?

Инесса. Пингвин. Скучнейший тип, надо сказать. От трезвости в Карабаса превращался. А иногда, знаешь, Буратиной, бывало, как глянёт — хотелось даже погладить. Но знала, нельзя — Карабас в нём сидит. Накрепко. И не кукольный давно.

Следователь. Инесса, мое терпение может и лопнуть. Выключи лампу немедленно! При чем здесь вообще эта история?!

Инесса (*разворачивает лампу в зал, поглаживает плафон*). А при том, Эдик, что мы все о великом мечтаем. О большом. О светлом. Нам каждому неповторимая жизнь дана. А меняем мы ее на кукольные театры. Плесни, а? (*Выключает лампу*.)

Следователь. Инесс, можно без философии?

Инесса. Нельзя. Ты думаешь, я не мечтала? Буратино мой не мечтал? Поэт этот долбаный? Все мечтали. Вот ты сам, как тут случился? Наверняка юрфак не ради сейфа с пистолетиком просиживал? Адвокатом, небось, хотел стать. Американские рубли килограммами стричь.

Следователь (*задумчиво разливает, задумчиво поднимает стакан, задумчиво выпивает*). Ну мечтал, и что с того? Там тоже, Инесса, знаешь, не просто так. (*Задумчиво закусывает огурицом, отдает Инессе «копчик».*)

Инесса. Может, расскажешь, тогда, где просто?

Следователь. Где, где... За границей, наверное...

Инесса. Ага. Хорошо там, где нас нет? Только мы как куда-нибудь приедем, там сразу почему-то плохо становится.

Следователь. Не скажи. Там возможностей много.

Инесса. Что ж ты не уезжаешь? Штаны здесь просиживаешь. Прилип?

Следователь. Не прилип. Мне, может, новое звание присвоят. Вот только дело это раскрою.

Инесса. А если не раскроешь, так тебя поганой метлой погонят? Что тебе это звание даст? Самоуважение? Перед кем? Перед такими же, как ты? Хибару около азотных труб выделяют? Гробо-вую пенсию? (*Выпивает. Закусывает «копчиком» от огурица.*)

Следователь (*вскипев*). Инесс! Перестань! Я, между прочим, за границу во сне уже вижу! Я о ней днем и ночью мечтаю! Так

вы мне все надоели! Но там я никто, и звать меня никак. Что ж, ты думаешь, я этого не понимаю? Лучше твоего понимаю. И вообще, я тебя не для философствований вызвал. Ты по статье свидетелем проходишь... *(Пауза.)* Пока свидетелем.

Инесса. Да? Очень интересно. Что же ты мне впясть можешь, Эдик?

Следователь. Да, откровенно говоря, что угодно.

Инесса *(хохочет во весь голос).* И он еще за границу хочет. Пяять ты там будешь, Эдик. На станках. Или в лучшем случае – вышибалой в стрип-баре. Только подкачаться, конечно, надо. Но, ничего, в порту на разгрузках рыбы и подкачаешься.

Следователь. Инесс, это, между прочим, оскорбление.

Инесса. Эдик, нашему человеку – это комплимент. Мы ж не негры какие-нибудь афроамериканские, которые героин в своих дырах продают. Что, хочется тебе еще за границу? Не передумал? Чё ж тогда не уехал? Ведь наверняка рассылал резюме свои.

Следователь. Да! Рассылал – не твое дело!

Инесса. Это цирк какой-то. Рассылал он. Меня, простую женщину, посадить хочет. А сам из страны смотать пытается.

Следователь. Никто тебя сажать не собирается! Расскажи, что было на самом деле, и я тебя отпускаю.

Инесса. Кукольный театр был. С Мальвинами.

Следователь. Под протоколом расскажешь?

Инесса. А я не помню ничего. Так – тени какие-то. Ну, как с актером моим.

Следователь. Он может что-то показать?

Инесса. Наверяд ли. Он сейчас при монастыре. Обет молчания у него. Давай, Эдик, разливай остатки... Ох и жарко у тебя... *(Расстегивает еще одну пуговку.)* Слушай, будь человеком, вырви листик из дела, а то веера нет... *(Красивой грудью ложится на стол; сексуально смотрит на Следователя.)*

Следователь хватается обеими руками за голову.

Затемнение. «Тюремный» занавес поднимается.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ
МАГДА + ТУЛУЗ

Спальня Магды.

Письменный стол со стулом, шкаф, диван.

Магда *лежит на разложенном диване, укрывшись одеялом.*

Тулуз — *в домашнем женском халате и тапочках — сидит за письменным столом. Спиной к Магде. На столе стоят зажженные свечи.*

Магда. Какая же ты сволочь после этого.

Тулуз. Почему?

Магда. Я же люблю тебя, козла. А ты...

Тулуз. Обижаясь, что портретов твоих не пишу?

Магда. Тимка, скажи, ты идиот или придуриваешься? Какие портреты? Ты трясешься весь. Из тебя уже краски выпадают. Я тебя даже не ревную давно.

Тулуз. Что ж ты тогда мне всю харю располосовала?

Магда. Располосовала — люблю, значит. Но это не значит, что ревную.

Тулуз. А смысл?

Магда. Ты о чем?

Тулуз (*разворачивается к Магде*). Располосовывать. Я тебя сколько раз замуж звал? Сколько?

Магда (*приподнимаясь*). А я тебе сколько портретов простила? Сколько?

Тулуз (*нервно передергивает плечами*). Ну так и что?

Магда. Что?

Тулуз. Ты же всё равно не ревнуешь.

Магда. Это несущественно.

Тулуз. Тогда в чем проблема? Кто виноват?

Магда. Никто... Ты виноват.

Тулуз. Ты общаться собираешься или как?

Магда. О чем ты?

Тулуз (*отворачивается к свечам*). Вообще...

Магда (*закидывает руку за голову, смотрит в потолок*). Во-

обще не хочу... Хочу конкретно...

Тулуз. Замуж пойдешь?

Магда. Портреты рисовать будешь?

Тулуз (*греет руки над свечным пламенем*). Я не рисую. Пишу.

Магда. Понятно.

Тулуз. Что тебе понятно?! Что?!

Магда. Всё. Неудачник. Шел бы на комбинат. Ты же работал там раньше.

Тулуз. Не дождетесь...

Магда. Кто это — не дождетесь?

Тулуз. Я — художник. Псевдореалист.

Магда. Вот именно, что псевдо.

Тулуз (*взрываясь*). А у нас всё — псевдо.

Магда. Что конкретно? Что?

Тулуз (*встает, ходит взад-вперед*). Всё! Партии и народы — едины, портреты — по телевизору и на базарах! У меня в глазах от их реализма рябит! Мне реально сдохнуть хочется! Залезть на мельницу, взять какой-нибудь их размалеванный портрет с галстуком и часами, и вместе с ним, с портретом этим, вниз сигануть! Акт символизма совершить.

Магда (*усмехается*). Акт вандализма это, Тимка, будет. Бесмысленный и глупый.

Тулуз (*останавливается, смотрит на Магду, отчетливо произносит*). Вандалы памятники рушат. А это ассенизаторская работа.

Магда. За счет собственной жизни один портрет угрохать? Сильно. Очень художественно. (*Закидывает за голову вторую руку*.)

Тулуз. Если каждый с таким портретом грохнется — города чище станут. Другие, может, писать начнут.

Магда. Если каждый сиганет, так кто же писать будет, сам подумай?

Тулуз. Те, кто родятся.

Магда. Интересно, от кого же они родятся тогда? Бессмыслица какая-то.

Тулуз. А в чем смысл, Магд? В чем? *(Возвращается к столу)*

Магда. А в том, что работать надо, а не болтать.

Тулуз *(смотрит на свечи)*. Где? На Деникинской фабрике? Уборщицей?

Магда. Я хоть деньги в дом приношу.

Тулуз. Это не деньги. Это сопли и слезы.

Магда *(лениво поворачивает голову в его сторону)*. Ну а ты-то что в своей жизни сделал?

Тулуз *(разворачивается вместе со стулом)*. Я вашу мельницу из души своей вылепил. С крыльями!

Магда. Ой-ой-ой. Не надо тут жертв. Мельницу он, види-те ли, нашу разукрасил. Четыре вращающихся культи.

Тулуз. Ты не понимаешь!

Магда. Всё я как раз понимаю. Ты когда на нормальную работу устроишься?

Тулуз. Никогда! Я не собираюсь ее искать! Я — художник. Я не хочу больше на их псевдокомбинатах работать! Я не буду в их киношках афиши клепать!

Магда. Гордый очень? Кисть в горле застряла?

Тулуз *(сидит на стуле, сильно наклоняется в сторону Магды)*. Не застряла. Я могу сутками писать, ты же знаешь. Я — тру-доголик. Но я не хочу писать. Потому что не желаю находиться в реальности, которая больше похожа на дешевый и дрянной авангард, в котором не разбирается даже безумный автор. Я дышать не могу, когда эта ублюдочная масса в телике из своих долще-рубашек выглядывает, а я в телогрейке несколько лет хожу! Когда они по фуршетам тусуются и гужуются, а нам жрать нече-го! Когда они в партийных блоках и пентхаусах, а мы в партий-ных вшах и бараках! Это рабство, Магда! Это не работа! Они же кровь нашу цедят сквозь свои упырьки зубки. Магд, ты не пони-маешь, это росянки все. Мы для них типа мух.

Магда. У тебя что, есть какие-то другие предложения? Ты же сам к ним в партию вступаешь.

Тулуз. Нет у меня предложений. В том-то и дело, что нет. Я свои предложения на азотном комбинате оставил, когда он еще

не Колчаковским был. Я свои идеи, Магд, на нарах отлежал. Потому и вступаю, что не хочу я больше ничего и никому предлагать. Я смысла в этом не вижу!.. Я крест на себе давным-давно поставил. С гвоздями... Если хочешь, я терновый венец на себя натянул. Собственноручно.

Магда *(зевая и прикрывая рот ладонью)*. У тебя мания величия от выпивки развилась.

Тулуз *(поворачивается к столу, берет двумя руками свечу, близко подносит ее к лицу, поднимается, идет к Магде, по пути говорит)*. Да. Мания. Только не величия, а преследования. Пойми, я маленький брат, очень маленький, но есть и Большой Братец. И он следит, он за каждым движением нашим подглядывает. Каждый вдох и выдох подсчитывает... А потом с экранов лыбятся — выдает наши выдохи за посевы с удоями. За тонны и литры. За азоты и кислоты... Но вдохи-то наши он не считает, Братец этот. Ему плевать на вдохи... которых всё меньше и меньше, Ему выдохи нужны... Не люди с эмоциями, а канаты из нервов... И да, согласен... Я не крест, я, если хочешь, кол себе в душу осиновый вбил... Потому и вступаю в легион этот, в тьму, к Князю Тьмы... В поколение «Байкал»... Но и не только поэтому я вступаю. Не только из-за себя, но и ради вас. Потому что... А вдруг, вдруг не облапошат в этот раз... Вдруг и правда «Мулен Руж» будет... Вдруг — это не Князь? Не орда? Не опричники?.. Единственное, что я не растерял еще... Во что кол еще не вбил — это в веру, в надежду свою... *(Аккуратно берет двумя пальцами крестик, свисающий на шнурке, показывает Магде)*. А вдруг...

Магда. Тим, демагогия это всё. Скучнейшая и нелепейшая демагогия.

Тулуз *(стоит около дивана, смотрит сверху вниз на Магду)*. А всё остальное, по-твоему, не демагогия?! Магда! Да что ты от меня хочешь? В партию мы завтра уже все скопом вступаем. Декорации я малюю. Что тебе от меня вообще надо?!

Магда. Мне мужик нужен. А не вот этот псевдореализм в трусах и с крестом! С базарными разговорами. *(Показывает пальцем на Тулуза)*. Я сама себе это, между прочим, сто раз гово-

рила. Но я из этого идеологию не выстраиваю. Мне глубоко наплевать на всех этих легионеров. Мне просто нужен нормальный человек рядом. Вот и всё.

Тулуз (*садится на край дивана*). Знаешь что. Я тебе так скажу. Ты баба красивая. Умная. Бери тогда себе слесаря. ЖЭКовца. Не знаю я... простого мужика какого, чтоб лампочку ввинтить мог, кран починить, унитаз... Чтоб он пиво у телика с портретами жрал и под частушечные свистопляски на диване подпрыгивал, когда электричество вдруг врубают... А я — пишу... Ты понимаешь, пишу — я... Мне для этого и дневного света хватает.

Магда. Что ты там пишешь? Утят каких-то гадких да тварей болотных. Какой ты художник?

Тулуз. Да, утят! Потому что нет лебедей давно! Нет прудов! Твари сплошные! Мрази болотные!

Магда (*приподнимается*). Давай без истерик. Ищи лебедей. Ты ж художник. Тебе и кисти в руки. Знаешь, Тим, мне кажется, это в твоей голове проблемы. Ты видишь только то, что тебе удобно. Ты просто не хочешь делом заниматься. Действовать, вперед двигаться. Ты на самом деле надумал всё, чтобы вообще ничем не заниматься.

Тулуз. Портреты в галстуках на каждом шагу надумал?

Магда (*ложится*). Нет. Тварей. Знаешь, каждый видит то, что хочет.

Тулуз. Но тебя же я увидел. Разглядел... Я тебе сколько раз замуж предлагал?

Магда (*смеясь в голос*). За кого? За вот это вот? С одной беличьей кистью?

Тулуз. А хоть бы и за вот это. Чем я хуже тех, что к клубу свои руки тянут? Ты думаешь, для них партия цель? Нет, это мы — цель. А партия не цель, как ее не обзови.

Магда. Ну, ты тоже скажешь. Мужик он, конечно, противный и глупый. Но в отличие от некоторых дело свое знает и не рефлексирует.

Тулуз. Вот именно что... У них этот орган отсутствует. Потому что это не люди, а функции... Сама-то, кстати, тоже заартачилась

поначалу.

Магда. Я не артачилась. Просто в «Женской» духи давали и помаду неплохую. А с этими как-то пока неясно.

Тулуз. Ясно будет, не забалуем.

Магда. Ну, Тимка, ну умоляю тебя, давай без политики. Ты вообще весь из противоречий соткан. Говоришь одно, а сам же в толпе со всеми идешь. Тебя же никто силком туда не тянет. Ну, приехал посыльный из администрации. Ну, предложил спонсорство. Ну, в партию вступить. Хочешь вступи — хочешь не вступи. Свобода выбора. Что конкретно тебя в этой ситуации не устраивает?

Тулуз. Краски. Палитра у них с запашком... И, кстати, силком, если уж на то пошло. Он же сказал. Только все вместе... С другой стороны, а вдруг... Вдруг в этот раз мы не Сусаниных получим, а Данко?

Магда. Ой, ну не начинай. Иди ко мне лучше. Краски его, дурачка, не устраивают. Многие вообще вон дальтонизмом страдают и ничего — в костюмах, а не в телогрейке.

Тулуз (*ставит горящую свечу на пол*). Магд. Слушай...

Магда. Ну?

Тулуз. Замуж пойдешь?

Магда. Давай потом как-нибудь... (*Похлопывает ладонью по дивану*.) Тебе поспать надо.

Тулуз. Ладно. Я и в самом деле устал очень. Ты знаешь, мне давно кошмары какие-то снятся. Только наяву... (*Не снимая халата, ложится, обнимает Магду, кладет ей голову на грудь*.) Ощущение, будто я кусок говядины в мясорубке.

Магда. Хватит уже. Свечи не забудь потушить.

Тулуз. Пусть горят.

Магда. А если сгорим?

Тулуз. Не сгорим. Я в последнее время темноты стал бояться. Спи, Магд.

Магда (*перебирает пальцами волосы на голове Тулуза*). Спи, Тим. Баюшки-баю.

Затемнение.

Ночь.

Сон Тулуза.

По сцене бродят призраки в белых балахонах. Они расставляют мебель из кабинета Элеоноры Ласковой. Слышатся голоса: «Смерть. Убьют... Мука. Фарш... Почему хлебушек? Вас здесь не стояло. Вам еще рано... Извините, я за вами буду. А то в другой очереди колбаску дают... Давайте. Только быстрее. Одна ножка здесь – другая там... А то убьют, убьют, убьют... „Белая Мельница“ – душа перемелется. Лопасты, крылья. И жернова... – Призраки тушат свечи. – За день мы устали очень, скажем всем – спокойной ночи, глазки закрывай, баю-бай...»

СЦЕНА ВОСЬМАЯ **КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ**

Кабинет Элеоноры Ласковой.

Элеонора Ласковая, Инесса, Магда, Виола, Любочка и Тулуз сидят вокруг круглого стола. Пьют чай.

*В кабинет деловым шагом входит **Представитель**. В руках у него неизменный кожаный портфель с блестящими замками. Дамы поднимаются навстречу гостю. Тулуз сидит не шелохнувшись.*

Представитель. Добрый день, сударыни. Ну-с, как ваши дела? Что надумали?

Элеонора Ласковая. Альфред Германович, (помахивает заявлениями) решение принято единогласно! Все – за!

Представитель (улыбаясь, ставит портфель на стул и берет заявления в руки). Ай, молодчинки какие! Впрочем, я и не сомневался. (Внимательно просматривает заявления.) Ну что ж, милейшие, надо бы такое большое событие отметить. Вы как?

Инесса (вытягиваясь и отдавая честь). Всегда! Близость должна быть близкой, а партия – партийной.

Представитель. Очень хороший лозунг! Отличный. Я его,

с вашего позволения, на Съезд вынесу.

Инесса. Несите.

Тулуз (*сидя*). Мы еще что-нибудь в таком же духе придумаем.

Представитель (*ко всем*). Минуточку... С вашего позволения...

Говорит что-то в трубку мобильного телефона, после чего несколько человек в однотипных костюмах вносят пакеты с алкоголем и закуской.

Элеонора Ласковая (*подхватываясь*). Ставьте прямо на стол. Мы сами, сами...

Элеонора Ласковая и танцовщицы расставляют тарелки и бокалы на круглом столе. Вытаскивают из пакетов с изображенными на них сердцами гостинцы. Однотипные молча покидают помещение.

Элеонора Ласковая. Ой ну что же вы, Альфред Германович. Не надо было.

Представитель. Это мелочи, Элеонора Ивановна. Партия заботится о своих членах.

Любочка. А нам удостоверения выдадут какие-нибудь? Ну, что мы в партии?

Представитель. Обязательно, родная вы моя. И удостоверения, и значки. Майки с эмблемами будут. Пакеты.

Виола. А скажите, нам теперь льготы какие-нибудь полагаются?

Представитель. Этого, милая моя, пока не предусмотрено. Но мы над этим плотно работаем. Полагаю, в следующем году будет внесен законопроект о льготном обслуживании партийных работников. Туда, естественно, и транспортные услуги войдут, и медицинское обслуживание, и образование. Наш блок печется о своих членах. О своих близких. Мы же не какие-нибудь пустозвоны говорящие. Мы только за дела. А дела у нас – конкретные.

Тулуз. Это точно.

Представитель (*кидает беглый оценивающий взгляд на Тулуза*). Да, да, Тимофей Палыч! Мы верим в «Близость»! Мы верим в себя!

Тулуз. Главное на сходки свои не забудьте позвать, а то мы по политинформации соскучились.

Представитель. Непременно!

Выстреливают бутылки с шампанским. Бокалы наполняются. Все стоят в ожидании ёмкого тоста.

Представитель (*подняв бокал*). Ну что ж. Как говорится — за наших новых членов, которые, полагаю, окажут посильную помощь в созидании и развитии нашей многонациональной и многополовой партии. Партии, которая дала стране всё — свободу, единство и право на выбор. Партии, давшей кров и хлеб, благосостояние и уют, защиту и заботу о каждом гражданине великой страны! Ура!

Дамы. Ура! (*Чокаются.*)

Инесса. Про многополовую это вы хорошо!

Тулуз. Про алкоголь забыли.

Представитель. Что?

Тулуз. Кров и хлеб, наркотики и алкоголь.

Инесса с Магдой смеются. Представитель недоуменно смотрит на Тулуза.

Представитель. Что вы хотите этим сказать?

Тулуз. Так ведь свобода. Вы же ее сами дали. Кому хлеб, кому — по венам.

Представитель. Нет, дорогой мой, (*ставит бокал на стол*) вот с этим мы боремся и будем бороться. Беспощадно! Ибо нация не должна пропасть и быть стертой с лица земли. Это — пороки. Это — не свобода. Вот походите на наши собрания, сами поймете. Странно, вроде бы художник, а так темны... Ведь сколь-

ко их сгорело в этой пагубе, сколько в яду потонуло, сколько скоропостились. Вашего брата, прежде всего. Мотрек опять же ваш.

Тулуз. Умерло, да, много. Только сдается мне, что так они бы еще раньше, как вы удачно выразились, скоропостились. Лотрек, так он бы в нашем крае и двух картин не написал.

Представитель. Обязательно ходите к нам на собрания. Обязательно. Считайте это моим официальным приглашением.

Тулуз. Вроде как в клуб анонимных алкоголиков?

Представитель. Мне просто кажется, вы не очень правильно понимаете смысл термина – «свобода».

Тулуз. Хотите об этом поговорить? Я вот иначе думаю. Калорийный алкоголь в нашей стране можно заменить только тяжелым наркотиком. Главное, конечно, чтоб посуда чистая была, но это уже, конечно, кому как повезет. *(Садится за стол.)*

Элеонора Ласковая. Да что это на тебя нашло, наконец, Тулузик! Потом, всё потом! Давайте праздновать! Он, Альфред Германович, не с той ноги, видимо, встал. Простите его.

Тулуз *(начинает есть)*. Да уж. Точно, не с той. Мне вообще последнее время кошмары какие-то снятся.

Представитель. Да за что ж его прощать. Мы теперь с ним единое целое. Возьмем, так сказать, на поруки. Подарим краски. Холсты. И все заблуждения из головы выйдут. Скажете тоже. Наркотики, алкоголь. И как вам такое в голову только пришло?

Магда. Это он так просто сказал.

Виола. Просто так он.

Тулуз. Собственно, да. Просто. Так. А краски, кстати, когда будут?

Представитель. Со временем, родной вы мой человек, со временем. Страна только-только с колен подниматься начала. Борьба идет. Строительство. А дело ведь это серьезное. *(Любочке.)* Вот вы чем собираетесь заниматься?

Тулуз. Ну, я так и предполагал.

Любочка. Как это чем, Альфред Германович? Танцевать, естественно. «Мулен Руж» в порядок приводить. На мировой ры-

нок, может, даже... ну, как вы говорили...

Представитель. Вот это правильно. А что это мы стоим все? Вон Тимофей Палыч давно уже за обе щеки уминает.

Тулуз. Пытаюсь успеть. Пока обо мне партия печется.

Представитель. А давайте-ка и мы присядем. А то получается, будто мы у Тимофея Палыча в незваных гостях.

Тулуз. Это вы верно заметили — присядем. У вас приступ юмора?

Элеонора Ласковая (Тулузу). Ты невыносимый сегодня!

Представитель. Не ругайте его, Элеонора Ивановна. Он просто голодный.

Тулуз (*остервенело откусывает колбасу*). А голодный художник — маньяк.

Все присаживаются, накладывают в тарелки еду.

Представитель (*ставит портфель у стула, садится, накладывает на тарелку мяско, салатки с колбасами и настороженно поглядывает на Тулуза*). Извините, милые мои, я тоже с утра не ел. Весь в мыле. Культурное наследие — оно же жертв требует. Самоотдачи. Порой придешь домой, рубаху скинешь, а она насквозь...

Тулуз. В крови.

Представитель (*чавкая*). А?

Тулуз. Колбаса в крови.

Представитель (*откидывается на спинку стула*). А? Да. Моя любимая. Кровяная. Можете, конечно, не кушать, это на любителя. А я вот ее с детства обожаю. Тяжелое, кстати сказать, детство было. Без деликатесов. (*Обращается ко всем*.) Помню, придет отец с работы. Развернет газету. А там она. А запах — пальчики оближешь!.. Отец у меня тогда партсекретарем на Микояновском мясокомбинате работал. Ну, который недавно в имени Корнилова переименовали. Тяжеленная работа была, доложу вам. На разрыв. Аж кости трещали... (*Ловит заинтересованные взгляды*.) В смысле соли у отца были. Хрустел сильно...

Тулуз (*поперхнувшись*). Да, Германыч, ну вы зажигаете сегодня. Что не фраза, то афоризм. А, скажите, предок ваш, он на мясодобойню по заблуждениям, естественно, пошел?

Представитель. Ну, тогда все по заблуждениям, вы же знаете. Времена такие были.

Тулуз. А там что, зарплату колбасой платили?

Представитель. Бывало, да. Бывало и так.

Инесса. Очень интересно. А чем же тогда партсекретарям на азотном комбинате выдавали?

Представитель (*пожимая плечами*). Вот уж не знаю, откровенно говоря.

Тулуз. Ничего, выкручивались как-нибудь.

Элеонора Ласковая. Тулуз?

Тулуз. Да?

Элеонора Ласковая. Жри, мой мальчик.

Тулуз. Жру, мамочка.

Представитель (*облизывая пальцы*). Да, так вот. К делу. Вот вы, милые, танцевать хотите. «Мулен Руж» восстановить. Это правильно.

Магда. Вообще-то реставрация — это ваша идея была.

Представитель (*задумчиво*). То-то и оно, то-то и оно... Но...

Элеонора Ласковая (*испуганно*). За это время что-то изменилось, Альфред Германович?

Представитель (*сыто отрыгивая*). Многое что, Элеонора Ивановна. Очень многое. Жизнь течет, реки вспять разворачиваются...

Тулуз. Люди тонут.

Представитель. Да, к сожалению, тонут. Но вот партия растет и ширится, и с курса своего не свернет. Так что «Мулен Руж» был, есть и будет!

Инесса. Ну, он уж больше века как есть.

Представитель. Я про наш «Мулен Руж» говорю. Свой, самобытный, с национальным, как принято говорить, колером.

Инесса. «Мулен Руж»? С национальным российским колером?

Тулуз. Вы нам, Германыч, всё больше и больше нравитесь. А как вы нашу самобытность на рынке продвигать собираетесь? Любопытно просто. Где мы и где мировое сообщество? Легче азотный комбинат кому впарить. Вместе с Колчаком.

Представитель. Вот, милейший, вот! Впарить! Так мы страну и разрушили. А надо не впаривать, а продавать товар. Новый, самобытный. Исконный.

Любочка. Но ведь «Мулен Руж» — это не наш товар.

Представитель. Да, не наш, но надо сделать, чтоб стал нашим. С русскими березками, кокошниками.

Тулуз. Олимпийским мишкой и прочей фауной.

Виола. Это мультик какой-то. Я сейчас от смеха умру. Как вы себе это представляете, Альфред Германович?

Представитель. По-русски. Вам спонсорство вообще нужно или нет?

Элеонора Ласковая. Конечно, нужно, Альфред Германович. Не слушайте их. Диссидентов этих. Своего счастья не знают.

Представитель. Ну, диссидентство мы в партии искореним, не сомневайтесь.

Тулуз. Искоренили уже один раз.

Элеонора Ласковая. Тулуз, да что вообще с тобой творится?! Какая тебя оса ужалила?

Тулуз. Телевизионная. Как не включу этот ящик — меня тряссти начинает. Радуюсь только, когда они копыта отбрасывают, а я некрологи читаю. Только жаль, маловато их — некрологов. Ничего же ровным счетом за последние годы не изменилось, только хуже стало.

Магда (*поглаживает его руку*). Успокойся, милый.

Представитель. Тимофей Палыч, друг-человек, что же вы тогда в партию вступили? Я вас, откровенно говоря, не понимаю. И не смотрите вы этот телевизор! Выключите его. Лучше меня послушайте. А я плохого не посоветую. А телевизор — это так, реклама.

Инесса. Точно. «Ваниш» — интеллектуальная формула идиотизма.

Тулуз. За компанию я вступил. Чтобы остальных не подставлять. Вы же реставрацию вначале обещали, а тут опять кокошники какие-то начались. И не реклама это — а пропаганда.

Представитель. Какое опять? Какая пропаганда? Тулуз Палыч? Это новация — проект русского «Мулен Ружа», так сказать. А не хотите кокошники, выносите на совет свои предложения. Мы за плюрализм. Всегда проголосуем. В конце концов, это и «Кантри» может быть. Сейчас модно дружить. У вас у самого есть предложения?

Магда. Нет у него предложений.

Тулуз. Есть. Робы с нашивками, а мы на шконках канкан танцуем. А «Кантри» не прокатит. Не исконное. И вообще, мы скоро коней с вашим благосостоянием жевать начнем. Что касается «Кантри» — так там ковбои. А они на конях быков ловят. А какие из нас ковбои? Где у нас быки? Одни голодные индейцы со стрелами остались. У нас лассо на бельевые веревки пошли. Нет у меня предложений, Германыч. И не будет. Права Магда. Вещайте.

Представитель. Станный вы. И сравнения эти ваши... Но, понимаю, с другой стороны... Творческая интеллигенция. Ладно, дамы, вернемся к моему предложению. Или, может, кто с идеей какой выступить хочет?

Инесса. Я тут подумала, Альфред Германович...

Представитель. Слушаю вас внимательно.

Инесса. Может, ну, как в индийских фильмах? *(Складывает ладони домиком, держит импровизированный шалашик под подбородком, ходит головой влево-вправо.)* Джимми, Джимми, Джимми. Ача, ача, ача.

Тулуз. Или вот еще что, извините, совсем забыл. При национал-социалистах, например, канкан танцевали с симпатичными крестиками на шапочках. Для разнообразия можно попробовать.

Представитель *(внимательно смотрит то на Инессу, то на Тулуза).* Больше предложений, я так понимаю, нет?

Элеонора Ласковая подхватывает два куска кровяной колбасы и быстро засовывает один Инессе в рот. Тулуз ловко успевает вернуться от второго, но идей на обсуждение больше не выносит.

Любочка. Вы рассказываете, Альфред Германович. Кокошники – это очень интересно.

Представитель. Ну, что ж... для начала мы, конечно же, отреставрируем здание. Бригад у нас много, так что реставрацию проведем в кратчайшие сроки. Программу, думаю, следует поменять. Канкан, конечно же, останется. Куда без него, но надо бы разбавить чем-нибудь исконным. «Березкой», «Барыней», «Калинкой-малинкой», «Казачком». Словом, сделаем этакий русский фейерверк.

Магда. Вы это серьезно сейчас?

Представитель. Вполне.

Любочка. А она долго будет идти, реставрация ваша?

Представитель. Наша, милочка, реставрация долго идти не будет.

Любочка (*поправляя*). Любочка.

Представитель. Да, Любочка. Так вот – повторюсь, недолго. На подготовительный период: замеры и прочую архитектурную чепуху, думаю, уйдет от силы пару недель.

Тулуз. Бригада из таджиков?.. Кстати, Германыч, как вы вообще себе наших дам в мужском танце представляете? В «Казачке», например? С выходом... И, кстати, я тут подумал, давайте уж сразу на планетарный уровень выходить. Всё как-то посолидней, а то мы с мировым мелочимся сильно.

Элеонора Ласковая. Сколько уже можно!

Тулуз. Сколько нужно.

Представитель (*миролюбиво*). Ну-ну-ну. Не ссорьтесь. Бригады у нас интернациональные. Материалы немецкие. Спонсорство российское. А «Казачок», кстати, можно и на «Цыганочку» сменить. Тоже, кстати, с выходом. Со временем, может, и с плане-тар-ным.

Виола (*хлопает в ладоши*). Здорово!

Инесса (*пережевывая колбасу*). Не «Казачок», так «Цыганочка». Как всегда у нас. Пир во время чумки. (*Пауза*) Колбаса, кстати, и правда дрянь. Но мерси за экскурс в прошлое.

Представитель. Именно, как всегда. Но гораздо качественней и оперативней. А колбаса на любителя, я предупреждал.

Тулуз. Угу. С кокошниками. (*Пауза*) На любителя.

Элеонора Ласковая (*Тулузу*). С грядущей безработицей кого-то. (*Смотрит на Инессу*) Двоих.

Тулуз. Молчу.

Инесса. Жую.

Представитель (*в легком замешательстве*). Единственное...

Элеонора Ласковая. Да, да, Альфред Германович, говорите. Что же вы замолчали?

Представитель. У меня к вам просьба небольшая будет. Думаю, вам это даже где-то выгодным предложением покажется. Все-таки «Мулен Руж» предполагает большее количество танцовщиц. А у вас четверо уволились. Вот мы и готовы предложить вам на время наших партиек-наставниц. Вы их со своей стороны подучите да и они вас в партийном плане подготовят. Шефство над вами возьмут. Полагаю, подружитесь. Можно сказать, целый боевой отряд у вас будет. В смысле ансамбль.

Тулуз. «Песни и пляски». У нас уже был когда-то такой.

Виола. Чтоб я свое трюмо с кем-то делила? Ну уж нет, Альфред Германович. Тут извините.

Инесса. Да, балетный станок всех не выдержит.

Магда. Я, откровенно говоря, с чужими танцевать тоже не буду.

Элеонора Ласковая (*сквозь зубы*). Еще как будете. С прискоком даже... Отличная идея, Альфред Германович. Мы согласны. Людей-то в городе нет. Все кадры кто на азотном, кто на шерстomorphic. Культурное наследие никого, к сожалению, не волнует в наше время. «Березка», «Цыганочка» — это ж уникальный русский «Мулен Руж» будет!

Представитель. Вот и славно! Значит, договорились?

Элеонора Ласковая. О чем речь, Альфред вы наш Германович! Если за ваш счет, конечно.

Представитель. Ну, естественно, за наш. *(Кричит.)* Девочки!

В помещение строевым шагом входят четыре женщины в одинаковой форме со значками-сердцами на правой стороне френчей. Вытягиваются во фронт.

Представитель. Знакомьтесь. Роза, Жанна, Нонна и Даша. Лучшие кадры. Почти со сценическими именами.

Инесса. Особенно Даша.

Элеонора Ласковая *(с распростертыми объятьями).* Проходите девочки, проходите, будем знакомиться.

Магда *(с сомнением).* Они танцевать-то умеют? *(В изумлении показывает на Дашу, напоминающую гренадера.)*

Представитель. Если надо — научатся.

Тулуз. А не смогут — заставим. Тем более что вашу «Березку» любой дурак спляшет. «Катюша», и та побойчее будет.

Представитель *(Тулузу).* Кстати, а вы сами-то как, Тимофей Палыч? Танцами никогда не занимались? Как-то без мужчины, и «Мулен Руж». Вот в Париже... Да и вообще. Вы прямо в середину к ним проситесь. А они будто лопасти.

Тулуз. А я вроде точки, вокруг которой они кружатся, да? А вам, Германович, мой рисунок еще не понравился. Не, Германович, я художник, а не плясун.

Представитель. А все-таки подумайте. Должно неплохо получится. Я серьезно. В вас некий нерв чувствуется, это очень хорошо для танцев. Да и рост неплохой. Размер быстро подберем.

Тулуз. Не льстите. Мелкий подхалимаж здесь не оплачивается.

Представитель. Ну зачем вы так. Я ж от всего партийного сердца.

Элеонора Ласковая. Мы обязательно подумаем над вашим предложением, Альфред Германович. Да, Тулузик?

Тулуз. Да, мамузик.

Представитель. Очень хорошо. Ну что ж, полагаю, вам теперь всем следует поближе познакомиться, а вот мне бы хотелось с Элеонорой Ивановной ряд организационных вопросов обсудить. Не могли бы вы нас, так сказать, для конфиденциального разговора наедине оставить?

Инесса. Для конфиденциального – это мы всегда. Смотрите, краски правильно подбирайте.

Представитель. Не понял?

Виола. Это наше внутреннее, почти профессиональное.

Магда (*Виоле, тихо*). Ах ты ж стервь такая!

Представитель. Прошу прощения?

Любочка. Это она не вам, Альфред Германович.

Тулуз. Это она мне.

Представитель. А, ну тогда ладно. (*Партийкам-наставницам*.) Девочки, не подведите. Надеюсь на вас.

Роза (*выпрямляя спину*). Будет сделано, Альфред Германович!

Все расходятся. Остаются Элеонора Ласковая и Представитель.

Представитель. Ну, Элеонора Ивановна, спасибо вам и от меня, и от всей партии, конечно же. Буду ходатайствовать о награждении вас грамотой. За подписью главы администрации. Правда, он недавно приболел крепко. С ним это иногда случается. Но выздоровеет – обязательно замолвлю словечко. Просто сейчас, боюсь, он меня не очень адекватно воспринять может. Перенапряжение сильное.

Элеонора Ласковая. Ой, Альфред Германович, это такая честь для меня, такая честь. Не знаю, как вас и благодарить.

Представитель (*вышагивая и залажа руки за спину*). Тут у меня несколько формальных вопросов к вам образовалось, если позволите.

Элеонора Ласковая. Хоть сотню.

Представитель. Скажите, а у вас всё под юридическое лицо

оформлено, я правильно понимаю?

Элеонора Ласковая. Конечно. ООО «Мулен Руж». А что, Альфред Германович, позвольте узнать, за вопрос такой странный?

Представитель (*легко махнув рукой*). Да, чистая формальность. Просто, сами понимаете, чтобы проспонсировать такой грандиозный русский проект – провести в кратчайшие сроки реставрацию, выделить деньги на гонорары, купить новые наряды, мы же это как-то оформить должны. Юридически. То есть куда и на каком основании деньги переводить. Договор надо подготовить. Расчетный счет ваш нужен. Данные Генерального директора, учредителей всех...

Элеонора Ласковая. Ах, ну да, что ж я такая... Генеральная – я. Вы, наверное, знаете. А учредители мы все. Мы ж это всё давным-давно приватизировали.

Представитель. Надо же, как интересно. В равных долях, полагаю?

Элеонора Ласковая (*пряча глаза*). Почти. У меня контрольный.

Представитель. Вы еще что-то хотели добавить, может?

Элеонора Ласковая. Ну... от остальных у меня доверенности есть. Не знаю, интересно вам это или нет.

Представитель (*радушно улыбается*). Ну, это же отлично просто. Приятно работать с умными людьми. Знаете, как мы сделаем. Мои люди тогда необходимый пакет документов составят, если позволите, и на подпись к вам. Можете особо не вдаваться в детали. Это всё так, чистая бюрократия. Там вам подписать просто надо будет. Если хотите, за остальных тоже подпишитесь, чтобы от репетиций их не отвлекать. Раз уж у вас доверенности. Бумаг просто много. Сделаете? Это достаточно срочно.

Элеонора Ласковая. Конечно, что за вопрос.

Представитель. Тогда вечером к вам подъедут, а вы к этому времени подготовьте, пожалуйста, все документы. Ну, классический пакет по вашей компании и помещению... Да, забыл совсем. Это вам в некотором роде аванс. (*Достает из кармана бумажник, из него толстую пачку денег, отсчитывает несколько*

купюр, остальное кладет обратно, прячет бумажник в карман.)

Элеонора Ласковая. Спасибо. А что так немного?

Представитель. Ну это ж для начала только. Всему свое время... Остальное (*хлопает себя по карману*) через пару деньков... Я просто на время по краеведческим делам отъехать должен... Заметьте, Элеонора Ивановна, эта часть — наличными. Расписочку только подпишите, пожалуйста. Я подготовил. (*Берет портфель, открывает замки, вытаскивает лист бумаги и ручку*) Вот, возьмите.

Элеонора Ласковая (*удивленно*). Но здесь гораздо больше написано. В разы как бы. В сотни раз, если не в тысячи. А мне тут даже на платье не хватит. (*В изумлении смотрит то на купюры, то на расписку*) Я не могу, Альфред Германович. Поймите меня правильно. Да еще от имени Гендиректора. Да и без свидетелей. Без коллектива нашего, творческого. Как-то странно это всё, вам не кажется?

Представитель (*нежно-нежно*). Что ж тут странного? Естественно, тут больше написано. Нужны же какие-то формальные гарантии от вас. Что ж вы думаете, я просто так к вам ездил? Культурные достояния с наследиями на произвол судьбы оставлял? От важнейших дел отвлекался? Вы не переживайте, никакого обмана. Неужели вы думаете, что партия будет обманывать своего преданного партийца? А что без свидетелей, так на то и конфиденциальность. Этими деньгами вы вправе распоряжаться по собственному усмотрению. Вы меня понимаете? (*Заглядывает ей в глаза, говорит отчетливо*.) По собственному. А как остальные бюрократические, ничего не значащие, бумажки подпишем, так эту расписочку сразу же и порвем. Прямо на ваших изумительных глазах.

Элеонора Ласковая (*берет ручку*). Ну если на глазах.

Представитель. Только на них. Слово даю. Вы подписывайте, Элеонора Ивановна. Не бойтесь. А я о грамоте походатайствую... Да, такой момент еще. Пусть ваши и наши порепетируют какое-то время в другом месте. Вы ж понимаете. Краской будет пахнуть. Звук дрели. Запах. Шум.

Элеонора Ласковая (*занеся ручку над распиской*). А где же им репетировать?

Представитель. Ну, скажем, в помещении какого-нибудь завода. Что тут у вас рядом?

Элеонора Ласковая. Шерстомойная фабрика.

Представитель. Та самая? Деникинская? Краснознаменная? Ну вот! Вот! Пока реставрация идти будет, пусть они там и потанцуют. Цеха-то пустующие наверняка есть. Ведь не секрет, что в момент восстановления страны — развала убийственно много.

Элеонора Ласковая. Вы полагаете, Альфред Германович? Убийственно?

Представитель. А как иначе? Без разрушения не бывает созидания... А что до «Мулен Руж», то тут ведь сверлить начнут. Полы новые класть. Разве нашим красавицам до репетиций будет? Разве смогут это выдержать девичьи ушки?

Элеонора Ласковая. А и в самом деле, как это я не подумала.

Представитель. Вот и чудно. И знаете, что. Мне кажется, Тулузу вашему тоже неплохо бы к ним присоединиться. А то как-то... Такой ансамбль, и без мужчины. Да и уж больно нервный он, откровенно говоря. На взводе каком-то. Пусть слегка развеется. Хотя, конечно, если у вас есть кто-то другой на примете...

Элеонора Ласковая. А вы знаете, я тоже об этом думала. Ему было бы полезно.

Представитель. Вы поговорите с ним. Мы ему даже, может, краевую выставку организуем.

Элеонора Ласковая. Обязательно.

Представитель. Вот и превосходно! А что это вы, Элеонора Ивановна, застыли? (*Аккуратно, но настойчиво опускает ее руку*.) Вы подписывайте, подписывайте, и печать, пожалуйста, не забудьте поставить. Чистая формальность.

Элеонора Ласковая (*подписывает, достает из ящика стола печать, дышит на нее*). Здесь?

Представитель. Тут.

Элеонора Ласковая ставит печать.

Представитель (*легким движением руки подхватывает расписку, прячет в портфель, с шумом застегивает замки*). Поверьте мне, потом все в шоколаде будем.

Элеонора Ласковая (*мечтательно*). Да, шоколад я очень люблю. Особенно пористый.

Представитель. А я вот, знаете, как-то по колбаске больше.

Элеонора Ласковая (*в прострации держит ручку в приподнятом кулачке*). Голодное детство. Понимаю. Без деликатесов.

Представитель (*жестко*). Ручку верните.

Лопасты мельницы с надписью «MOULIN ROUGE» набирают обороты, ускоряются и начинают быстро-быстро вращаться.

Медленно гаснет свет.

Опускается «фабричный» занавес.

На авансцену выходят танцовщицы и партийки в серебряных кокошниках и мини-сарафанах под цвет коры исконных русских деревьев. Звучит унылая «Березка». Все водят хоровод, в середине которого притоптывает обезумевший Иванушка-дурочок. Это – Тулуз.

Затемнение.

Антракт.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ БЕЛАЯ МЕЛЬНИЦА

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ ЦЫГАНСКИЕ ЮБКИ

Сцена закрыта «фабричным» занавесом.

Авансцена. Танцовщицы и партийки пляшут цыганочку с выходом. Тулуз в алой рубахе, шароварах и сапогах бодро семенит на полусогнутых и яростно хлопает себя по туловищу.

Затемнение.

Занавес поднимается.

Гримерка танцовщиц.

Мельница с надписью «MOULIN ROUGE» разгромлена, лопасти покорежены – идет реставрация.

По гримерке бродят Роза, Жанна, Нонна и Даша в цыганских юбках. Они что-то вымеряют, а данные записывают в какие-то бумаги.

В гримерку входят Инесса, Магда, Виола и Любочка, одетые так же, как и партийки. Те быстро прячут бумаги в складках одежды.

Позже появляется Тулуз.

Виола. О! А мы вас по всей фабрике ищем.

Роза. Мы переодеться зашли.

Виола. А нас что не предупредили?

Затяжное молчание.

Инесса. Что это вы воды в рот набрали?

Молчание.

Любочка (*садится у трюмо*). Девчонки, вы какие-то странные, мы уже которую неделю репетируем, а вы будто бы не с нами танцуете. Что вы закрытые такие? Давайте же поговорим.

Роза. О чем?

Любочка. Ну, о жизни. Чем занимаетесь? Где живете? Мы же о вас ничего не знаем. Честно говоря, так очень тяжело работать.

Жанна (*прикуривает сигарету*). Но ведь работаем. И ничего.

Любочка. Я не об этом. Понимаете, танец — это душа. А танец в коллективе — одна душа на всех.

Нонна. Ты вступила в партию, чё те от нас еще надо? Там знаешь сколько душ.

Любочка. Ну партия, это да... Это конечно... Но ведь партия — не танец. Понимаете меня?

Даша (*басом*). Не понимаем. Нормально работаем. Плечами трясем. Дело свое знаем. И чем тебе вообще партия — не танец?

Любочка. Ну это строй скорее.

Роза. Строй — это на зоне. А партия — песнь песней!

Инесса (*подозрительно*). Давно откинулась, певичка?

Роза (*резко*). Не твое дело!

Инесса. А ты чего это хамишь, партийка? Любочка — девочка хорошая, нормальный вопрос вам, бабы, задала, а вы тут в каких-то шпионов играете. Перешептываетесь только.

Жанна (*выдувает дым*). Кто это перешептывается?

Инесса. Кто? Да вы! Я сама видела, как вы у кабинета Элки на днях терлись. И не кури здесь.

Нонна. И чё? (*Подтягивает чулок*.) Блин, всё в затычках из-за этой фабрики.

Инесса. Ничё.

Нонна. Ну и всё!

Инесса. Что — всё?! Вы откуда взялись вообще?

Жанна (*продолжает курить*). Нас вообще-то Альфред Германович привел.

Магда. Вот именно что Альфред Германович. Слов-то он пока своих не сдержал. Краевед ваш.

Инесса. Кстати, да. Где наши денежки? Мельницу разворотил только, а зарплаты как не было, так и нет. Вам-то, небось, платит. А?

Молчание.

Инесса. Эй. Что молчите? Отвечайте.

Роза. Мы не на допросе. Ясно?

Инесса (*взрываясь*). Нет! Не ясно. Пришел какой-то хрен знает кто, привел непонятно кого, разворотил клуб. Наобещал с три короба. А в итоге ни двора, ни кола. Куда казахи делись? Вчера еще что-то тут клепали, где они сейчас?

Жанна (*с наслаждением затягивается*). Это не казахи, это — таджики.

Инесса. Какая разница! Весь клуб перевертели с ног на голову. Куда они делись?

Нонна. У них праздник.

Магда. Какой еще праздник?

Даша (*басом*). Курбан-байрам.

Виола. Это еще что такое?

Любочка. Это вроде нашего Нового года.

Магда. Тоже на месяц?

Даша (*басит*). Как придется.

Инесса. Салют наций! А православнутах партийцев ваш краевед не мог привлечь?

Роза. Думай, что говоришь. Чтоб партиец вашу крышу латал — этого не будет.

Инесса. Вообще-то это не наша крыша, а по заверениям Альфреда вашего Германовича — культурное достояние страны. Достоительность, так сказать. Откуда он это вообще выкопал — ума не приложу.

Роза. Откуда надо, оттуда и выкопал. Не вашего ума дела.

Инесса. Что ты тут рот разеваешь! Нам повесили на уши ка-

кую-то хрень, а мы ее радостно заглотили. Ушами.

Роза. Еще не то заглотишь, если надо будет.

Магда. Девчонки, я что-то не пойму. Бабы на скандал нарываються?

Даша (*руки в боки*). А ты попробуй.

Любочка. Девочки, не ссорьтесь, пожалуйста.

Роза (*Даше*). Потом всё.

Инесса. Что — потом? Партия народ накормит?! Так мы это от вашего краеведа уже слышали. А мои глаза не врут, между прочим. Мельница несколько недель как разгромленная стоит. Денег нам не платят. Заработать тоже не можем, всё только репетициями заканчивается. Альфред пропал. У этих — байрам. И только четыре странных молчащих тётки по помещению шарятся и всё время что-то выискивают.

Нонна (*подтягивает чулок*). Кто это выискивает? Дурацкие колготки какие...

Виола. Это чулки.

Нонна. Всё равно дурацкие.

Инесса. Да вот хоть ты выискиваешь! Что я, не вижу, как ты к трубам присматриваешься и штукатурку ногтем колупаешь? А ты? (*Обращается к Жанне*.) Дались тебе эти розетки и огнетушители. Кончай тут курить, наконец! Мы в гримерной никогда не курим. Ты зачем вчера огнетушитель брала?

Жанна (*докурив сигарету*). Когда? Не помню.

Инесса. Что ты из меня дуру делаешь? Вчера, вечером! После «Березки».

Жанна (*достает новую сигарету, ухмыляется*). Не. Не помню.

Инесса. Хватит из меня идиотку делать! Эта вообще (*показывает на Дашу*) всё время башкой вертит да шагами что-то вымеряет. Может, вы больные, а?

Роза. Хорошо, ну а я что не так делаю?

Инесса. У тебя губы постоянно шевелятся, и ты пальцы загибаешь. Явно считаешь что-то.

Роза. Тебе в психушку пора. В стационар. Надолго.

Инесса. Это вам в психушку пора, с вашим краеведом. Вы же

танцевать ни фига не умеете. Вам до «Мулен Руж», как мне до Большого театра. Кто вы вообще такие? Что вы нам тут устроили?

Роза. Что надо, то и устроили. Узнаешь. Со временем.

Инесса. Что я узнаю?! Что?!

Даша (*хрипло*). Что надо.

Любочка. Девочки, ну, пожалуйста, ну сколько можно.

В этот момент в гримерку врывается Тулуз. Он в алой цыганской рубахе. Глаза его безумны.

Тулуз. Всё! С меня хватит!

Магда. Что случилось, Тим?

Тулуз. Всё! Всё! Всё!

Роза. Э, болезный, успокойся!

Тулуз. Всё! Не могу больше! Я — художник!

Виола. Кто спорит-то?

Тулуз. Я — псевдореалист!

Любочка. Конечно, Тулузик! Да что произошло, в конце концов?

Тулуз (*рвет на себе рубаху, крест на его шею беспомощно болтается из стороны в сторону*). Не барон! Не цыган! Не танцор!

Нонна. А кто сказал, что ты барон?

Тулуз. Кто?! А, это вы — партийцы?! Развели тут цыганщину! Где бабло?! Я два дня не жрал! Где краски?! Где значки?! Где майки с пакетами?!

Жанна (*курит*). Ты чего разорался, будут тебе пакеты.

Тулуз. Когда?! Когда мне пакет в этой стране на голову наденут?! Когда из меня альбом для значков skleпаяют?! Где мое удостоверение?! Где льготы?! Где обещанная близость, наконец?!

Роза. Ах, да. Удостоверения. Забыла совсем. (*Лезет в сумочку, стоящую у трюма*.) Уже несколько дней, как ношу. Дарья, принеси остальное.

Даша медленно покидает гримерку. Все смотрят ей вслед.

Тулуз затихает.

Роза. Вот. Натe. Пожалуйста. *(Раздает всем удостоверения.)*
Теперь вы партийцы. Близкие.

Виола. Интересная книжечка. Красная, с флажком трехцветным.

Инесса *(раскрывает удостоверение).* Что-то я тут сама на себя не похожа.

Любочка. А мне нравится. Партийный билет. «Близость». И два сердца. Как на день влюбленных. Правда? А почему они пронзены какой-то бякой?

Жанна. Какой бякой? Покажи. А нет, это царапина просто. А сама эмблема символ — двух сердец — партии и партийца.

Любочка. Это где маленькое в большое входит?

Нонна. А чё, не нравится? Это ты в партии.

Магда *(к Розе, Жанне и Нонне).* Э, бабы, а почему у меня дата рождения другая?

Инесса. Ты там старше или моложе?

Магда. Судя по всему, еще не родилась.

Тулуз *(наблюдая за происходящим).* Вот! Не родились мы еще, а нас уже похоронили. Сплелись сердца сиамцев! Теперь одно пульсирует за счет другого. И не разнять их уже!.. Где реставрация мельницы? Где мука денежная?!

Возвращается Даша, в руках у нее пакеты.

Нонна. А вот и подарочки. И чё?

Тулуз. Вот чё!

Подбегает к Даше, вырывает пакеты, встряхивает содержимое на пол и кричит: «Народ и партия — едины! Я хочу дышать воздухом партии! Питаться ее значками! Носить майки с нашивками!» Бегает, надсадно орет «Мою цыганскую» Высоцкого.

Магда и **Виола** *(вместе).* Что ты-ы-ы де-е-ела-а-а-ешь?

Тулуз. Эх, раз! Да еще раз! Да еще много, много, много, много, много раз!.. В кабаках — зеленый штоф, белые салфетки, — рай для нищих и шутов, мне ж — как птице в клетке... А в конце дороги той — плаха с топорами... И ни церковь, ни кабак — ничего не свято! Нет, ребята, всё не так! Всё не так, как надо!.. *(Резко натягивает один пакет себе на голову.)*

Танцовщицы и партийки пытаются сорвать с него пакет, из-под которого раздаётся сдавленное: «Оставьте меня! Я устал!»

Любочка. Боже, вызовите кто-нибудь врача!

Инесса. Тихо все! *(Рвет на Тулузе пакет; к Магде.)* Он сколько не пил?

Магда. Дня три. Денег же нет.

Инесса. У него белочка.

Нонна. Где?

Инесса. Горячка у него! Белая.

Виола. Так он же трезвый.

Инесса. Мне лучше знать. Я таких уже навиделась. Белочка в основном трезвых алкоголиков посещает, когда им через силу завязывать приходится. Кто-нибудь, принесите выпивку.

Жанна *(берет свою сумочку, вытаскивает из нее фляжку).* На...

Инесса *(вставляет Тулузу фляжку в руку).* Пей. *(Тот жадно пьет, выглатывает всё без остатка.)* Отпустило?

Тулуз *(кивает, устало садится на пол, обхватывает голову руками).* Да, да, да... Вот она партийная забота. Вот оно шефство. Кретинов из нас сделали.

Жанна *(забирает пустую фляжку, тушит сигарету).* Всё вылакал... ху-до-жник.

Виола *(Тулузу).* Тебе как, полегче?

Магда *(отталкивая Виолу).* Да отвали ты! Тим, ты как? Нормально всё?

Тулуз. Ага. Спасибо. Извините. Извините, что я живой. Изви-

ните, что не мертвый. Оставьте меня. Пожалуйста. (*Раскачивается из стороны в сторону.*) На звезды порвали. На свастики расчленили. На серпы и молоты издробили.

Магда (*ко всем*). Может, и вправду оставите нас на минутку? Пусть в себя придет.

Нонна (*подтягивает чулок*). Как он танцевал вообще?

Тулуз (*поднимает голову, горько усмехается*). С выходом.

Роза. Ладно, пошли мы. (*Делает знак партийкам.*)

Инесса. Хоть что-то человеческое осталось.

Роза. У самой такой же... Был.

Инесса. Не сочувствую.

Любочка. Ой, а я так испугалась, испугалась...

Танцовщицы и партийки *вместе покидают гримерку. Слышатся удаляющиеся голоса.*

Любочка. А вообще не знаю, как вам, девочки, а мне майки очень понравились. Это же стопроцентный хлопок. Весной и летом в таких очень хорошо.

Инесса. Ну да – на голые титьки напаялишь, и строим на демонстрацию. А соски от праздников твердеют. Весь реал – твой.

Виола. Совсем Тулуз плохой стал. Жалко.

В гримерке остаются Магда и Тулуз.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ **МАГДА – ТУЛУЗ**

Гримерка танцовщиц.

Магда и Тулуз.

Магда. Тим, ну что ты с собой делаешь? Ну как же так? (*Собирает вещи с пола.*) Значки вот раскидал. Рубашку порвал. Тим, нельзя так. Иди на азотный лучше работать или на шерстомойную. Я тебя пристрою. Нельзя тебе искусством заниматься. Оно губит тебя. Ты неменяемым становишься. Чужим. Не моим.

Тулуз. Замуж пойдешь?

Магда (*становится перед ним на колени, в руках у нее майка с эмблемой из двух сердец, она нервно ее теребит*). Нет, Тим, не пойду. Прости. Я люблю тебя, конечно. Очень. Но... Ты чужой мне стал. Ты в своем псевдореализме потерялся давно. В красках этих, портретах. Ты новеньких не писал еще? Нет? С кистью проблема? Скажи честно, ты наших девчонок всех из волн и водорослей выловил? Из пены своей сумасшедшей? А, Тим? Молчишь? Какое замуж? Ты что вообще, если честно, в последнее время написал? Нарисовал даже? А? А я вот знаю. Свастики и звезды. Ты хоть помнишь, что ты неделю назад всю кафельную плитку на кухне фломастером испортил. Не помнишь? Потому что я стерла всё. А там псевдосимволизм уже пошел. Скрещенные колосья какие-то, серпы, молоты, святые с нимбами. Сумасшедший дом.

Тулуз. А потому что не могу я иначе! Не могу! И не колосья это вовсе! Не святые! Это черти со сковородами!

Магда. А ты, значит, рыбий жир пьешь и розами какаешь?

Тулуз. Нет! Кровью я какаю! Искусством – через геморроидальные трещины!

Магда. Вот уж точно. Тим, да у тебя уже звезды на звезды давно не похожи, о чем ты?

Тулуз. И пусть! Зато я честный! У меня душа распахнута! Я любить умею... ценить...

Магда. Ничего ты уже не умеешь. Кончился ты – как Тулуз. Слабый ты. В партию вот вступил. Зачем? Ты же их всех ненавидишь.

Тулуз. А ты, ты?

Магда. А я – женщина, Тим. Простая русская баба. Баба-дура. Любящая, слабая, одинокая. Меня не интересуют партии. «Близость», значит, «Близость». «Женская», значит, «Женская». Мне на политику с большой мельницы плевать. Мне бы мужика – теплого, настоящего, и пусть слесарь, и да, пусть из ЖЭКа... Но чтоб без псевдо. Без чужих портретов.

Тулуз (*вскакивает*). То есть псевдо у меня всё?! Да? А они (*показывает рукой на дверь*), стало быть, настоящие? Со значка-

ми этими? С пакетами и майками?

Магда (*смотрит на него снизу-вверх*). Нет, Тим, не настоящие они. Но они и не родные, а ты — родной. (*Пауза.*) Был.

Тулуз (*орет*). А теперь что? Не родной?!

Магда (*протягивает ему майку*). На вот, майку лучше примерь.

Тулуз. Я эту ветошь на себя не напялю! Прыщи пойдут!

Магда (*горько усмехаясь*). Они скорее у тебя от другого пойдут. Хорошая майка, возьми. Ты же летом в том же, в чем зимой ходишь.

Тулуз. Зато всё свое с собой ношу! Зимой и летом одним цветом! Серым! Как шконка на зоне! Да если б Бог хотел, чтоб мы здесь жили, он бы нас вообще шерстью покрыл, а нам всё майки какие-то подсовывают! И пойми ты, наконец, я люблю Родину, я обожаю ее, я — государство ненавижу!

Магда. Тим... У нас с тобой давно уже не диалог происходит, а монолог твой кричащий... нам расставаться надо, устала я. Правда. Я тебя не пущу больше к себе.

Тулуз. Какая же ты сука! Сука!

Магда (*горько усмегается*). Я смотрю, ты в норму пришел. И пусть я — сука, пусть — дрянь, но и жить так больше нельзя.

Тулуз (*бегает по гримерке, раскидывает вещи*). А где можно? Где ты живешь?! В стране этой? Думаешь, душу удостоверением прикроешь, значок нацепишь — так тебе пенсию накинут? Мешок вам на голову всем накинут! Большой полиэтиленовый мешок с эмблемой из двух небьющихся сердец! Где наша мельница? Где «Мулен Руж» с выходом? С выходом на мировой рынок? Нет ее! Не может эта страна построить ни одной мельницы, потому что она хлеб ненавидит, муку гноит, трупами пашни удобряет! (*Пытается порвать собственное удостоверение — оно не рвется.*) А, сука! Дьяволиная кожа! У них даже удостоверения заговоренные.

Магда (*спокойно*). Псевдо это всё, Тим. Проходили.

Тулуз. Нет, не проходили! Ты бы знала, какие мне кошмары снятся. Хочешь послушать?

Магда. Нет, не хочу, Тим.

Тулуз. А что так? А ты послушай! *(Приподнимает руки к груди, выходит на авансцену, застывает и, понижая голос, почти шепотом, говорит.)* Трупы. Кругом трупы. И собаки лают. А в зубах у них наши удостоверения. И ветер по городу с воем гуляет. Плачет. Плакаивает. Молитвы читает... А в небе пакеты с сердца-ми. Они, точно стервятники, парят, жертв высматривают, а потом вниз людям на головы бросаются. И душат, душат. *(Безумно начи-нает вращать глазами.)* И мельница... Она вдруг в мясорубку превращается. Лопасты крутятся, крутятся. А жернова перемалы-вают. Человека в фарш. В отруби. В муку. В пыль. Будто и не бы-ло... Смертью, Магда, пахнет. Смертью. Я чувствую. Мясобой-ней... Ветер, собаки... Человека в пыль.

Магда *(устало)*. Боже мой, ты совсем спятил. Ты не понял. Мне мужчина нужен, а не...

Тулуз. Не кто?!

Магда *(встает с колен, поднимает на Тулуза глаза, прямо смотрит ему в лицо, отчетливо произносит)*. Не крикун. Не су-масшедший. Не параноик. Не никто. За тобой ведь ни одного по-ступка...

Тулуз. Ах так?! *(Резко бьет ее по лицу.)* А вот так?! Вот так?! *(Снова бьет ее.)* Ну что, есть у меня поступок?!

Магда *(отбегает назад)*. Не смей меня бить! Ты, ты... Псев-до! Я тебя ненавижу! Ты мне всю жизнь искалечил!

Тулуз *(движется на нее)*. Я?! Псевдо?!

Магда *(упирается в трюмо)*. Да! Ты! Ты сам — пыль! Амёба!

Тулуз. Да я убью тебя, дрянь! *(Подбегает, дает ей мощную пощечину.)*

Магда *(стоит, прижатая к трюмо; неловко завернув одну ру-ку за спину, пытается нащупать какой-нибудь предмет)*. Псевдо! Псевдо! Всё в тебе — псевдо! От кистей до слов твоих шизофре-нических!

Руки Тулуза смыкаются на горле Магды.

Тулуз. Шалава!

Магда (*вырывается*). Не смей меня бить!

Со всей силы дает Тулузу коленкой в промежность, тот резко гибается. Магда разворачивается, подхватывает с трюмо лампу и со словами: «А это тебе за шалаву!» – с размаху опускает ее на голову Тулуза. Тот кулем валится на пол.

Магда, не оборачиваясь, быстро покидает помещение.

Тулуз лежит недвижим.

Медленно опускается «тюремный» занавес.

Затемнение.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ **СПИРТ С КАРАМЕЛЬКАМИ**

Авансцена. Правая сторона.

Кабинет Следователя.

Следователь и **Инесса**.

Инесса (*обмахивается листом, вырванным из уголовного дела*). А вот был у меня еще пианист. Ну тапёр в ресторане. Ликерчиками озоровал. Помнишь, ликеры такие были сладкие, турецкие? Разных цветов. Женщины тогда сангрией наливались. Ай да, не помнишь. Это сразу за одеколонными временами было. Ты еще только «Жигулевское» хлестать начинал и портвяшку в подворотне.

Следователь (*слегка заплетающимся языком*). По-о-слушай, пока что ты как свидетель значишься. Но мне очень легко тебя в подоз-зр-реваемые перевести.

Инесса. Ну какие подозреваемые, о чем ты?

Следователь. Ладно, Инесс, расскажи, что у вас там произош-шло. Вот до меня слухи доходили, что у Тулуз-за с Магдой большие проблемы были. Так или не так? Тьфу, ёлки... У Тимофея Палыча с Марьей Владимир-ровной.

Инесса. Так, еще как так. А у кого их не было, Эдик? Вот помню, тапёр мой нажрется этой турецкой сивухи и давай: «брям-брям-брям». По перилам. Брям, брям, брям. Кричал, что это черные клавиши страны. Тулуз, он такой же был. Скандальный.

Следователь. Что з-значит «брям-брям-брям»?

Инесса. А то и значит, Эдик. Нереализованные они оба. А нереализованность в нашей стране, сам понимаешь. Кто в ментовку, кто на зону... Извини, что-то я не то ляпнула.

Следователь. Вернемся давай к з-зо-оне. Что из себя Тулуз-з представлял?

Инесса. Художник. Тяжелый случай. Псевдореалист.

Следователь. Это к-как?

Инесса. Это – страшно. Запойный. Вернее даже так – каждодневно пьющий. Понимаешь, душа у него болела. Вот он ее и задабривал. Ликеры-то уже в городе исчезли. Да и работы толковой нет, ментовка только. Так он, бывало, одеколон или растворители для красок хлебал. Знаешь, какие он нам потом белочки вытанцовывал?

Следователь. Что ты несешь такое, Инес-с-са?

Инесса. Я сама сколько раз видела. Художники, они все-таки посильнее лабухов будут. Этим всё ликерчики подавай. А закончились ликерчики – резко появился денатурат с очистителями для окон. Там уже миную всех зверей. Не рассчитал мой тапёр, короче.

Следователь. Ты о ком?

Инесса. Ну о последнем моем. Он сейчас рядом с церковью на гармони играет. Слепеный. Ну я тебе рассказывала – там, где отец Владимир.

Следователь. Первый твой?

Инесса. Один из.

Следователь. Давай к худ-дожнику вернемся.

Инесса. А давай еще выпьем?

Следователь. Только с-спирт ос-стался. С кара... с карамельками.

Инесса. Фу, гадость какая. Я тогда только карамельки. Мама

твоей.

Следователь достает из сейфа спирт и карамельки. Наливает в один стакан – спирт, в другой – из графина воду. Резко опрокидывает спирт в горло, за ним пьет воду. Кряхтит. Бросает в рот карамельку.

Следователь (*катая карамельку во рту*). Инесс, ты расскажешь уже что-нибудь дельное? Преступление все-таки произошло. Со с-смертельным исходом. Мас-с-с-овым.

Инесса (*берет карамельку*). Апельсиновые? Мои любимые. Сразу за границей себя чувствую... (*В сторону*) Как тебя развезло-то.

Следователь. Не з-заг-говаривай мне з-зубы. Давай, Инесс, расска-азывай. Мне твои поэт... ты, с ак-ктерами и пианис... там пор... рядом надоели. Хватит мне моз-зги п-пуд-дрить.

Инесса. А ты не ревнуй... И вообще, а что тут рассказывать? Любили они друг друга. Дрались, бывало... Помню, тапёр как-то мой пришел, так меня исколошматил, я целую неделю танцевать не могла.

Следователь. Инес-с-с! По д-делу!

Инесса. А я по делу. Ты спросил, я – отвечаю. Всё честно. Россия – страна любви и мордобоя. Я ж тебе еще про своих родителей рассказывала. Что тут, секреты какие-то разве есть?

Следователь. Правильно ли я понял, что в итоге произ... произошла крупная драк... ка?

Инесса (*поглаживая его по руке*). Ты о чем, Эдик?... (*Томно*) Я тебе, кстати, нравлюсь? Или старовата?

Следователь (*заплетающимся языком*). Я о том, были ли в «Мулен Руж» люди с деви... деви... девиантным поведением? Чёрт, что-то меня уже вставило.

Инесса. Какой же ты умный. Как наша Элка. Да мы там все такие, если честно. А Магда с Тулузом постоянно дрались.

Следователь. Ага. Запис... сываю.

Инесса. А ты у нас, что, в городе других видел? Не девиант-

ных? Ручку подержать?

Следователь (*борется с ручкой*). П-п-плохо пошла. А я еще с утра не ж-жрал. Ладно, п-п-отом запишу. Инесса, а раньше у них до рукоприклад... до драк доход... дило?

Инесса. А у кого не доходило? Кстати, Эдик, ты кровяную колбасу любишь?

Следователь. Т-те-ер-п-петьне могу, но сейчас бы... А что?

Инесса. Так, ничего. Вспомнила просто. Детство некоторых. Сама не знаю, к чему.

Следователь. Ко-олбаса-то тут при ч-чем? Давай к с-сути. Меня интересует, где-е...

Инесса (*наклоняется к нему*). Меня тоже... давай прямо здесь... Следователя у меня еще не было. А ты вообще при ору-жии, Эдик? Знаешь, это так возбуждает. У тебя тэтэ или мака-рыч?

Следователь. Ты чего? Я при и-спол-не-ни-и.

Инесса. Вот и выполняй. Взрослый же мальчик... Всё равно ты никого не найдешь. Это я тебе просто обещаю. Никого. А я дама – девиантная. Намерений своих, преступных, всегда придерживаюсь.

Следователь (*вскакивает и тут же валится обратно на стул*). Инесс! Где все во-още-е-е-е? Ты одна из «Му-улен-н Руж-ж-ж» ос-сталась! Куда все, ядр-ре-она вош-шь, делись? Найдены окров... окровавленные удостов... удостоверения с несколькими фраг... фраг... щас... (*Выплевывает карамельку на стол, наливает из графина полный стакан воды, залпом выпивает, вытирает тыльной стороной ладони губы.*) ...с фрагментами тел, разбросанными по всему городу... Твоих подруг, ме-е-жду прочим, с которым ты не один год ногами ма-а-ахала. А сами тела не на-а-айдены. Они, что, по-твоему, испа-а-арились в воздухе? Тебе показать фотогра-а-афии? (*Открывает уголовное дело, показывает.*) Вот, смотри. Произошло ужасное и ци... ци... циничное преступление. С очагча... с отяч... с отягчающими. Ты с-смотри, с-с-смотри. А ты мне тут д-д-дурочку валяешь!

Инесса. Жуть какая. Закрой, а то мне сейчас плохо будет.

И вообще, ты меня, что ли, подозреваешь? Женщину? Я их, по-твоему, испарила? Съешь карамельку лучше.

Следователь (*наливает спирт, выпивает, заталкивает в рот карамельку, включает лампу, направляет свет на Инессу*). А кто?! Кого мне еще подоз-з-рывать? В тебе же горечи ни на грош-ш-ш! Ни одной слезы ни проронила! А это кос-свенная улика, между прочим! (*Откинувшись на спинку стула, бессмысленным взглядом смотрит на Инессу и слегка мотает башкой*.)

Инесса. А не плачу я, Эдик, потому что выплакала всё. (*Разворачивает лампу к Следователю*.) Что ж ты думаешь, я постоянно реветь должна? Слава Богу, что сама в живых осталась. А девчонки жалко, конечно. И Магду, и Любочку с Вилкой. И Тулуза. Да и Элка неплохая, в общем, была. Только дура. Но скажи, Эдик, при чем здесь я? Мне повезло просто.

Следователь (*машет руками перед лицом*). А ты где... была... с пятницы... на субботн..?

Инесса (*встает, подходит к Следователю, садится ему на колени, опускает плафон лампы чуть вниз, расстегивает на Следователе рубашку*). На субботницу? Да ты ревнуешь, что ли? Да не ревнуй ты, в самом деле. Женщина должна быть немного портовой шлюхой, а причинное место, как известно, пусто не бывает. Ну загуляла я тогда. С кем не бывает?... Иди ко мне лучше, мой сладкий. Не ревнуй. Ядренька вошь ты моя.

Следователь. Инесс-сса! Что-о-о?.. что-о-о... что ты д-делаешь?.. У меня глух-х-харьна глух-х-ха-а-аре...

Инесса (*расстегивает на нем рубашку*). Да, да. А потом мы ласточками улетим с тобой, далеко-далеко. В Париж, например. Чартером каким-нибудь. Самым экономным. Ты вообще был за границей когда-нибудь? Я тоже нет. Но очень хочется. Полетели, а? Мне на днях загранпаспорт выдадут... А их считай что нет, и никогда не было. Забудь ты эту страну, с этими людьми... (*Расстегивает ремень на брюках Следователя*.) Помоги, молния заела... Ты, кстати, не заметил, какие последнее время по городу собаки сытые бегают? Может, их спросить?.. Но жизнь ведь всё равно идет дальше. Какой бы страшной и абсурдной она не бы-

ла. Да?.. Иди ко мне, Эдик. Успокой меня.

Следователь (*снимает Инессу с колен, встает, пошатывается*). Что ты несеш-шь? Какие с-собаки? Ты п-пьяна!.. Я с-сейчас, сейчас-с...

Инесса. Вот! Говорила мне мама – не мешай напитки. Так что – пользуйся моментом, мой генерал...

Следователь (*опустив голову, одновременно шатаясь и борясь с молнией*). Я – май-йор. З-за-аела з-за-араза.

Инесса. О! Мой генерал-майор! В этой стране мы и правда все пьяны, если майоров до тридцати получаем. Остальные так вообще невменяемые. Да, Эдик? В двадцать пять – и уже в Думе. Ну иди же ко мне... (*Наконец расстегивает ему брюки, они падают; Следователь стоит в семейных трусах, на которых изображены красные сердечки; Инесса смеется*.) Как антуражно! Тебе в «Мулен Руж» надо было, а не в ментовку. Кстати, Эдик, ты петь или танцевать умеешь? За границей может пригодиться. Я же знаю, ты же тоже их всех терпеть не можешь... Полетели со мной? Тебе же всё равно в этой стране ничего не светит. Или сопьешься, или за взятки посадят. (*Аккуратно сажает Следователя на стул*.) Дай брючки сниму.

Следователь. Не н-над-до. Там ш-шнурки дальше. Не з-за-вяж-жу. (*Прячет ноги в спущенных штанах под стол, скрещивает руки на столешнице и пьяно улыбается Инессе*.) Жен-щи-на – ка-ра-мель! (*Выключает лампу и вдруг резко падает на руки*.)

Инесса (*теребит его за плечо*). Эй-эй, глухарь... Полетели. Там абсент с монпансье.

Следователь (*приподнимает голову*). Хо-ро-шо... По-ду-маю... За-втра. (*Вырубается на скрещенных руках. Храпит*.)

Инесса (*задумчиво*). Орлик сдох.

Она подхватывает сумочку и направляется к выходу. Затем возвращается, грациозным движением руки берет карамельку и кладет за щечку. Поворачивает гнущуюся ножку лампы, светит на макушку Следователя, несколько раз щелкает выключателем. Напоследок треплет Следователя по волосам и, забросив

сумочку через плечо, пританцовывая, выходит. На ходу прищелкивает пальчиками и поет: «Наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна...»

Затемнение.

В темноте раздается долгий хрип Следователя.

«Тюремный» занавес поднимается.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ **КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ**

Кабинет Элеоноры Ласковой.

*В кабинете **Инесса, Магда, Виола и Любочка. Элеонора Ласковая** – руки в боки – нависает над **Представителем**, который, вытянув ноги, вальяжно раскинулся на диване. Рядом лежит портфель с замками. Танцовщицы напряженно сидят на стульях, расставленных по всему кабинету. Круглый стол не накрыт и пуст.*

*Позже появляются **Тулуз, Роза, Жанна, Нонна и Даша.***

Элеонора Ласковая (*жестко*). Альфред Германович, не соизволите ли нам объяснить, что вообще происходит?

Представитель (*елейно*). А что такое, Элеонора Ивановна?

Элеонора Ласковая. А вы не знаете?

Представитель (*разводит руками*). Что же я должен знать, по-вашему? У меня всё идет по плану.

Элеонора Ласковая. А у меня нет. Прошло чёрт знает сколько времени. Мельница разгромлена. Денег нет. Что творится? Где ваши обещания?

Магда. Мы так скоро женские копытца откинем при вашем спонсорстве.

Инесса. Увидите вы «Мулен Руж» с дохлыми лошадами.

Любочка. Да, Альфред Германович, вы же обещали.

Представитель. Милые вы мои... близкие... раз обещал – значит, всему свое время.

Виола. Какое время? Меня скоро из комнаты выгонят.

Представитель. Сейчас у страны тяжелые времена, вы же знаете... мы только-только с колен начали...

Элеонора Ласковая. Так! А ну хватит демагогию тут разводить! Где деньги? Где реставрация? Где узбеки?

Представитель. Это не узбеки.

Элеонора Ласковая. Неважно! Где хоть что-нибудь? Вы вообще в курсе, что вы частную собственность разгромили? Мы на вас в милицию заявление напишем.

Представитель (*удивленно приподнимает руки, покручивает ладошками*). Я? Разгромил? Вы? В милицию? Побойтесь Бога, Элеонора Ивановна.

Элеонора Ласковая. Я – Ласковая!

Представитель. Пусть так. Но чтоб я – разгромил... Это уже оговор. Это статья, в некотором роде.

Инесса, Магда, Виола и Любочка (*хором*). А кто? Кто разгромил?!!

Представитель. Явно не я.

Инесса. Не тупите, Альфред Германович! Послушайте сюда. Клуб давно приватизирован. У нас у всех доли, между прочим. У Элеоноры – контрольный пакет. Но и мы тоже немножко имеем. Даже Тулуз. Пусть мы копейки какие-то зарабатывали, но это хоть что-то в нашей азотной Тьмутаракани, а вы тут приперлись со своими партийными делишками – и всё нам испоганили. Отвечайте по существу. Когда здание будет отреставрировано? Когда пойдет реальное спонсорство? Или вы думаете, вы нас майками своими купили? Так когда?

Представитель. Когда надо, тогда и будет.

Инесса. Это не ответ.

Любочка. Альфред Германович, вы что-то от нас скрываете?

Представитель. Да могу ли я скрывать от вас что-либо, красавицы-чудесницы? Вы же знаете, что в крае сейчас проблемы. Что на первый план Съезд выдвинул сельское хозяйство и индустрию. Сейчас просто глупо говорить о культурных вопросах. Как вы не понимаете?

Магда. Это вы не понимаете! При чем здесь ваши съезды?

Представитель (*усмехается*). А как иначе партийные деньги в частную собственность привлекать?

Элеонора Ласковая. Ну и где эти деньги?

Представитель. Ушли на другие цели. Я к вам со всей душой, кстати...

Инесса. Ну да. Плюйте нам в глаза. Плюйте. Нам всё роса.

Входит Тулуз, на голове у него что-то наподобие белого тюрбана — это повязка из бинтов.

Тулуз. Мы, кстати, тоже. С душой. Со всей. Не будет никаких денег, да? Я правильно понял, а, Германыч? Дураков-то из нас не надо делать.

Представитель. Тимофей Палыч, почему вы со мной так разговариваете? На каком основании?.. И что у вас с головой вообще?

Тулуз (*трогает повязку-тюрбан*). Это — цилиндр. Наш. Исконный. И кое для кого я здесь — Тулуз.

Представитель. Псевдореализм. Понимаю. А то я уж подумал, что это опять кошечки ваши постарались.

Тулуз. Не важно, кто постарался... Ну так что, сам объяснишь или помочь?

Представитель. Я, право, не знаю, что вы от меня хотите. Всё же по плану идет.

Тулуз. И я даже знаю, по какому.

Элеонора Ласковая. По какому, Тулуз?

Тулуз. По кидальному. Мы же все псевдо тут, как бы... у нас всё якобы. Мы вон и в партию вступали — ничего толком не читая. Думали, понарошку всё. На халяву спонсорство получим. На халяву исконно русский «Мулен Руж» замоздрячим. А на халяву, как известно, только бесплатный ради в кофе бывает. Я вот прочел на досуге документики. Очень, скажу вам, интересные. Близкие, в кавычках, сердцу любого гражданина.

Любочка. Ничего не понимаю, какие документики?

Виола. Да. Ты можешь как-нибудь подходитьчивей?

Магда. Как умеет, так и рассказывает. Не мешайте ему.

Тулуз (*Магде*). Я с тобой потом поговорю. Отдельно. (*Остальным показывает пальцем на Представителя.*) Вот он, он всё прекрасно понимает. И девочки, которых он нам подsunул, совсем даже непростые. Да, Германыч? Специально обученные такие девочки, натасканные на недвижимое имущество. Только проблема в том, что бабы они и есть бабы — не в тех местах бумаги оставляют. Кстати, где они — чувырлы твои?

Представитель (*быстро кладет руку на портфель и тут же убирает; хмуро*). Не знаю.

Тулуз. А я знаю. Они сейчас бумаги по всему клубу ищут, а бумаги здесь.

Элеонора Ласковая. Говори внятно. Какие бумаги?

Тулуз. Которые вы тут конфиденциально наподписывали.

В кабинет врывается Роза.

Роза. Альфред Германович! У нас проблема. Те документы, что вы нам на днях дали...

Представитель (*спокойно*). Иди сюда. И остальных зови.

Роза. Ага, сейчас.

Она исчезает, через мгновение в кабинет входят четыре партийки во френчах. Тулуз быстро забегают им за спины и закрывает дверь на ключ. Ключ прячет в карман.

Представитель. Это как понимать? В заложники решили нас взять? Вы хоть знаете, какой вам срок за это светит?

Тулуз. Плевать. Мне уже давно на всё плевать. Направо пойдешь — портки отнимут, налево — без рубахи оставят, прямо — догола разденут.

Магда. Ты пояснишь наконец что-нибудь или нет?

Тулуз (*поправляя повязку на голове*). Не твое дело. Проходите, барышни, проходите. Чаёк, шампусик, программа партии —

так вы всё культурное наследие в муку искрошите.

Роза, Жанна, Нонна и Даша занимают свободные места.

Магда. Тим...

Тулуз. Я с тобой вообще не разговариваю!

Элеонора Ласковая. Так, давайте без семейных сцен. Что происходит? Тулуз, ты головой сильно ударился?

Тулуз. Мы все ей ударились. *(Расстегивает рубаху, вытаскивает документы в пакете, на котором изображены сердца.)*

Нонна *(приподнимается)*. О! А мы их искали.

Тулуз. Всем сидеть на своих местах. Сейчас будет очень весело. Итак. Для чего же нас так усердно тянули в партию? Кто ответит мне на этот вопрос?

Инесса. Ты во «Что? Где? Когда?» решил поиграть?

Тулуз. Жду ответа. Время пошло. Иго-го...

Любочка. Чтобы проспонсировать.

Тулуз. Ответ правильный, но неточный. Вопрос: кого проспонсировать? Себя или нас?

Виола. «Мулен Руж».

Тулуз. В «молоко». А просто нас проспонсировать нельзя было? Прийти и от всего сердца дать денег на реставрацию? Пардон, от двух сердец. Большого и маленького. Как на значках ваших да пакетах. А, Германыч?

Представитель. Мы партийными деньгами так просто не разбрасываемся. Своим — пожалуйста.

Тулуз. Вот именно — своим. Близким, так сказать. А кто не предаст? Правильно, родной. А как человека родным можно сделать, если не по крови? Правильно, связать ему руки документами.

Элеонора Ласковая. Так, так... И что мы там подписали?

Тулуз. Вы, Элеонора, подписали. Вы. Смертный приговор себе. Слили и разрешили себя поглотить. *(Напевает.)* Я буду жить тобой, я буду спать с тобой, ты будешь мне теперь такой родной...

Виола. С кем слились?

Тулуз. С Альфредами и Розами.

Роза. Хорош пургу гнать. Альфред Германович, его пора из партии за неэтичное поведение выгонять.

Тулуз. Это пожалуйста, это — я с удовольствием. А долю вы мою себе оставите? Культурного наследия?

Элеонора Ласковая. Ты что-то путаешь. Одно дело общество с ограниченной ответственностью и совсем другое — партия. Вещи вроде как несвязанные. Или я чего-то не понимаю?

Жанна с Нонной смеются.

Магда. Вы чего это, бабы? Тим...

Тулуз. Отстань! С тобой вообще разговора сейчас нет... Германыч, ничего не хочешь нам рассказать? *(Помахивает пакетом с документами.)*

Представитель. Нет. Верните документы. Быстро!

Тулуз. Успеется, Германыч, успеется. Итак, я все-таки продолжу. Немножко истории, с вашего партийного разрешения. *(Ходит взад-вперед.)* Так вот, если помните, лет десять тому назад приватизация в некоторых местах проходила за копейки. Что, собственно, и получилось с нашим клубом. Был некий творческий коллектив, за которым было закреплено здание... как мы тогда, кстати, назывались, помнит кто?

Любочка. «Песни и пляски».

Виола. Точно, я и забыла.

Тулуз. Правильно, Любочка! И вот этот «Песни и пляски» удивительным образом приватизировал здание. Пели мы, значит, в этой приватизации и плясали. Утренники устраивали, новогодние ёлки, детские спектакли. А потом нам захотелось чего-то нового. А рядом заброшенная мельница стоит. Недлинный ассоциативный ряд, споры по поводу названия и дальнейшего развития плясок с песнями, и так появился «Мулен Руж»...

Магда. Это мы все помним.

Тулуз. Помолчи!

Виола. А правда, зачем ты нам всё это рассказываешь?

Тулуз. Затем, чтоб вспомнили. А то некоторые историю забывать начали.

Элеонора Ласковая. Ну хорошо. Вспомнили. Что дальше?

Тулуз. А никому из вас не приходило в голову, откуда лепнина такая на потолке? Колонны? Паркет? Да, обветшалое всё... но тем не менее, тем не менее... Германыч, вот он, (*показывает на Представителя*) очень хорошо такие вещи сечет. Это мы, голь перекатная, не разбираемся в этих вопросах. А он — ого-го как в них разбирается. Но проблемка произошла. Я тоже кое-что в этом понимаю. Не зря ведь декоратором здесь числюсь.

Виола. Ну и что дальше?

Тулуз. А то, что клуб этот и в самом деле культурное наследие. Самое настоящее.

Представитель (*вскакивает*). Документы!

Элеонора Ласковая. Ну уж нет. Пусть говорит.

Представитель (*медленно садится, упирается руками в колени и чуть наклоняется вперед*). Ну, пеняйте на себя в таком случае.

Инесса, Магда, Виола и Любочка. Что?

Роза. Что слышали.

Инесса. Это наезд?

Элеонора Ласковая. Вы нам угрожаете, Альфред Германович?

Представитель. Предупреждаю. Пусть говорит ваш псевдохудожник. Даша!

Даша направляется к дверям. Встает у входа. Ноги на ширине плеч.

Тулуз. Личина обнажилась, Германыч? Хороший художник — мертвый художник? Ну я другого от тебя, собственно, и не ожидал. А насчет угроз, так засунь их себе в пятую партийную точку. Я и не таких на зоне обламывал.

Даша (*басит*). Посмотрим, посмотрим.

Тулуз. И смотреть нечего. Мне ваши запугивания до одной беличьей кисти.

Роза. За базаром следи.

Инесса (*Розе*). Рот закрой!

Любочка. Девочки, не ссорьтесь!

Элеонора Ласковая. Тулуз! Говори!

Тулуз. А суть вот в чем. Я всё думал, что же этот червь партийный к нам приперся. Да еще из культурного наследия. Неспроста это. Чтоб вот так вот. Искренне, с распростертыми объятиями. Достоятельно! Да не бывает так. Короче, сходил я на днях в нашу районную библиотеку. Покопался в архивах. И что б вы думали? Клуб-то непростой оказался.

Представитель. Еще слово и...

Тулуз. Еще много слов будет, Германыч. Мы твою демагогию терпели, и ты нашу правду-матку потерпишь. Продолжаю. Некто, в свое время очень зажиточный помещик Ненашев, был владельцем ряда крупных объектов в нашем городе. По тем временам – крупного уездного города, ну а по нынешним – большой зачуханной деревеньки. Так вот, этот Ненашев был в том числе и собственником, не поверите, мукомольной фабрики и старой мельницы, оставшейся ему еще от прадеда. В народе так называемой «Белой Мельницы». Да, да. Той самой. Крестной матушки нашей «Красной». Ведь именно благодаря ей мы идею с «Мулен Руж» в жизнь и воплотили, именно она нас на название натолкнула. Сейчас-то она старье-старьем, конечно, развалюха, но в свое время ее помещик Ненашев как память о прадеде хранил, постоянно реставрировал и так и не снес. Впоследствии помещика по старой русской традиции ухайдохали. Не то его пристрелил какой-то пьяный красный офицер, не то подняли на вилы неопохмелившиеся крестьяне, не то проткнул штыком храбрый солдатик, полоснувший сто грамм, не то порубали лопатками славные пролетарии, не выходящие из коматоза, тут в архивах есть некоторые нестыковки, но суть в том, что помещика Ненашева в этом физическом мире не стало, и он полетел к прадеду. Фабрику по той же милой традиции национализиро-

вали и перестроили в шерстомойную, а вот мельницу почему-то не тронули. С одной стороны, не снесли, но, с другой, и средств никогда не вкладывали. Хотя, она, между прочим, до сих пор работает. Вот тебе, Германыч, кстати, истинная, а не краеведческая любовь к своим корням. На века строили. Короче, со временем эта мельница, как известно, стала вроде символа нашего городка. Она у нас и на значках, и на проспектах города. Будь он неладен.

Жанна (*закуривая*). Задрал уже свои беспомощные истории втюхивать.

Инесса (*вскакивает, подбегает к Жанне, выдергивает сигарету*). Не кури здесь! (*Бросает сигарету на пол, тушит каблукком.*)

Даша (*басом*). Альфред Германович?

Представитель. Потом. Пусть поговорит.

Тулуз. А я, собственно, уже закончил. Несложно догадаться, что клуб наш — это особняк помещика Ненашева. Принципиального трезвенника, трудоголика и мецената. Единственный, кстати, в городе непьющий был. Наверное, поэтому и богатым стал.

Представитель (*медленно хлопает в ладоши*). Молодец, художник! Нарыл!

Тулуз. Да тут и рыть особо нечего. Я ж не самоучка. Паркет от линолеума отличаю. Просто раньше не было особой причины задаться этим вопросом.

Элеонора Ласковая. Так это ж здорово, что у нас такое помещение!

Виола. Конечно!

Любочка. Радоваться надо!

Роза, Жанна, Нонна и Даша хмыкают.

Тулуз. Парижских удовольствий захотелось? Не будет их. Сибирь наш кайф. Леса, поля и реки!

Любочка. Почему это?

Тулуз. А поздно радоваться. Вы знаете, кто эти люди? И за-

чем они тут были? Может, сами представитесь? *(Помахивает пакетом документов.)*

Роза, Жанна, Нонна и Даша молчат. Пауза.

Элеонора Ласковая. Говорите уже.

Тулуз. Скромняшки. Ну, ладно. Тогда я сам. *(Вытаскивает несколько листов из пакета.)* Значит, так. По порядку. *(Поочередно показывает на партиек.)* Розочка наша оказалась из налоговой, Жанночка — из противопожарной безопасности, Нонночка — из санэпидемстанции, ну а Дашуля, она вообще прелесть, — из бюро технической инвентаризации. Я ничего не перепутал?

Инесса. Ах вот оно что! То-то одну к розеткам тянет, а другую к штукатурке.

Жанна выуживает новую сигарету из пачки.

Инесса *(орет)*. Я сказала, не кури здесь!

Жанна *(закуривает)*. Тебя не спросила!

Инесса. Ты что рот раскрываешь?! Ты откуда взялась вообще?!

Жанна. Откуда и ты!

Инесса. Вот и иди туда!

Магда *(Инессе)*. Успокойся, Ин. Пусть курит. Может, сдохнет раньше.

Жанна *(выдувая дым)*. Только после вас.

Инесса. Я сказала, не води жалом! Вырву!

Инесса вскакивает, Магда хватает ее за локти, усаживает. Жанна, закинув ногу на ногу, продолжает спокойно курить.

Любочка. Не ругайтесь! По-жа-луй-ста!

Магда *(Инессе)*. Давай дослушаем. Потом хоть глаз ей на нейлоновую пятку натяни.

Инесса. Это уж обязательно!

Виола (*Тулузу*). Тим, ну а суть в чем?

Тулуз. Вилка, ты не поняла. Они внеплановые проверки делали. Инкогнито. Они такие же танцовщицы, как я барон цыганский. Инспекторши это.

Элеонора Ласковая. Какие проверки?! Это же незаконно! Они даже удостоверений не показывали.

Тулуз. В этом-то и соль, Элеонора Расчетливая. А кто их пустые бланки подписывал? Вместе с партийным пакетом? Более того, они же не только проверки делали, а еще и к реставрации готовились. Вымеряли, высчитывали.

Любочка. Так, значит, все-таки будет реставрация?

Тулуз. Будет. Только не про нас. Они, судя по документам, управу шерстомойного района здесь хотят отгрохать, чтобы кровь из нас сосать было удобней. Реставраторы, вашу мать! Мельничный жернов вам в одно место!

Пауза.

Элеонора Ласковая. Ох, и дура я — дура! Что же я за идиотка такая старая! Боже, дайте мне кто-нибудь воды. А лучше яду!

Тулуз (*задумчиво*). Да, да. Вот и взбили мы скисшие сливки. Вот и поймали Жар-птицу за общипанный хвост.

Любочка наливает воду из графина. Протягивает стакан воды Элеоноре Ласковой. Та жадно пьет.

Жанна (*стряхивает пепел на пол*). Очень много нарушений.

Нонна. А чё, закрывать всё надо. Ремонт опять же незаконный.

Магда. С чего это он незаконный?

Даша. С нами несогласованный.

Роза. Именно.

Виола. С ума сойти. Вот это нас кинули. Но если вы и не собирились нас спонсировать, так зачем платья было покупать?

Представитель (*нагло хохочет*). Ну вы и дуры все. Это ж

из театра.

Тулуз. Того самого? Который полгода назад на реконструкцию закрыли?

Представитель зло смеется в ответ.

Роза (*Элеоноре Ласковой*). Кстати, а где у вас кассовый аппарат? Я так и не нашла. И с бухгалтерскими книгами путаница. Я правильно поняла, что у вас двойная бухгалтерия?

Элеонора Ласковая. Подождите, подождите, можно же как-то договориться. Наверное...

Представитель, Роза, Жанна, Нонна и Даша глумливо смеются в ответ.

Тулуз. Не думаю, что тут что-то выйдет. Это они так, для страховки. Попугать да по судам нас затаскать. Знают же, что денег ни у кого из нас нет. Банкротить наверняка будут. Да, собственно, и банкротить нечего. Представляете, нам сейчас адвокатов брать? Интересно, за какие такие тугрики? Но самое важное не это. Самое главное — документы по ООО и устав партии. А инспекторш они к нам просто внедрили. Как партиек-надсмотрщиц, чтоб за нами присмотрели и заодно свое дело государственной важности сделали. Так сказать, глаз приметали.

Элеонора Ласковая (*держась за сердце*). Что еще с этим уставом не так? Что с ООО случилось?

Тулуз. Могу кое-что зачитать... (*Копается в документах, вытаскивает буклет, с пафосом читает.*) «Член партии обязан всемерно содействовать реализации программы партии; лично и беспрекословно выполнять и активно способствовать претворению в жизнь решений руководящих органов партии; не совершать действий, дискредитирующих партию; член партии имеет право обжаловать решения и действия руководящих органов в вышестоящие руководящие органы партии». Вы разве не видите здесь логических тупиков и ляпов? Когда все решения

партии следует лично претворять в жизнь, обжаловать их можно только внутри этой же партии, а любое ваше несогласие может быть истолковано как дискредитация. Так что вот так. Не умеем мы вчитываться. А доли вы все просто продали, Элеонора. И ваши, и наши. Они вам пакет ведь привозили, правильно?

Элеонора Ласковая (*дрожащим голосом*). Да. Боже!!! Я же и расписку еще давала!

Тулуз. Вот вы всё, не глядя, и подписали. Так?

Элеонора Ласковая. Так. Это впопыхах как-то было... Вечером. Приехали молодые люди. Опрятные такие, вежливые. Но очень спешили куда-то. Времени вчитываться не было.

Инесса. Вот же, в самом деле, дура вы старая. В кокошнике.

Элеонора Ласковая. А что я могла?

Тулуз. Да всё понятно, не оправдывайтесь, Элеонора. Любой на вашем месте оказаться мог. А там и акты проверки инспекторов, и ООО-шная шелуха, и партийная дурь... И плевать они на партию хотели. Вы же, Элеонора Мудрая, все документы не только подписали, но и там, где нужно, печатью еще заверили. Кашу маслом заправили. Об этой безумной расписке вообще молчу. Может, есть чем отдавать?

Элеонора Ласковая. Но я не брала столько! Это же можно всё в суде обжаловать. Разве нет?

Тулуз. В суде? О чем вы? Да вся эта партия для отвода глаз была. Вам под это дело массу документов подсунули. Все скопом. Как ребеночка развели. Не с теми вы ласковая оказались. Да и мы, конечно, те еще юристы... Только вот одного не могу понять. (*Поворачивается к Представителю.*) Доли почему-то, судя по документам, до сих пор не перерегистрированы. Германыч, не пояснишь, что вы в этом тройном тулупе не так нацудили?

Представитель (*по-хамски*). Короче, Тимофей. Наплел ты тут много. Но документы есть документы. Всё подписано. Из партии еще никто вперед головой не выходил. Ляпнешь где это, я тебя в порошок сотру. Понял?

Тулуз. О, брат Альфред, как ты изменился. Истинное лицо

показываешь? И много ты таких особняков начудил?

Представитель. На мой век хватит. Я таких, как ты, ногтем давил. Давай сюда документы быстро. А что до долей, то отмашки ждем. У главы администрации давление подскочило. *(Медленно поднимается, смотрит на всех, преображается.)* И вообще, запомните, быдло. Вы – никто! Рабское племя! Нули! А партия – это блеф! Это для баранов! Это, кстати, последнее, маляр, что ты в этой жизни услышал... Жаль, конечно, что водитель с охраной в автосервисе. Но ничего, я тебя, пигмея, и сам уделаю. А потом ресторан в «Белой Мельнице» открою и поминки по тебе отпраздную.

Инесса *(нервно смеется)*. Таки сломалась машинка?

Представитель *(Инессе)*. Не твоё дело, пэтэушница!

Инесса. Я?! Я тебе сейчас глаза выцарапаю! *(Подскакивает на месте, но снова садится, обводит танцовщиц изумленным взглядом.)* Девочки, что творится? В нас плюют, а мы глотаем.

Элеонора Ласковая *(оценивающе смотрит на Представителя, слегка наклоняется вперед)*. Что-то мне кажется, мы уже давно любой плевок за глоток свободы принимаем. Так, Аль-фред Гер-ма-но-вич? Без обид только.

Представитель. А я не злопамятный, Элеонора «как вас там». Отомщу – забуду.

В этот момент Роза, Жанна и Нонна молча поднимаются со своих мест. Танцовщицы продолжают сидеть. Представитель начинает двигаться на Тулуза, тот пятится назад.

Виола. Не трогайте его!

Магда. Да! Не смейте!

Представитель *(разворачивается к Магде)*. Тебя, шалава, не спросил!

Инесса. Вот это новость – прямо в рожу залепил. Чтобы Магду да еще какой-то хрен костюмный так назвал. Это ты, Шевяк, рискнул сильно.

Тулуз *(перестает пятиться)*. Не понял? Что ты, мразь, ска-

зал? Повтори.

Представитель (*членораздельно*). Ша-ла-ва.

Тулуз. Еще раз, туалетная морда. Я не расслышал.

Представитель и партийки (*хором*). Ша-ла-ва!

Тулуз. Кто шалава?! Она?! Да я тебя на куски за такие слова!

Магда. Тулуз?!

Тулуз разбрасывает по полу документы, в руках у него остается пустой пакет с эмблемой в виде сердца, он резко бросается на Представителя и ловко набрасывает пакет ему на голову, валит с ног, душит. Элеонора Ласковая, Инесса, Магда, Виола и Любочка, не сговариваясь, вскакивают со своих мест и бросаются на партиек.

Элеонора Ласковая – на Розу, Инесса – на Жанну, Любочка – на Нонну, Магда и Виола – на Дашу.

Элеонора Ласковая. Любочка, пакеты в верхнем ящике стола. И включи музыку. Погромче.

Медленно гаснет свет. Истошно надывается цыганочка. Слышатся возня, потасовки и сдавленные крики.

Тулуз. Ты хотел цыганочку с выходом? На тебе – с выходом!

Инесса. Задохнись, курильщица!

Магда. Дави гренадера! Вилка, да за ноги ее держи! Она брыкается!

Элеонора Ласковая. **На** тебе – кассовый аппарат! **На** тебе – двойную бухгалтерию!

Любочка. За Париж!

Виола. За «Мулен Руж»!

Элеонора Ласковая. Управу на нас нашли?!

Тулуз. Вы верите в «Близость»? Мы верим в себя!

Магда. Тулуз! Ты не псевдо! Я люблю тебя! Прости!

Зажигается свет. На сцене с пакетами на головах, на кото-

рых изображены сердца, в один ряд лежат Представитель, Роза, Жанна, Нонна и Даша.

Над ними склонились Элеонора Ласковая, Инесса, Магда, Виола, Любочка и Тулуз.

Долгая пауза.

Инесса. Ё! Пэ! Рэ! Сэ! Тэ! Лихо мы их уделали.

Тулуз. Не надо ему было охрану с водителем отпустить.

Любочка (*закрывает лицо руками, начинает всхлипать*).

Что же теперь будет? Что же мы наделали? Пять трупов. Я сейчас сознание потеряю.

Тулуз наклоняется. Щупает пульсы. Поднимается.

Тулуз. Сдохли. Все. (*Пауза.*) Ничего не скажешь, поплясали мы.

Инесса. Ну, Бог не Тимошка – видит немножко. Прости, Тулуз, двусмысленно получилось.

Магда. Вот же чёрт. Куда их прятать?

Виола. Нас теперь всех посадят.

Элеонора Ласковая. Это к гадалке не ходи.

Пауза. Все безмолвно смотрят друг на друга.

Тулуз (*недобро усмехается*). Не посадят. Я, кажется, знаю, что делать. Их просто никто и никогда не найдет. Ни-ко-гда. (*Пауза.*) Нам мельница нужна.

Виола. Так она же декоративная.

Элеонора Ласковая. Я поняла. Тулуз другую имеет в виду.

Магда (*испуганно смотрит на Тулуза*). Жуть какая. Ты как придумаешь...

Тулуз. У тебя есть другое предложение?

Элеонора Ласковая. Предложений нет.

Любочка. Мы их, что, в муку всех, да?

Тулуз. В колбасу. Кровяную. Покойный ее очень любил.

Инесса. А колбасу собакам скормим? Ты, Тулуз, не псевдо, ты – натуралист.

Тулуз. Это то же самое. Ничего, «Белая Мельница» – в ней всё перемелется. А ведь мне что-то подобное уже снилось.

Тулуз наклоняется, обыскивает Представителя, достает толстый бумажник из пиджака, пересчитывает деньги.

Магда. Тим, а ты изменился.

Тулуз (*вытаскивает кредитку из бумажника*). Достало всё просто. Надоело с ветряными мельницами бороться.

Магда. Честное слово, ты даже подрос как-то.

Тулуз. Ну не знаю... (*Берет портфель Представителя, вытаскивает пачку бумаг, читает.*) Облигации государственного займа. (*Брезгливо бросает портфель и бумажки на пол.*)

Инесса. Подрос, подрост.

Магда. Тим...

Тулуз. Да, Магд?

Магда (*берет его за руку*). Позови меня еще раз замуж. Пожалуйста.

Тулуз. Что это на тебя нашло? Из-за этого вот? (*Помахивает бумажником.*)

Магда. Нет. Из-за другого... за то, что не шалава я. Спасибо тебе.

Тулуз. Ну?.. Пойдешь за меня? В последний раз спрашиваю.

Магда. Угу. Пойду. Только...

Тулуз. Что опять не так?

Магда. Только не здесь. Давай в Париже? И портреты больше не пиши. Завязывай ты с этим делом. Обещай.

Тулуз (*внимательно смотрит на Магду*). Ладно. Обещаю.

Виола. Как-то не вовремя вы это всё.

Инесса. Это их смерть сплотила.

Любочка начинает плакать.

Виола. Не плачь, Любочка. Это не люди были.

Любочка. Я не из-за них. Я из-за Магдули с Тулузом. Наконец-то. Поцелуетесь?

Магда крепко целует Тулуза в губы, гладит тюрбан.

Магда. Не болит?

Тулуз. Чуть-чуть.

Магда. Я больше не буду.

Тулуз (*улыбается, целует Магду*). Да, лучше не надо. У меня там ай-кью все-таки.

Инесса. Эй, ну вы, в самом деле, нашли место и время для сюсюканий.

Магда смущенно отстраняется. Тулуз пересчитывает деньги.

Виола. Много там?

Тулуз. На всех хватит. Этот идиот на кредитке еще код написал. Сделаем дело, и в Париж.

Инесса. Чёрт! Какой Париж?! У меня же загранпаспорта нет.

Магда. Ну ты сделаешь и потом к нам приедешь... (*Берет Тулуза под руку*)

Тулуз. У нас и так один лишний получается. Тебе, Ин, правда на время придется остаться.

Любочка. Только, вы знаете, из партии, мне кажется, лучше не выходить. Так, на всякий случай. Вдруг пригодится.

Элеонора Ласковая. Нет, девочки и мальчик, из партии надо выходить. И желательно вперед ногами. Вдруг не всё перемелется? Доставайте-ка свои удостоверения. Мы их потом подкинем к тому, что останется. А тебя (*обращается к Инессе*) я научу, что и как говорить, чай не один год в партии была. В той еще.

Инесса. Да, вы уж меня научите. Я с вами по полной программе загремлю. Понаподписывали тут невесть чего.

Элеонора Ласковая. Ну затмение на меня нашло. Мне ж хотелось, как лучше.

Инесса. А получилось хрестоматийно.

Элеонора Ласковая. Ну, знаешь. С кем не бывает. Все мы люди. Все ошибки делаем.

Инесса. Но не все же людей убивают.

Элеонора Ласковая. Тебе уже Вилка сказала. Партийцы – это не люди. А мельницы мне, признаться, уже давным-давно не жалко. Всё равно бы отобрали. Не эти, так другие. И не бойся. Само всё рассосется.

Виола. Постойте, что вы все несете? Нас же искать будут. А их тем более.

Элеонора Ласковая. Не будут. Я тут придумала кое-что. Тулуз, ты ж – художник, так? Можешь псевдо свое наваять?

Тулуз. Могу, конечно, а что надо?

Элеонора Ласковая. Это я образно. На самом деле нам знакомства твои нужны. Не зря же ты за диссидентство сидел. Нам бы загранпаспорта с их фамилиями и нашими фотографиями. Сколько тебе времени понадобится, чтоб старые связи поднять?

Тулуз. Вот оно что... Ну, за ночь найду людей. Не проблема.

Элеонора Ласковая. Вот и отлично. Бери деньги этого проходимца, и вперед. А ты, Любочка, утром возьмешь у него паспорта и поедешь в аэропорт, билеты купишь. Париж, значит, Париж. Так тому и быть. Нас здесь теперь уже ничего не держит. А там Тулуз нам новые документы выправит. На каких-нибудь Жоржет...

Инесса. Вот за что я вас люблю, Элеонора, так это за пронительность и организаторские способности. Если б вы еще документы изредка читали, которые подписываете. Только вот вопрос. Почему бы и мне загранпаспорт не выправить? Чем я хуже вас всех?

Элеонора Ласковая. Объясняю. Будет очень подозрительно выглядеть, если ты одна уедешь с ними в Париж (*показывает на трупы*), а мы все погибнем. Понимаешь? Ты спалить нас можешь. А так выйдет, что они все уехали и потерялись, а мы погибли, и осталась ты одна. Спаслась вроде как. А потом уже про-

сто тур какой-нибудь купишь и к нам приедешь. Там уже новые документы и сделаем. Всем. Ясно? Плюс если правильно будешь себя вести, то дело вообще развалится. Кому вообще придет в голову тебя в чем-то подозревать, сама подумай. Был бы шестой труп – вообще никаких проблем. Но трупа нет, а на поиски кандидата времени у нас уже не остается.

Инесса. Бодяга какая-то. Вам бы, Элеонора, детективы писать с чумовым сюжетом.

Элеонора Ласковая. Хватит мне плясок на старости лет.

Виола. В такой логике, честно говоря, только безумец разобратся может. Я ровным счетом ничего не поняла.

Элеонора Ласковая. В этом-то и вся соль.

Тулуз. Да, палить нас, Ин, не надо. Но, уверен, ты справишься.

Инесса. Ну вы и засранцы все. Под статью меня подвести решили, а сами в Париж?

Элеонора Ласковая. Не решили, Ин. Выхода нет. Ты, главное, не переигрывай особо на допросе, а я уж научу, что говорить. Побольше отступлений, и ничего по делу. Чем больше бреда, тем лучше.

Инесса. Вы мне, главное, из Парижа круассанов с сухариками пришлите.

Виола. Плохая шутка.

Магда. Я бы, конечно, Вилку оставила. Всё равно ей терять нечего.

Виола. Почему это?

Магда. Так как же... Какая разница, в какой стране умирать?

Элеонора Ласковая (*в недоумении смотрит на Виолу*). Что еще за рак?

Инесса. Девичий. На определенной почве.

Виола. Я, между прочим, врачей там найду. Хороших. Французских.

Магда. Главное, от метастазов в голове здесь избавиться.

Виола. Злая ты, Магда!

Магда. Ты зато очень добрая. (*Прижимается к Тулузу*)

Элеонора Ласковая. Виолу нельзя оставлять. Она как раз всех и спалит. Только Инессу. Она из вас самая умная.

Инесса. Может, вы вместо меня останетесь, а, Элеонора? Я готова уступить. Безвозмездно, так сказать.

Элеонора Ласковая. Мне нельзя. Они без меня в Париже пропадут. Толпа без лидера, как известно, — бараны. Считаю, цитата. *(Кивает на труп Представителя.)* И вообще, как бы они там без меня на реальной, а не государственной панели оказались. *(Показывает на танцовщиц с Тулузом.)*

Инесса. Не льстите себе.

Элеонора Ласковая. Я не лъщу. Говорю, как будет... Что касается остальных, то Тулузу оставаться нельзя — он у нас по документам. Связи опять же в соответствующих кругах. Магда с ним. А Любка с Вилкой — ну ты сама понимаешь. И вообще! Ин! У тебя загранпаспорта нет.

Любочка. А я вот ничего не поняла, что вы тут за схему выстроили.

Элеонора Ласковая. А тебе и не надо... Ну? За работу.

Инесса. Какую мне теперь. Кирдык. И ау. А вы — засранцы!

Тулуз. Никакой, Инка, тебе не какую. Правильно Элеонора говорит. Краевед с краеведчицами уехали за границу, а танцовщиц порешили. Спаслась только ты. Тебя одну никто в таком деле подозревать не станет... Всё логично получается. А так ерунда бы была. Краеведы, и почему-то Инесса с ними. В самом деле, псевдореализм какой-то выходит. *(Наклоняется.)* Надо, кстати, не забыть с них всю одежду снять и документы сжечь...

Все наклоняются, за ноги оттаскивают трупы.

Любочка. А что все-таки с «Мулен Руж» будет?

Тулуз. Что-что... Ничего. Я же говорил. *(Достаёт коробок спичек, трясёт.)*

Любочка. Так, может, их проще? Вместе с клубом сжечь?

Тулуз. Не оскверняя, Люб. Пусть ими тень помещика Нена-

шева займется. Да и гарантий никаких. Тем более что по останкам определить можно будет, кто есть кто... А тут мука, просто мука...

Инесса. Скорее уж фарш. Никто не думал, что так тоже можно личность убитых определить?

Элеонора Ласковая. Не смейся мои крашенные седины, кто без заказа будет серьезно в этом деле копать? На наши удостоверения посмотрят и плюнут.

Магда. Согласна с Ласковой. Искать будут только краеведа с инспекторами. Но к тому времени у нас во Франции вообще новые паспорта будут, да, Тим? А русские танцовщицы никому не нужны. Закроют дело.

Любочка. А как же Коля? Он же пропадет без меня.

Магда. Да бросай ты его. Он всё равно смену обстановки не оценит. Другого себе найдешь.

Инесса. Николая какого-нибудь.

Виола. Хорошо, ну а ребенок мой?

Тулуз. Не переживай. Выкрадем.

Инесса (Виоле). А я тебе с зоны шарф обещанный пришлю. У меня теперь свободного времени много будет.

Любочка. Как-то оно, честно говоря, непонятно всё получается... Ладно, ну а что мы все-таки в Париже делать будем? Мы и тут-то никому не нужны. Мы же только танцевать умеем.

Пауза. Все в замешательстве смотрят друг на друга. Бросают трупы.

Элеонора Ласковая. А вот это как раз и радуется...

Снова принимаются за дело – утаскивают трупы.

В помещение возвращается Тулуз. В руках у него канистра. Он поливает кабинет Элеоноры Ласковой. Встает лицом к разгромленной «Красной Мельнице». Зажигает спичку. Высоко поднимает над головой. Бросает. По сцене гуляют всполохи пожара. Тулуз разматывает тюрбан и, опустив голову, медленно удаля-

ется — тащит за собой белый бинт-ленту. Уходит. Бинт, извивающийся змеей, лежит на сцене.

Сбоку выдвигается мучного цвета мельница помещика Ненашева. Она перекрывает «Красную». Крылья «Белой Мельницы» начинают яростно месить воздух.

Вдалеке истошно лает свора собак. Лай плавно перетекает в звук летящего самолета, под шум которого опускаются три занавеса. Вначале — «тюремный». Перед ним — «фабричный». И, наконец, — «танцующий».

Авансцена. Paris. «MOULIN ROUGE».

Музыка медленно набирает обороты, закручивается, заводится и вдруг, словно отпущенная пружина, выстреливает мощным безудержным танцем.

Элеонора, Магда, Виола, Любочка и Тулуз, высоко задирая ноги, пляшут канкан.

Через какое-то время к ним присоединяется **Инесса**.

За собой она тянет бестолково пританцовывающего **Следователя**.

Москва, декабрь 2009 — январь 2010.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ИЗЮМИНКИ И БЕЗУМИНКИ В СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

Главным событием культурной программы VIII фестиваля театров малых городов России в Вышнем Волочке была встреча зрителей, участников и гостей фестиваля с писателем и драматургом Глебом Нагорным, сыном известного поэта, заслуженного деятеля искусств РФ, Юрия Кобрин. Литературный псевдоним Глеб Юрьевич взял по девичьей фамилии матери. Он – член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Союза театральных деятелей Российской Федерации, лауреат ряда литературных премий, автор романа «Флёр», сборника новелл и рассказов «День Города», пьес «Лайф-Лайф», «Салон ритуальных услуг» и «Красная Мельница».

По первой и основной профессии он – юрист. Член Адвокатской палаты г. Москвы, Межрегиональной коллегии адвокатов г. Москвы и Профессионального союза адвокатов России. По его собственному признанию, именно юриспруденция дает ему средства к существованию. Но к своему увлечению литературным творчеством, театром и кинематографией он подошел вполне профессионально – к трем высшим образованиям (юридическому, экономическому и психологическому) прибавился факультет кинорежиссуры ВГИКа им. С. А. Герасимова (мастерская М. М. Хуциева), школа актерского мастерства при театре-студии под руководством В. А. Конкина и актерский курс при театральном центре «Гримерка» в Москве. Снимался в кино и выступил в качестве режиссера-постановщика ряда короткометражных фильмов, кандидат в члены Гильдии кинорежиссеров России.

На этом фестивале поставленный по его пьесе спектакль

«Life-Life» с успехом показал в конкурсной программе Молодежный драматический театр города Тольятти. Спектакль стал лауреатом фестиваля в номинации «Лучшая сценография». По традиции фестиваля сразу по окончании показа состоялся арт-клуб – обсуждение спектакля с участием артистов и членов жюри. Критики сошлись во мнении, что пьеса – образец хорошей литературы. Кандидат искусствоведения из Москвы Ольга Игнатюк отметила, что в отличие от большинства современных драматургов, автор словно бы прореконструировал будущую постановку. Его ремарки отличаются обстоятельностью и дотошностью – «Бери и ставь!» Жюри фестиваля присудило Глебу Нагорному диплом за создание пьесы на современную тему.

А вот какой разговор с драматургом состоялся в театральной гостиной.

– Что больше всего Вам понравилось на фестивале?

– Вышневолоцкие зрители. В зале было много молодежи, подростков. Они оказались очень подготовленными и благодарными зрителями, живо реагировали на все, что происходило на сцене. После антракта начали аплодировать еще до открытия занавеса. А когда артисты вышли на поклон, зал приветствовал их стоя. Это очень приятно и говорит об отношении публики не только к просмотренному спектаклю, но и к театру вообще.

– Какую сверхзадачу Вы ставите перед собой, приступая к написанию пьесы?

– Я стараюсь писать так, чтобы это было литературное произведение, которое интересно читать. Ведь обычно пьесы тяжело читаются и далеко не все ставятся. Это большая удача, если кто-то из режиссеров выберет твою работу, да она еще и приживется в репертуаре театра. Или по твоему сценарию поставят фильм.

– Над чем Вы сейчас работаете, какие темы Вас волнуют?

– Работаю параллельно над несколькими вещами. Правлю пьесу «Русский Хэллоуин», действие которой происходит в Ан-

глии. Изредка пишу новеллы и рассказы. Но катастрофически не хватает времени, поскольку с головой погружен в адвокатскую деятельность, а творчество для меня только хобби.

Что касается тем, которые меня волнуют, то мне интересна судьба небольших провинциальных городов и их жителей. Например, в пьесе «Красная Мельница» действие происходит на шерстомойной фабрике, которая на первый взгляд выглядит гротескно, но такая фабрика существует в действительности. Жаль только, что и такие фабрики, и такие города, как Вышний Волочек, если ничего не предпринимать, через несколько десятков лет могут просто исчезнуть. Надо об этом писать и говорить, надо бить в набат, поскольку в этом целиком и полностью виновата проворовавшаяся исполнительная власть, рассекающая по рытвинам и ухабам наших городов на джипах.

— Как Вы относитесь к современной драматургии?

— За современной драматургией я слежу. К сожалению, в ее потоке много вещей, далеких от литературы — автор что видит, то и поет, калькируя действительность и напрочь забывая об изобразительных средствах. Более того, есть вещи, которые ни при каких обстоятельствах нельзя показывать со сцены. Это уже вопрос эстетической культуры и хорошего вкуса. Много «чернухи», к тому же авторы зачастую небрежно обращаются со своими героями и фактическим материалом. И все это выплескивается на зрителя.

Однако произведения молодых драматургов надо читать, в их потоке можно и нужно искать и находить по-настоящему интересные работы.

— В наше время опубликовать любое литературное произведение — проблема, пьесу — тем более. Есть опасение, что самое интересное как раз и окажется неопубликованным...

— Для этого есть Интернет. Я, как и множество других авторов, этим широко пользуюсь, и все мои тексты, как опубликованные в печати, так и ждущие своей очереди, размещены не только у меня на сайте, но и на серьезных литературных ресурсах — «Журнальный зал», «Читальный зал», «Мегалит», «То-

пос», «45-я параллель».

– Какие ощущения вызывают у Вас постановки ваших пьес?

– Мне интересно увидеть каждое режиссерское прочтение. Например, спектакль «Life-Life» два сезона при полном аншлаге шел в Русском драматическом театре Литвы и третий сезон идет в Ставропольском академическом театре драмы имени М. Ю. Лермонтова. Сейчас готовится постановка в Мурманском областном драматическом театре. В Ставропольском академическом театре пойдет пьеса «Салон ритуальных услуг». У режиссеров разные подходы к теме, спектакль живет и развивается. Мне было бы интересно, как его поставят на других подмостках, например, в Вышневолоцком драмтеатре или в Москве. Даже если пьесу в разных театрах ставит один и тот же режиссер, спектакли похожими не бывают, поскольку артисты, сценографы, музыка и, конечно, зрители — другие.

– Что Вас затронуло в последнее время из увиденного в театре или кино?

– Знаете, я всегда стараюсь объективно воспринимать то, что вижу на сцене, безотносительно к личности авторов и режиссеров. Скажем, мне не все нравится у Кирилла Серебренникова и не очень понятна ситуация с его назначением художественным руководителем Театра имени Гоголя, но «Зойкина квартира» в МХТ им. А. П. Чехова в его постановке — блестящий спектакль. Кроме изумительной режиссуры, сценографии и актерских работ там много всяких изюминок, фишечек и фенечек. И при этом не потерялся Булгаков, остался его мастерско-маргаритовский взгляд.

В кинематографе из последнего я в восторге от «Фауста» в режиссерском прочтении Александра Сокурова и «Меланхолии» Ларса фон Триера. Из прочитанного — любопытны пьесы братьев Пресняковых. Их тексты с безуминкой, но без безумия.

– Какие черты характера Вы особенно цените в людях?

– Обязательность и верность слову. В Москве есть замечательный литератор Евгений Степанов — гендиректор холдинга

«Вест Консалтинг» и главный редактор нескольких газет и журналов, в том числе журнала «Дети Ра», в рекордные сроки опубликовавший мои новеллы и рассказы в ряде изданий.

Для Москвы это вообще редчайший случай, чтобы человек дал слово не ради красного словца, а ради конкретного дела, и сдержал это слово. Я, конечно, Евгению Викторовичу за это очень признателен.

— Вы автор романа «Флёр». Есть задумка написать другой роман?

— У меня есть черновики еще двух незаконченных романов. Но для того, чтобы книги дошли до своего читателя, нужен хороший менеджмент. К сожалению, издатели романа «Флёр» оказались симпатичными людьми, но исключительно непрофессиональными менеджерами. Они издали роман с изумительными иллюстрациями и потрясающей полиграфией, но ровным счетом ничего не делали для продвижения романа на рынке.

Подобная ситуация была, если не ошибаюсь, у Пауло Коэльо с издательством «София», когда его книги кормили мышей на складах, пока в издательстве не поменяли менеджерский состав.

В итоге с издателями «Флёра» пришлось поступить достаточно жестко, но справедливо, через два года раздувания щек, обещаний и ничего не делания с их стороны — я расторг договор. В настоящее время все авторские права в полном объеме принадлежат мне. Видимо, люди забыли, что я прежде всего адвокат, а потом уже писатель.

— Сейчас театр все больше склоняется в сторону режиссерского театра, а актеры там только выполняют замысел постановщиков. Как Вы к этому относитесь?

— Когда я учился в институте кинематографии, у нас в группе были все режиссеры. А откуда брать актеров? Из своих. И когда я снимался в качестве актера, режиссерские амбиции приходилось прятать подалеже. Иначе на съемочной площадке воцарится хаос. То же самое и на сцене. Пожалуй, я соглашусь с режиссерским театром.

– Вот пьеса написана. Как дать ей сценическое воплощение?

– Написал я «Лайф-Лайф» в 2006 году и начал ходить с распечатками по театрам Москвы. Так вот, в МХТ им. А. П. Чехова в 11 часов утра на проходной у секьюрити уже лежала пачка пьес. Сами понимаете, при такой конкуренции пробиться крайне тяжело. Правда, пьесу через неделю после написания собирался ставить Леонид Трушкин в Театре на Малой Бронной. Мы вели переговоры, и он предлагал мне писать специально для театра в год по пьесе, но что-то у него не сложилось с труппой, и худруком театра он пробыл очень не долго. В итоге постановка так и не сложилась.

А Владимир Хрущев из Молодежного драматического театра города Тольятти увидел эту пьесу уже в Ставропольском академическом театре в постановке Юрия Попова, и она ему очень понравилась. Что из этого получилось, зрители и коллеги видели на фестивале. Нередко случается, что сначала пьеса идет по провинции, а потом ее замечают в столице. Так было, если не ошибаюсь, с «Одноклассниками» Юрия Полякова. А вообще, на пробивание своих вещей, к сожалению, уходит больше времени, чем на написание. У нас ведь совершенно не развита система продюсирования. По уму, автор должен только писать, а доносить его произведения до читателя и зрителя должны литературные агенты и продюсеры. В Российском книжном союзе около 150 издательств, но политику определяют два гиганта, и авторы зачастую становятся заложниками политических игр на этом поле.

– Кого из драматургов XX века Вы выделяете?

– Пожалуй, Вампилова. А вот Эжена Ионеско я не люблю, хотя его «Носорог» сценически сделан безукоризненно. Но если в «Носороге» есть метафоричное содержание и форма, то в «Лысой певичке», «Уроке» и «Стульях», на мой взгляд, есть только форма. Понимаете, я не люблю откровенный бред, который мне активно подают ангажированные критики под соусом интеллектуального абсурда.

— А что из западной классики любите?

— Это покажется странным, но писать я начал после прочтения Генри Миллера. Люблю Ремарка, хотя оба эти автора стали с годами повторяться. Вообще, я учился в школе, которую мы в шутку называли школой с англо-литературно-историческим уклоном, и литературу в нас буквально вбивали, поэтому мы, как могли, изворачивались, используя в сочинениях чужие рецензии. А когда я прочитал Миллера, то понял, что, оказывается, можно писать по-другому — не хрестоматийно, не по правилам. Очень люблю Набокова. Особенно ценю умение работать со словом, что, как правило, не свойственно современным прозаикам. Не говоря уже о том, что многие занимаются самоплагиатом и переписывают самих себя. Те же Пелевин и Сорокин сегодняшние ничем не отличаются от самих себя десятилетней давности.

— Вам не хочется самому поставить свою пьесу или снять по ней фильм?

— Знаете, каждый должен заниматься своим делом. Но, как говорится, не зарекаюсь. Вообще, в институт кинематографии я поступал уже после тридцати лет на платное отделение, реализовав свою давнюю мечту. Думал, что достаточно заплатить для поступления. Но оказалось, что на каждое место претендуют около 24 человек, а приемные экзамены шли в четыре тура и продолжались с апреля по сентябрь. В итоге я был принят в мастерскую народного артиста СССР М. М. Хуциева — человека удивительно талантливого.

Многие из моих сокурсников сняли фильмы, получили какие-то премии на кинофестивалях, но почти все возвратились в свою прежнюю профессию, потому что надо кормить семью и иметь стабильный заработок.

Конечно, есть мечта снять свой фильм, но для этого нужны колоссальные деньги. Поэтому скорее всего это будет авторское малобюджетное кино. Но хочу заметить: неправда, что нет хороших современных пьес и сценариев. Они есть, их много, но им очень трудно пробиться на театральную площадку, не говоря

уже о кино.

— Почему с темой постановки своей пьесы Вы связали кино, а не театр?

— Наверное, потому что по одному из образований я кино-режиссер. А вообще, у нас в семье разделение труда. Отец отвечает за поэзию и мемуары, а я — за прозу, драматургию и публицистику. Мама — литературный редактор и самый строгий критик. Но повторяюсь, каждый должен делать свое дело. И как можно лучше...

Беседовала Нина АЗАРИНА

«Дети Ра»,

№2 (100), февраль 2013 г.;

«Поэтоград»,

№6 (57), февраль 2013 г.;

«Тверской курьер»,

№17 (493), 16 ноября 2012 г.

РУССКИЙ ХЭЛЛОУИН — НЕ БЕССМЫСЛЕННЫЙ, НО БЕСПОЩАДНЫЙ

— Глеб, нам интересна судьба «Русского Хэллоуина», за который вы получили не одну, и не только литературную, а даже политическую (Демьяна Бедного) награду — ведь это был сначала роман, а потом роман-перформанс. Вам не кажется, что образ олигарха по-прежнему недоволен в отечественном искусстве — если не считать исчерпывающим одноимённый фильм (а он и впрямь едва выпрыгивает за уровень детективного сериала) по мотивам биографии покойного Березовского. Образ же ныне здравствующего Абрамовича, ставший в «Хэллоуине» центральным — пытался кто-то перетаскивать на сцену, ведь роман в модификации перформанса это и предполагал?

— Вообще говоря, «Русский Хэллоуин» изначально задумывался не как роман, а как сиквел пьесы «Салон ритуальных услуг». Насколько мне известно, в драматургии только Сухово-Кобылин использовал этот приём. В кинематографе, безусловно,

есть и сиквелы, и приквелы, но, насколько я знаю, в современном театре аналогов этому нет. Что касается главного героя, то ни к Абрамовичу, ни к Березовскому он, конечно, никакого отношения не имеет. Это некий собирательный олигархический образ, который в пьесе «Салон ритуальных услуг» вообще являлся второстепенным героем. И поскольку в «Салоне ритуальных услуг» действие, разворачивающееся на Рублёвке, заканчивается тем, что олигарх уезжает в Шотландию, то в «Русском Хэллоуине» всё как раз с Шотландии и начинается, а второстепенный герой становится главным.

В любом случае, это не роман, который стал перформансом, а наоборот, пьеса, которая по объёму и содержанию превратилась в роман. При этом драматургическую форму я сохранил. То есть вещь выполнена на стыке двух жанров — прозы и драматургии. Я вообще люблю искать редкие, необычные формы. Наверное, поэтому «Русский Хэллоуин» получил не только премии в драматургии, прозе и инсталляциях, но и вошёл в лонг-лист литературной премии Международного кинофестиваля имени Саввы Морозова.

Что касается судьбы «Русского Хэллоуина», то вполне возможно в ближайшие полгода состоится постановка по мотивам романа: в Москве, в «Театральном особняке» под руководством Леонида Краснова. Но загадывать не буду.

Театральный мир настолько изменчив, что строить какие-либо планы на будущее бессмысленно. Скажем, на постановку спектакля по «Салону ритуальных услуг» у меня года четыре как заключён договор с одним театром, тем не менее спектакль до сих пор не поставлен. И это при наличии подписанного контракта. Что там у худсовета в отношении пьесы кардинальным образом изменилось, какие «духовные скрепы» не в те пазы вошли, я уже, признаться, даже не интересуюсь.

— В целом, наш читатель чаще гадает, чем знает точно — как происходят те или иные награждения, кто курирует и финансирует литературные и театральные премии. Просто возникает очередной автор с очередным «орденом» и вроде бы —

вот оно, признание... В коридорах этой власти вам удалось по-черпнуть что-то интересное не только как претенденту на премию, а ироничному наблюдателю?

– Откровенно говоря, если бы за мной стоял издатель, литературный агент или театральный промоутер, я бы палец о палец не ударил, чтобы участвовать в каких-либо конкурсах и премиях, поскольку у меня отношение к творчеству предельно конкретное: проза должна выходить в книгах, а драматургия — ставиться в театрах. Все эти дипломы, знаки отличия и премии приятны первые десять минут, и если они не имеют финансовой составляющей или не становятся трамплином к последующим публикациям или театральным постановкам, то, по большому счёту, это просто красивые бумажки в рамках. Иногда с вензелями и печатями. Дело в том, что я вынужден участвовать в различных литературных премиях и конкурсах, чтобы хоть как-то донести свою прозу до читателей, а драматургию до театров. Что касается «коридоров власти», то это давно уже секрет Полишинеля. Почти все драматургические премии так или иначе находятся под жёстким контролем «новой драмы», абсолютно во всех престижных литературных премиях вы будете с завидным постоянством наткнуться на одни и те же издательства, «толстяки» и фамилии шорт-листеров. Это даже обсуждать как-то неловко. На эти темы написаны десятки разоблачительных статей, а воз и ныне там. За последний выбор Нобелевского комитета вообще стыдно. «Политическая пощёчина» Белоруссии и России, думаю, не стоит того, чтобы из-за этого обойти вниманием более талантливых претендентов, чем Светлана Алексиевич. В частности, тот же Харуки Мураками с точки зрения писательской амплитуды, художественного дара и мирового признания объективно более достойный кандидат.

– **Никита Михалков подал свою очередную кинематографическую неудачу на «Оскар» — не сам, конечно, подал, но мы догадываемся, как оно происходит и как оно там у него всё «схвачено». Вопрос в связи с этим — а какова вообще система отбора**

и на скольких кинофестивалях можно «покрутить» своё кино?

– Неудача – это ещё слабо сказано. Вообще говоря, есть категория режиссёров, которым после определённого возраста категорически нельзя снимать. Вспомните, какую конъюнктурную чепуху в конце восьмидесятых-начале девяностых снимал Гайдай. В случае же с Михалковым это ещё и сусально-благостная конъюнктура. Иначе как «гротескным реализмом» я это назвать не могу. И это снял тот же человек, который подарил миру прекрасные картины, которые по праву стали классикой кинематографа. Честно говоря, я это могу объяснить только какими-то глубокими возрастными изменениями... Что касается кинофестивалей, то это отдельная и очень масштабная тема. На мой взгляд, все эти кинофестивали огромная профанация, рассчитанная на обывателя. Люди, которые не имеют никакого отношения к кинематографу, ведутся на эти премии, поскольку не имеют ни малейшего представления, как это на самом деле происходит.

Первый раз я заинтересовался кинофестивалями, когда мой приятель принёс DVD с фильмом какого-то не то алжирского, не то марокканского режиссёра. Эта дичайшая лабуда была вся увенчана лавровыми венками. После просмотра, я приятелю прямо заявил, что более унылой и беспомощной вещи мне видеть не приходилось, на что получил от него вполне резонный обывательский ответ: «А как же премии? Посмотри сколько наград!» И вот тут я заинтересовался этим процессом. Признаться, даже не ожидал, что так легко можно сделать себе имя на кинематографическом поприще. Хотя, казалось бы, кино делать сложно и достаточно затратно, если это, конечно, не авторское малобюджетное кино, как в блестящих случаях с «Пылью» Сергея Лобана и «Портретом в сумерках» Ангелины Никоновой, когда бюджет первого фильма обошёлся всего в три тысячи долларов, а второго – в двадцать тысяч.

Чтобы было понятно, я приведу только цифры. Для сравнения возьмём литпроцесс. Если подсчитать все русскоязычные престижные литературные премии, достойные фестивали-кон-

курсы, все драматургические конкурсы, серьёзные поэтические награды и премии «толстых журналов», то в общей сложности по всему русскоязычному миру и во всех жанрах их наберётся немногим больше пятидесяти. При этом драматурги и поэты будут связаны по рукам и ногам только своими жанрами, а стало быть, и конкурсами очень узкой направленности. В русскоязычной драматургии их вообще не больше десяти.

А теперь поговорим о кинопремиях. Режиссёр Алексей Учитель в одном интервью назвал цифру — вы только вдумайтесь — 2000 кинофестивалей по всему миру. Я в СМИ наталкивался на цифру вообще в 4000. Только в России проводится порядка 100 кинофестивалей. Но что удивительно, полнометражных художественных фильмов в России тоже снимается плюс-минус 100. И представьте, что вы не лентяй, и сильно озаботились фестивальной судьбой своей киноленты. Делаете титры к фильму на английском языке и совершенно свободно начинаете окучивать фестивали от Канады до Австралии.

В качестве примера приведу два фильма без оценки качества кинолент и таланта авторов. Полнометражная картина Славы Росса «Сибирь. Монамур» взяла 70 наград на различных кинофестивалях, короткий метр Сергея Цысса «Второе дыхание» участвовал в 300 фестивалях 50 стран мира и получил около 60 наград, то есть фактически «выстреливал» каждый пятый фестиваль. А теперь вообразите, что вы отправили свой фильм даже не на 300, а хотя бы на 100 фестивалей. Предположим, на 50 фестивалях вашу ленту по тем или иным причинам в конкурсную программу не отобрали: не понравилась работа, не подходит по тематике фестиваля, вы в соцсетях зацепили кого-то из членов жюри и т. п. А в 50, напротив, к фильму отнеслись вполне благосклонно. Если вы сняли не откровенную чушь, то 5–10 наград вам обеспечено. Причём на кинофестивалях номинаций же масса: Гран-при, лучшая режиссёрская работа, лучшая операторская работа, лучший сценарий, лучшая мужская роль, лучшая женская роль, лучшая роль второго плана, лучшая музыка, приз зрительских симпатий. Конечно, на «Оскар» сам

себя, любимого, не подашь, тебя должны именно «выдвинуть», но для участия в большинстве кинофестивалей вообще никто не нужен. Зачастую достаточно в электронном виде заполнить анкету и выслать ссылку на скачивание фильма. И это при том, что возможность участия в подавляющем количестве фестивалей вообще бесплатная, а где-то имеет очень символическую сумму. Более того, это участие, как правило, ещё и не ограничено географически. Как я говорил, вам достаточно сделать титры.

Скажу больше, существует ряд компаний, которые специализируются на продвижении и отправке фильмов на российские и зарубежные кинофестивали. Например, услуги «Сinergoto» стоят «6 500 руб. ежемесячно за 200 +\)-фестивалей в год, что составляет по 15 +\)- фестивалей в месяц». И вот вы уже во Франции, Италии, Германии. И тут ведь есть ещё один нюанс. Обыватель не делает различия, скажем, между конкурсной программой короткометражных фильмов Каннского кинофестиваля и «Short Film Corner» Каннского кинофестиваля.

Поясню, чтобы было понятно. Представьте себе Московский зоопарк, около которого ютится небольшой зверинец. Вот этот «Уголок короткого метра» и есть тот самый зверинец при Каннском фестивале, который прямого отношения к конкурсу короткометражных фильмов не имеет, являясь всего-навсего «площадкой для творческого и делового общения профессионалов и продвижения короткометражного кино», что, собственно говоря, прямым текстом следует из информации, размещённой на официальном сайте Каннского кинофестиваля. Фактически это такой ларёк «Союзпечати», примкнувший к супермаркету. Поэтому когда какой-нибудь режиссёр бахвалится в СМИ и блогах участием в Каннском фестивале, не поленитесь, помониторьте, в какой программе его фильм принимал участие.

Теперь по поводу уровня фестивалей. Многие российские режиссёры делают упор только на международные кинофестивали категории «А», которые утверждены Международной федерацией ассоциаций кинопродюсеров (FIAPF), такие как Каннский, Берлинский, Венецианский, Шанхайский кинофести-

вали, фестиваль в Локарно, в Карловых Варах, ММКФ и т.п., либо ориентированы на достаточно знаковые российские кинофестивали, скажем, «Кинотавр», и вообще больше чем в десяти-двадцати фестивалях участия не принимают, берут, что называется престижем, а другие, напротив, «режиссёрский вес» набирают количеством и шлют свои фильмы от Торонто до Сиднея, от Камчатского края до Калининградской области. Ведь сегодня любая уважающая себя «деревня» считает своим долгом пустить «красную дорожку» к клубу. И всё что потом требуется от режиссёра, это просто ездить по этим «деревням» за своим детищем, отлавливать журналистов и раздавать интервью. Всё. Иллюзия «режиссёрского имени» создана. Дальше уже идёт манипуляция гипотетическим зрителем в соцсетях, который видит только скан диплома где-нибудь в фейсбуке и нежное нарциссическое селфи со статуэткой, не понимая, что эта премия никакого престижа в кинематографической среде вообще не имеет. Тем не менее по соцсетям тут же несётся лава из любвеобильных лайков и щедрых перепостов, а журналисты подхватывают режиссёрские байки про международные награды. Таким образом аудитории очень легко запудриваются мозги.

Я не буду называть фамилию одной дамы, но как-то на ютубе я посмотрел её совершенно чудовищную короткометражную работу. Причём — что с точки зрения содержания, что с точки зрения технического уровня. И что бы вы думали? Работа завоевала две премии в США на каких-то одному американскому богу известных фестивалях. О чём это говорит? О том, что даже откровенный бред имеет все шансы получить награду. Словом, колоссальная девальвация кинопремий произошла. И причина тут одна — это их невероятное, совершенно запредельное количество. Обыватель же, как я говорил ранее, с одинаковым успехом проглотит и Каннский кинофестиваль, и его «уголок».

— **Политическая конъюнктура в истории всех награждений Михалкова очевидна: в начале 90-х требовалось «советское покаяние», оно и было получено в «Утомлённых солнцем»,**

но вряд ли можно на этом закончить список «политически подгадавших». Появление, например, в кинопремиантах такой упаднической вещи, как «Овсянки» — чем на ваш взгляд может быть обусловлено? Сползанием «прогрессивной» интеллигенции через православие уже в откровенное язычество?

— Всё гораздо проще. Дело, конечно, не в православии и не в язычестве. Надо просто понимать, что конъюнктура бывает двух видов. Патриотическая и либеральная. Часть фестивалей, они как раз ватнического толка, часть, напротив, белоленточного. И аудитории у этих премий соответствующие. Тут главное держать нос по ветру. А большинство режиссёров, к сожалению, ориентированы не столько на зрителя, сколько на статуэтку, поскольку сегодня во главу угла ставится не талант, а тщеславие. В киносреде даже есть такая шутка: «Хочешь оторвать премию? Посмотри, какой фильм получил на этом фестивале в прошлом году Гран-при и сними нечто похожее». Поэтому множится очень много унылого авторского кино «за жисть». С утомительным и длинными планами, чернушной драматургией, маргинальными героями. Этакий а-ля русский экзистенс. «Овсянки», к слову сказать, не такое уж плохое кино. Есть гораздо более фестивально-унылая тягомотина, мало имеющая отношения к жизни. В итоге получается никому не нужное плагиативное «фестивальное кино», в котором по едкому замечанию Светланы Проскуриной «человек два часа конструируется по экрану». Помню, во ВГИКе даже ходил анекдот на тему премиального кино. Режиссёр говорит актёру, стоящему на берегу моря: «Походи у воды. Посмотри вдаль. Постой, покури. И побольше задумчивости». Актёр спрашивает режиссёра: «А о чём всё-таки этот фильм? Какая моя сверхзадача?» Режиссёр: «Тут нет сверхзадачи. Это фестивальное кино. Оно о нас, о всех о нас...» Вот в таком ключе, к сожалению, сегодня российское кино и снимается. Якобы про нас, но почему-то в это невозможно поверить, да и смотреть можно только хорошо насосавшись водки и желательно с кокаином. А проблема тут одна: дело в том, что не рассказываются внятные, креп-

ко сбитые, драматургические истории. В киноленте будет что угодно: шалтания-болтания героев по экрану, длинные планы, будут задействованы краны, рельсы, стэдикамы и «долли», но не будет главного – взаимоотношений между людьми. Но зато в каждом режиссёре откроет глазки маленький Тарковский или Герман-старший. Из всего потока киноработ прошлого года я вообще могу выделить только две киноленты – это «Дурак» Юрия Быкова и «Класс коррекции» Ивана Твердовского. Поэтому не стоит удивляться, что наш кинематограф находится в глубокой, ну, вы поняли где... И тут, конечно же, дело не в зашоренных недалёких зрителях, а в самих режиссёрах. Снимая кино «не для всех», они фактически снимают кино «ни для кого». Поскольку всё это кино из разряда «для меня, членов жюри и моего кота на кухне». Ни о каком серьёзном прокате тут речи быть не может, поскольку и бесплатно в Интернете это зачастую смотреть невозможно... А вспомните одиозный «Левиафан» Звягинцева. Если заметили, это был чуть ли не единственный фильм прошлого года, который просто казнили в соцсетях за сценарий. Там же веры нет прежде всего в бытовые отношения между героями. То есть показана такая сценарная чушь, якобы происходящая в российской глубинке, которая очень по сердцу либералам-западникам, но в которую крайне сложно поверить, просто начав анализировать сам сценарий и взаимоотношения между героями. И я, откровенно говоря, удивлён, что Звягинцев снял визуально любопытное кино с крепким актёрским ансамблем и, как всегда, изумительной операторской работой, но при этом на таком рыхлом материале. В принципе, я предполагаю, почему это происходит. Дело в том, что Звягинцев – это такой Михалков наоборот. И если один стал снимать пафосную белиберду для «людей в погонах», то другой с упорством плодит фестивальную конъюнктуру для «любителей печенек».

– **А сами не хотите что-нибудь снять? У вас же одно из образований ВГИК-овское, мастерская великого Марлена Хуциева.**

– Это сложный вопрос. С одной стороны, я очень не люблю

незавершённые гештальты, с другой, прекрасно понимаю, что в индустрии могу рассчитывать только на малобюджетное авторское кино. И тут есть большой соблазн начать снимать фестивальныи унылый бесперспективняк, просто потому что нет ничего проще, как слепить нечто тягостное и якобы элитарное. А плодить очередной деструктив мне искренне не хочется. Снимать же ради того, чтобы снимать – я тоже не вижу смысла. Есть и ещё одна проблема. Кино для меня это как раз тот случай, когда мне мешает собственное воображение. Многие сравнивали мой роман «Флёр» с киноработами Терри Гиллиама. Но то, что я могу себе позволить в прозе, невозможно воплотить в кино без наличия колоссального бюджета. А его не будет, тут надо быть реалистом. Но желание снимать, безусловно, есть. Тем более, что с технической точки зрения снять кино сегодня можно и без вложения огромных средств. Поэтому дело осталось за малым. Наступить на горло собственному воображению, не прельститься фестивальными ветрами и веяниями и постараться снять что-нибудь просто человеческое.

Беседовал Дмитрий ЧЁРНЫЙ

«Литературная Россия»,

№36 (2719), 16 октября 2015 г.

ПИСАТЕЛЬ – ЭТО СТИЛЬ

Нашумевший «роман-файл», как называет его автор, а вслед за ним и критики, и читатели, ставший на данный момент самым известным произведением Глеба Нагорного, бесспорно, хорош и интересен. Но творчество этого автора не ограничивается лишь одним произведением, а сами его работы отличаются друг от друга и по стилю, и по реализации. Главы его нового произведения вы можете увидеть на страницах бумажного издания «Контрабанды». А сегодня мы поговорим с их автором – юристом Глебом Нагорным. Это не ошибка, Глеб Нагорный в самом деле юрист. Но, кроме этого, он еще и писатель. О том, кого в нем больше, писателя или юриста,

о его старых и новых книгах и немного о вечном.

«Контрабанда»: Ваш роман называют «роман-файл». Это рождает много ассоциаций с компьютерами, техникой, программированием... это намеренно? В нем есть какая-то «программа», которая взаимодействует с «пользователем»?

Глеб Нагорный: Безусловно. Тем более что главный герой, Флёр, сам является одновременно и файлом, и романом. Это намек на то, что все мы без исключения являемся файлами и живем в своеобразном компьютере. По моему глубокому убеждению, люди рождаются неравными по определению — с изначально заложенными в них программами, разными потенциалами и векторами. Понимаете, чтобы стать Ломоносовым, нужно родиться с талантами Ломоносова. Грубо говоря, быть запрограммированным. Поэтому вопли о всеобщем равенстве и братстве и единых для всех правах — все это от лукавого. Человек, рожденный в фавелах Рио-де-Жанейро или трущобах Дели, уже по вложенной в него программе не равен младенцу из Виндзорской династии. Да что там далеко ходить, соционика насчитывает шестнадцать психотипов. Все это совершенно разные люди-файлы. А теперь относительно самого компьютера. На протяжении всего своего существования человечество не выдумывало ничего, что бы ни наличествовало в том или ином виде в природе. Скажем, летательные аппараты — все это трансформации уже существующих в мире конкретных примеров. Попросту говоря, пернатых. Так и с компьютером. Сильно подозреваю, что кто-то гениально считал суть, если хотите, внутреннюю изнанку мира и в итоге создал пластмассовую коробку с программами, файлами, всемирной паутиной и виртуальной жизнью. Кто вы? Человек или блог? Файл дрожащий или право имеете? Примерно это я и пытаюсь донести до читателя-пользователя.

«Контрабанда»: Когда Вы начали писать, как сами отреагировали на это? Вот жил человек, работал, и вдруг — писатель... Как оно было?

Глеб Нагорный: Откровенно говоря, никаких особых изменений я в себе не ощутил. Мне было просто любопытно попробовать. Я попробовал. Вроде бы получилось. Стал продолжать. Тем более что для писательства никто, кроме самого себя и ноутбука, не нужен. В отличие, скажем, от кинотворчества с колоссальными финансовыми вложениями или изобразительного искусства с приобретением холстов, красок, багетов и прочих материалов. В этом плане прозаикам или поэтам, конечно, гораздо легче, чем людям других творческих профессий. Да и энергетические затраты у них, на мой взгляд, существенно ниже. А я, надо сказать, человек достаточно ленивый.

«Контрабанда»: Кем Вы себя ощущаете – писателем, который еще и работает в юриспруденции, или юристом, который пишет книги?

Глеб Нагорный: Я, безусловно, юрист. Но, скажем так, с творческим потенциалом. Но писателем, тем не менее, себя не ощущаю. Дело в том, что за двадцать лет я так ни разу своей профессии и не изменил. Может быть, и хотел бы что-то кардинально поменять с профессиональной точки зрения, поскольку, откровенно говоря, юриспруденция достаточно скучна и однообразна, но творчество сейчас мало кого кормит. Поэтому вопрос писательства для меня скорее просто забавное времяпрепровождение. Тем более что мало кто в наше время может назвать себя писателем, зарабатывающим именно литературным трудом. Таких людей, наверное, по пальцам пересчитать можно. Литературные журналы в подавляющем большинстве гонорары не платят, а если и платят, то этих денег хватает на пару бизнес-ланчей. Колоссальное количество книг выходит в самиздате. Даже под шапкой именитых издательств. Есть, конечно, топовые авторы. Но их с десяток-другой. Остальные, как вы понимаете, сидят в фейсбуке – разбрасывают ссылки на свое творчество и, к сожалению, нередко вынуждены собирать деньги на издания своих книг краудфандингом. Даже союзы писателей давно превратились в формальные организации, которые многие годы попросту не выполняют своих непосред-

ственных функций – защиты и материальной поддержки авторов. А успешный писатель – это ведь не только чистое искусство, это еще и тиражи, и гонорары, и выделенная от союза квартира, и творческие путевки. Как, собственно говоря, было четверть века тому назад. Вообще творческий человек не должен быть сирым и убогим, иначе он плохо кончит. Фраза «художник должен быть голодным» – это, на мой взгляд, редкая по своей циничности демагогия. А за последние тридцать лет творческая среда оказалась, к сожалению, полностью разваленной и финансово незащищенной. Причем это происходит не только в литературной сфере, но и в театральной, и в кинематографической. На десяток топовых писателей приходится десятки тысяч членов разнообразных союзов. ВГИК, ГИТИС, Щукинское и Щепкинские училища ежегодно выпускают тысячи безработных актеров и режиссеров. А на экранах при этом мы видим одни и те же лица. Творческая профессия сегодня фактически убита государством – и, на мой взгляд, это не менее актуальная проблема, чем проблемы мизерных пенсий, деградирующего образования и некачественной медицины. И если раньше люди рвались в творческие союзы и гильдии, считали за честь быть принятыми в профессиональные ряды, то сегодня все эти союзы-гильдии превратились в пустой звук. Не говоря уже о том, что только в нашей стране возможна ситуация, когда знаменитый писатель, актер или режиссер умирает в глубокой нищете.

«Контрабанда»: А что вообще, по Вашему мнению, делает человека писателем? Что он должен сделать, сказать, каким быть, чтобы иметь право называться писателем?

Глеб Нагорный: Ну, прежде всего, он должен владеть языком. Под этим я подразумеваю не просто навык соединять слова во фразы, а умение из этих слов и фраз создавать самобытные сюжеты. Причем не только основанные на содержании, но и на стиле. Вы никогда не перепутаете, скажем, Гоголя с Набоковым, а Набокова с Булгаковым. Дело в том, что писателями их делали в первую очередь уникальный стиль и неповторимый

язык. К сожалению, современная литература очень «размыта» в этом плане. Вы можете прочесть, на первый взгляд, топовую книжицу популярного автора, — как принято говорить, «знакового», — но на поверку окажется, что такую книжку мог бы с легкостью симитировать его коллега по цеху. Блины, как известно, все умеют печь, а вы попробуйте бисквитный торт создать. Так что: писатель — это стиль.

«Контрабанда»: Вы продумываете идею или она приходит и требует быть написанной, а Вы уж после ее шлифуете и вносите правки?

Глеб Нагорный: Зависит от конкретного произведения. Скажем, роман-файл «Флёр» — был чистой идеей, пришедшей извне. Безусловно, после написания я вносил правки и шлифовал, как, собственно говоря, всегда делаю со своими произведениями, но что-либо придумывать... Нет, скорее я просто успевал отображать события и записывать за героями. Но, конечно, есть и такие вещи, которые мной, если так можно выразиться, «спланированы» от начала и до конца. Скажем, рассказ «День Города» или пьеса «Русский Хэллоин». В любом случае, просто одной идеи, пусть и пришедшей извне, недостаточно. Этому еще надо придать форму. А форма придается писательским опытом, мало имеющим отношения к чистому творчеству. Это уже — работа. Где-то даже ремесло.

«Контрабанда»: Если бы Вы знали, что следующий Ваш роман изменит жизнь каждого, кто его прочитает, о чем бы Вы написали?

Глеб Нагорный: Честно говоря, я не верю в то, что какой-то роман может изменить жизнь каждого. Люди по своей природе очень не похожи друг на друга. На мой взгляд, это было бы бессмысленное рассуждение — голословное и умозрительное. Вот, к примеру, Библия. Казалось бы, универсальная книга. Наравне с ней существуют Бхагавад-гита, Тора, Коран. Тоже не менее уникальные произведения человеческого ума и духа. И все они вроде бы об одном и том же. О Боге, любви, всепрощении. А посмотрите, сколько крови от этих книг. От их универсальности

и уникальности. Потому что не от книг это зависит, а от тех, кто их читает. Один Библию прочтет и покается, изменит в себе что-то, придет к переосмыслению всей своей жизни, неблагоприятных поступков, а другой, — с этим же Священным Писанием под мышкой, — побежит в супермаркет людей расстреливать, жарить «майские шашлычки», мародерствовать.

«Контрабанда»: Где выход из тупика однообразности современного искусства?

Глеб Нагорный: Выход очень простой. Стараться не равняться на других. Не превращаться в креативное стадо, которое все время оглядывается на моду, тенденции и тусовку. Делайте свое, пишите, как *вы* чувствуете и как именно *вы* видите этот мир. Тогда и однообразие исчезнет. Но языку учиться, в любом случае, надо у классиков.

«Контрабанда»: Как Вы думаете, бумажная книга умрет, уступив место цифре, или труд писателя, перенесенный на бумагу, всегда будет привлекать настоящих ценителей литературы?

Глеб Нагорный: Я думаю, они будут существовать, не мешая друг другу. Потому что это вопрос скорее привычки. Кто-то предпочитает читать цифровую книгу. Для кого-то приятней держать «живую» книгу в руках. Конкретно про себя могу сказать, что в метро я стараюсь читать «цифру» — это просто эргономичней. Но дома я, безусловно, беру в руки реальную осязаемую книгу. Пахнущую типографской краской. На самом деле никто здесь никому не наступает на «информационные пятки». Это скорее вопрос удобства получения информации из разных источников. Лично во мне «цифра» с бумагой в жесткое противоречие не вступают.

«Контрабанда»: Мода в литературе — это хорошо или плохо?

Глеб Нагорный: Это не хорошо и не плохо. Это — данность. Как новые модели кроссовок с липучками и пиджаков с «локтями». Что-то становится классикой, что-то живет один сезон. Мода необходима, но надо отдавать себе отчет, что все, что модно сегодня, не факт, что будет оценено завтра, да и вообще кому-либо нужно. Поэтому не стоит гнаться за модой. Много вы знае-

те тряпок из 70-ых, которыми восторгались наши родители, отстаивая километровые очереди, и которые ровно так же востребованы сегодня? Вот с литературной модой ровно то же самое. В классику войдут десятки, а то и единицы. Как бы ни хотелось туда попасть всем союзам писателей с их «почвенниками» и «постмодернистами». Кто останется? Никто этого не знает. Но уже сегодня очевидно, что далеко не все «модные литераторы» будут нужны литературе в ее пафосном понимании. Поскольку мода на этих авторов зачастую поддерживается не за счет качества произведений, а искусственным путем: при помощи массированных пиар-атак. Какие только маркетинговые ходы тут не задействованы: и СМИ, и соцсети, и резонансные статьи, и рецензии критиков, и интервью по ТВ, и баннеры на улицах, и реклама в метро. Примерно таким же образом у нас зубную пасту и стиральные порошки продают. По сути, все это «Основы маркетинга» Филипа Котлера. Отношения к литературе и искусству это не имеет.

«Контрабанда»: Часто успешные вещи сейчас получают продолжение, что в литературе, что в кино. А кто-нибудь еще «попадет в файл»? У Вашего самого знаменитого романа ожидается продолжение или это Вам не интересно?

Глеб Нагорный: Сложно сказать. Задача, которую я поставил себе этим романом, на мой взгляд, была мной полностью реализована. Роман состоит из многочисленных пластов и подтекстов. Этого я, собственно, и добивался. Но помимо содержания, я еще делал акцент и на игре с языком: на аллюзиях, метафорах, афоризмах, неологизмах, каламбурах и т. п. Не могу сказать, что мне сегодня особо интересно к этому возвращаться. Но, если и вернусь, думаю, это уже будет немного другая история. Вопрос в другом. А есть ли смысл входить в одну реку дважды?..

Беседовала Алёна МОРГУНОВСКАЯ

«Контрабанда»,

№3 (29), декабрь 2014 г.

**ИСКУССТВО ПРИЗВАНО РОЖДАТЬ,
А НЕ РАЗРУШАТЬ**

Понять, с кем мы в данном случае имеем дело, не трудно. Достаточно посмотреть на объём этой беседы. Да, всё верно: перед вами писатель. Встречайте, Глеб Нагорный! Прошу любить и жаловать, ибо есть за что. Мы пытались скомпрометировать его. Задавали неловкие вопросы, искали лазейки для провокаций, а он ни в какую.

– Приветствую вас, Глеб! Наши вопросы могут местами показаться провокационными и претенциозными. Таковы условия среды. Вы готовы?

Глеб Нагорный: Ну, если и вы будете готовы к моим ответам. Надеюсь, ваше самочувствие позволит вам выслушать всё то, что я скажу.

– Как бы вы охарактеризовали то направление, в котором работаете в рамках прозы? Что, по-вашему, вообще представляет собой мышление прозаическим текстом?

Глеб Нагорный: Никогда не задавался этим вопросом. Вы просто садитесь и начинаете писать. И либо ангел вам на плечо в этот момент сядет, либо птичка отметится. Тут уж кому как повезёт. Если серьёзно, то это некий, часто неосознанный, поток, не до конца сформулированная идея, которую слово за словом, фраза за фразой необходимо структурировать в текст и придать этому тексту цельную логичную форму. Не очень сложно? Тогда скажу проще – если начать задавать себе такие вопросы, то можно вообще перестать писать. От шока. А как я это делаю? Что касается «направления», то возникающая идея, как правило, предопределяет выбор жанра. Скажем, роман-файл «Флёр», на мой взгляд, больше тяготеет к постмодернистским традициям. Что касается драматургии, то пьесы у меня написаны в жанрах трагифарса, гротеска, один критик даже назвал меня родоначальником «макабрической антиутопической буффонады». С чем это едят, мне, признаться, сложно сказать. Некоторые рас-

сказы у меня очень депрессивны и, скажу немного высокопарно, экзистенциальны, другие, напротив, тяготеют к шутливости и сатире. Вообще, «мышление прозаическим текстом», на мой взгляд, это невозможность кратко и доступно, как поэт, выразить какую-то одну мысль. Отсюда начинаются многостраничные словострадания, если не сказать грубее. Ну а что касается моих писательских предпочтений, то они основаны, безусловно, на моих читательских запросах. Скажите, что вы читаете, и я скажу вам, что вы пишете. Мне, например, нравятся длинные, протяжённые во времени вещи, именно поэтому я совершенно равнодушен к поэзии и, в общем-то, со скепсисом отношусь к рассказам. Всё это можно очень красиво написать, но по содержанию всё равно выглядит как-то куце. Только начинаешь вчитываться в произведение, а оно уже закончилось. По той же причине в кинематографе я отдаю предпочтение полнометражным фильмам и блестящим американским и английским сериалам, появившимся в последние годы, в то время как к коротким метрам отношусь более чем прохладно.

– Что побудило вас когда-то начать заниматься творчеством? Как давно это произошло и что с тех пор изменилось?

Глеб Нагорный: Откровенно говоря, я никогда не собирался писать. У меня не было и до сих пор нет желания становиться писателем в общепринятом смысле. Это скорее хобби, не более того. В конце концов, кто-то после работы ходит в спортзал, кто-то увлекается литрболом, кто-то прожигает время в соцсетях, собирая комменты и лайки, ну а я иногда пишу. Переворот же в моём сознании произошёл после прочтения Генри Миллера. Я это часто в разных интервью говорю. Дело в том, что в школе нас постоянно убаюкивали классикой, а Генри Миллер показал, что можно писать вообще по-другому. Со временем я, правда, разочаровался в его творчестве, поскольку, на мой взгляд, Генри Миллер, как и большинство успешных авторов, сел на объезженного конька и стал, как в цирке, ездить по кругу собственной прозы, но толчком, тем не менее, послужил именно он. Потом я открыл для себя Бори-

са Виана. Полюбил Гофмана, Кафку, Гессе, Кортасара, Оруэлла. Этот список можно продолжать до бесконечности. А первая моя публикация, если не ошибаюсь, была публицистической, в ведущем литовском еженедельнике «Республика». Было мне тогда лет восемнадцать-девятнадцать, и учился я на юридическом факультете Вильнюсского университета. Что с этого времени изменилось? Ну, во-первых, я стал адвокатом и одновременно закончил мастерскую Марлена Хуциева во ВГИКе. Во-вторых, у меня пошли литературные публикации, вышел роман, пьесы начали ставить в театрах, появились литературные награды. Но произошло и в-третьих... Это любопытные перемены во мне самом. Возникло какое-то буддистское спокойствие на грани с равнодушием. Думаю, это связано с тем, что некоторые вещи приходилось пробивать в прямом смысле годами, а когда я дошёл до определённых целей, к тому моменту они оказались не столь значимыми и актуальными в моей жизни. Сейчас у меня совсем другие приоритеты – семья, дети, квартира. Обыденные человеческие ценности. Популярность и лауреатства я давно для себя вынес в разряд суеты и мишуры. Все это, конечно, интересно, но лишь постольку-поскольку. И вообще, надо отдавать себе отчет, что любой творческий человек – это не только его творчество. Многие ставят между своим «я» и своим творчеством знак равенства. А человек – это совокупность и творчества, и семьи, и работы, и взаимоотношений с людьми. Как только происходит у человека перекосяк в какую-то одну сторону, жизнь начинает рушиться. К сожалению, на моем жизненном пути попадались в достаточной мере одарённые люди, которые на поверку оказывались заражёнными звёздной болезнью или, напротив, снедаемыми недугом непризнанной гениальности. Как с людьми с ними было просто невозможно общаться, настолько они были заиклены на своем «я» в искусстве. В результате такого рода заикленность зачастую оборачивалась для них трагедией в семье и во взаимоотношениях с окружающими. А виной тому становился как раз творческий эгоцентризм, который реализовывался часто только

в одном – в безоглядном и беспринципном использовании других людей ради своих целей. Вообще, знаете, что скажу, – поменьше надо знакомиться с известными людьми. Звёзды должны быть недосягаемыми, иначе очень быстро может наскучить та незвёздная пыль, которую они после себя оставляют.

– Как бы вы определили понятие вдохновения? Имеет ли здесь место нечто мистическое или же всё математически точно и ясно?

Глеб Нагорный: Лично для меня – это только мистика. Как и говорил, я, например, никогда не собирался писать ни прозу, ни уж тем более пьесы. Но, видимо, сработали какие-то кармические законы и гены – поскольку отец у меня заслуженный деятель искусств РФ, поэт Юрий Кобрин. Да и большинство идей, надо сказать, почти всегда приходило спонтанно. Тот же роман-файл «Флёр». Та же идея пьесы «Лайф-Лайф». В моменты написания крупных вещей на меня находит... не знаю даже, как точно выразиться... это сродни болезни. Пока вещь до конца не доведёшь – не выздоровеешь. Но я вам скажу – это прекрасная болезнь. И окончательно выздороветь означает для меня перестать быть тем, кто я есть. А так называемая «математика» появляется в другой момент – в момент правки, редакции произведения. Технической отточкой.

– Так или иначе, вы работаете, используя классические формы выражения. Проза и романы уже с давнего времени живут на последнем издыхании, а пьесы так и вовсе принято считать вымершим жанром. Есть ли срок годности у художественной формы, и есть ли смысл с ним считаться?

Глеб Нагорный: Помните, что Рудик-Родион говорил в «Москва слезам не верит»? «Ничего не будет. Ни кино, ни театра, ни книг, ни газет – одно сплошное телевидение». Это всё из той же оперы. Кто сказал, что проза и романы на последнем издыхании? Что же тогда, по-вашему, высылают на «Большую книгу», «Букер», «Нос», «Национальный бестселлер»? Это, мягко говоря, не очень-то похоже на посты и комменты из блогов. Кто сказал, что пьесы – вымерший жанр? Какой-то доморощенный

театральный критик, адепт так называемой новой драмы? Поверьте, ни один уважающий себя профессиональный театральный режиссёр не будет братья за ваш рыхлый текст, который ему придётся самому же потом переписывать и переделывать за вас под пьесу. Хотя есть, конечно, и такие «виртуозы». Всё это сейчас мы в полном цвете наблюдаем во всяких расплодившихся «новодраматических» постановках-однодневках. По большому счёту, все эти заявления продвигаются дилетантами, не умеющими писать и не желающими учиться писать. Они таким образом прикрывают собственную несостоятельность. Это своего рода жульничество, напёрсточничество, пляски и игрища голых королей. Поэтому говорить о том, что пьесы принято считать вымершим жанром, мягко скажем, преждевременно. Принято определённой тусовкой. А на смену любой тусовке, как известно, приходит другая. Пьесы же как были пьесами, так ими и останутся. В этом смысле, кстати, очень показательна американская сценарная школа. Ни одна американская кинокомпания не возьмёт у вас текст, который не выдержан в форме сценария. Попробуйте с такими заявлениями выйти, скажем, где-нибудь в Голливуде и объяснить им, к примеру, что сценарии приказали долго жить, а у вас просто такое своеобразное видение будущего фильма.

— Важным моментом в ваших работах является ностальгическая интонация. Где-то это ностальгия по личному прошлому, а где-то — по историческому и культурному. Что такое ностальгия, или почему вас так тянет к прошлому?

Глеб Нагорный: Никакой ностальгии я не испытываю. Жить прошлым означает не развиваться. С другой стороны, естественно, за мной есть определённый жизненный опыт, любовные переживания, потери, разочарования. Родился я вообще в Советском Союзе, до тридцати лет жил в независимой Литве, в тридцать переехал в Москву. У меня достаточно длинная и интересная судьба. Со всеми полосами зебры. И самое греховное, порочное, что может себе позволить творческий человек, — это забыть себя. Забыть чёрные полосы. А этих полос много. Поверьте, на десятерых хватит. И как только вы из зеб-

ры превращаетесь в белое парнокопытное в яблоках, можете смело на себе крест ставить. Даже не на творчестве, а на себе как на человеке. Но тут не в ностальгии, конечно, дело. Не стоит возвращать то, что само по себе осталось в прошлом. Но из этого прошлого можно взять хорошее, извлечь уроки. И уж, конечно, не стоит перечёркивать то, что нарабатывалось годами, а то и кровью. Я имею в виду наши историю и культурные традиции. Поэтому когда по Эстонии и Латвии маршируют фашисты с зигами, гомосексуалисты в некоторых особо продвинутых странах усыновляют детей, а наши дети сдают бредовый ЕГЭ по европейским лекалам — мне и правда хочется вернуться в прошлое.

— Если современные русские философы стремятся миновать постмодернистскую традицию философствования, то вы признаёте его, но всячески критикуете. Чем вам так не угодил постмодернизм и, если он так плох, как предлагаете с ним бороться?

Глеб Нагорный: Я ничего против постмодернизма никогда не имел. Напротив, ряд моих произведений написан именно в постмодернистском, я бы даже сказал, гиперэкспериментальном ключе. Это касается и ряда новелл с рассказами, и романа «Флёр». Другое дело, вы, наверное, имеете в виду слова одного из героев романа, которые он говорит в главе «Погасшее Окно». Мол, пусть постмодернизм. «Пустмодернизм». Но, во-первых, это слова героя, а во-вторых, в них тоже есть своя правда. Понимаете, обеденный стол не может состоять только из десертов, так может аллергия начаться. Это я к тому, что повальное увлечение постмодернизмом становится неинтересным, пресным, скучным и очень предсказуемым. Начинается своего рода постмодернистский чёс: литературный чёс, театральный чёс, киночёс. Но, с другой стороны, если произведение сделано талантливо, то не имеет ровным счётом никакого значения, в каком ключе, жанре, стиле или «-изме» оно выполнено. Хоть в классицизме, хоть в копрофилизме. Показатель таланта — сам талант, и он самодостаточен. Течения не играют ровным счётом никакой роли.

— Как вы считаете, должно ли искусство оперативно отвечать вызовам современности? Собственно, ставит ли современность какие-то задачи перед искусством?

Глеб Нагорный: Если искусство оперативно отвечает вызовам современности, оно моментально становится конъюнктурным. Великие романы пишутся годами, а то и десятилетиями. Полотна пишутся не за сутки. Удачные спектакли не ставятся с бухты-барaxyты. Очевидно же, что, скажем, постановки шайкилейки в подвале «Театра. doc» вроде «Час 18» о гибели Магнитского в «Матросской тишине» и «БерлусПутин» — это паразитирование на больных темах и спекуляции, не имеющие равным счётом никакого отношения к искусству, поскольку всё это привлекает зрителей только в определённый политический момент. Другое дело, о самой современности нужно писать и необходимо ставить спектакли, но таким образом, чтобы это было интересно и через пять-десять лет, а не делалось на потребу дня. Ведь чем хороши классики? Они же тоже писали о своей современности и своих современниках, но использовали при этом архетипичные и в то же время самобытные образы, не педалируя сиюминутные политические процессы. Потому что Драконы — они во все времена одинаковые, с тем же смрадным запахом из пасти и болотным цветом бликующей чешуи.

— Как бы вы охарактеризовали ту ситуацию, в которой находится сегодня отечественное современное искусство?

Глеб Нагорный: Отсутствие уникальных идей, самобытного почерка, неповторимого стиля — вот чем характеризуется современное искусство. Слишком много вторичного, подражательного и, как результат, — посредственного. По этому поводу вспоминается блестящая шутка. На одном художественном конкурсе надо было нарисовать картину на тему голода. Так вот, один художник представил на суд зрителей анальное отверстие, затянутое паутиной. Примерно так я и вижу современное искусство. В качестве примера, всё более-менее образованные, начитанные и зрительно подкованные люди хают фильмы с плитусным юмором вроде «Самый лучший фильм» и т. п. В качестве

противовеса, естественно, появляется артхаус, так называемое фестивальное глубокомысленное кино ни о чём. Наши доблестные режиссёры почему-то полагают, что раз Тарковский, Сокуров, Герман-старший, Балабанов и прочие столпы кинематографа смогли, то и они не хуже. Итог: вы сидите и полтора часа, а то и больше, дремлете в кинозале, потому что уже с первого кадра понятно, чем всё закончится. Как-то в течение одной недели я посмотрел ряд фильмов наших «добрых» артхаусников. Во всех фильмах совершенно разных режиссёров, возможно даже друг с другом незнакомых, в финале главный герой либо покончил самоубийством, либо его убили, либо он кого-то убил, либо вообще всё вместе. В общем, все умерли. И всё это прикрывается социальной значимостью произведения. Потом авторы почему-то удивляются, что их фильмы проваливаются в прокатах. Это и есть анальная трещина в паутине. Потому что всё это на самом деле стороны одной медали. С одной стороны — нескончаемая ржака, с другой — унылая беспросветная депрессуха, замешенная на социалках. А мир-то — он хитрый, он как раз где-то посередине, если хотите, на ребре медали. Я не говорю, что не появляются талантливые произведения, — они, безусловно, есть. И, бесспорно, не весь артхаус такой. Но вот тенденция делить искусство на ржаку и чернуху, на белое и чёрное, на левых и правых, конечно, удивляет.

— Кто такой русский? Какие антропологические изменения происходят с ним в современности?

Глеб Нагорный: Русский — это тот, кто думает на русском и видит сны на русском. Во мне смешено три крови, родился и вырос я вообще в Литве, десять лет живу в Москве, мои родители говорят на русском, отец пишет стихи на русском, в моей семье говорят на русском, пишу, думаю и вижу сны я тоже на русском. Кто я, по-вашему? Конечно, русский. При этом чисто русской крови во мне нет. Знаете, у меня есть забавный приятель, который откопал в своей крови далёкий немецкий гемоглобин. Нет ничего смешнее — наблюдать за его мимикрией. Лет десять он всем рассказывает, что он немец. Начал оправды-

вать фашизм, хотя его дед прошел Великую Отечественную войну, лет семь безуспешно пытается уехать на ПМЖ в Германию, хотя за тридцать с лишним лет ни разу не был за границей и о Европе имеет такое же смутное представление, как я, скажем, о бозоне Хиггса. А до того как он откопал у себя не то бабушку, не то прабабушку, был среднестатистическим выходцем из российской провинции с абсолютно ординарными русскими внешностью, именем и фамилией. Таким, кстати, как вы понимаете, и остался. Любопытные, конечно, метаморфозы с людьми порой происходят. Именно поэтому Гоголь, безусловно, русский писатель, как бы ни хотелось думать некоторым ультрарадикальным украинцам. Национальность, унаследованная от праотцов, и штамп в паспорте тут особой роли не играют. Что в ваших «снах и думах», то вы и есть. Что же касается антропологических изменений, тут я особых изменений не заметил. Хвост вроде бы ещё ни у кого не вырос, но айфон у некоторых, конечно, прирос к руке намертво.

— В каком соотношении, по-вашему, находятся сегодня мода и искусство? Как бы вы определили понятие моды?

Глеб Нагорный: Они как сиамские близнецы, как шерочка с машерочкой, всегда бок о бок ходят. И часто так случается, что именно мода помогает появиться каким-то уникальным вещам в искусстве, каким-то новым течениям, открытиям. Но случается и так, что мода есть, а произведения по какой-либо причине не выстреливают и надолго в памяти не остаются. Почему так происходит? Ответ, собственно, на поверхности. Прежде всего надо делать произведения искусства, невзирая и не оглядываясь на моду. Если хотите, мода — это волна, которая может либо поднять сокровище со дна творческого океана, либо превратиться в солёную пену на замусоренном берегу. То, что мы сегодня наблюдаем, к сожалению, как раз больше всего напоминает именно ту самую пену.

— Отталкиваясь от вашего эссе «Радикализация искусства», задам вполне закономерный вопрос: к чему ведёт радикализация художественных жестов? Есть ли тупик, обусловлен ли он

временем, и что будет после радикальности?

Глеб Нагорный: Ну, эссе — это громко сказано. Скорее, это рассказ со стёбом. Как и всегда, за этим идёт обновление. Радикалы, анархисты, PussyRiot, яйцеприбивальщики на площадях всегда появлялись во времена морока. Но главная проблема в том, что для борьбы с политическим мракобесием они сами же выбирают сатанинские методы. Да и вообще, был уже и твякающий Кулик, всё ещё где-то задрал хвост бегающий. И по пьяни захлебнувшийся в лягушатнике Мамышев-Монро. И матюги на Красной площади из тел выкладывали, и фаллос на разводном мосту калякали, и прочие юродивые не раз и не два отмечались. Проходили. Скучно. Но глубокое их заблуждение в том, что они создают искусство. Всё это — хлам, пыль, шелуха. Поскольку не имеет никакой художественной ценности и по природе своей нежизнеспособно. То есть это разовые акции, эпатаж, быстродействующий самопиар. Очевидно же, что такого плана акции будут жить ровно до той поры, пока кто-нибудь не догадается взлвенуть, скажем, в Госдуме или помочиться на Мавзолей. По мне так ряд таких действий — это вообще чистой воды административно наказуемое хулиганство и девиантное поведение творчески малоодарённых людей, которые хотят как-то о себе заявить. Таким вот, мягко говоря, странным образом. Ведь тут в чём соль? Если я или, предположим, вы нагадите в каком-нибудь музее, то нас, естественно, посадят в спецприёмник или определят в стационар жёлтого дома. И, в общем-то, правильно сделают. Но если мы раструбим в интернете, что это политическая акция, направленная на свержение власти, что мы на самом деле есть группа художников-радикалов, и не ради кала, извините за седобородый каламбур, это сделали, не ради дефекации, то мы тут же становимся творцами с большой буквы, революционерами, популярными личностями, за нас ещё, не дай Бог, ООН вступится. А ведь разницы на самом деле никакой: фекалии и у художника, и у простого смертного отличаются только квинтэссенцией съеденного на завтрак. Вообще, так скажу, с властью не стоит бороться провокациями, с властью можно

бороться только при помощи искусства. Потому что власть спит и видит, когда же вы оступитесь, когда начнёте нарушать законы, когда позорно высечете сами себя, как та унтер-офицерская вдова, когда вы своими поступками, наконец, превратитесь в жупел для ваших гипотетических сторонников. Более того, такими акциями быстро пресыщаешься. Поэтому лично я думаю, что дальше пойдёт обновление. Новый виток. Если хотите, современный ренессанс. Потому что искусство призвано рождать, а не разрушать. И вообще, вандалы, если помните, плохо кончили. С другой стороны, этому нет смысла уделять столько внимания, лишний раз подливая воду на пиар-мельницу. Всё это само собой рано или поздно схлопнется, как карточный домик. Чуть подтолкни — и посыплется. И уж тем более не надо никого сажать по уголовным статьям. Во-первых, такие наказания, конечно же, не соответствуют масштабам деяний, это я уже как адвокат говорю, во-вторых, это, безусловно, лишний пиар создаёт. Кстати говоря, нет ничего более радикального, эффективного и зрелищного, чем прилюдная лоботомия или акт самосожжения. Предлагаю некоторым «художникам» серьёзно задуматься над такими инсталляциями. Не знаю, как вы, но я бы с удовольствием сходил посмотреть. Жаль, что это, возможно, только одноразовые инсталляции будут. Но славы, поверьте, у этих троллей будет вагон и маленькая тележка. И в анналы они войдут, и кривоногих последышей в виде орков обретут.

— Как прочно вписан художник в контекст капиталистической системы? Возможно ли вырваться из этого контекста, и что для этого нужно?

Глеб Нагорный: Это касается каждого художника отдельно. Его психологического и соционического типов. Скажем, Пикассо и Дали — великие уникальные художники, успешные самопиарщики и делатели огромных состояний. В то же время — нищий безумно-гениальный Ван Гог. Вспомните ошалелые, с падениями и взлётами, судьбы того же Генри Миллера и Чарльза Буковского. Таких примеров сотни, если не тысячи. И зачастую это вопрос не столько таланта, сколько массы сла-

гаемых: характера, связей, коммуникабельности, судьбы, стечения обстоятельств, ваших пороков или, наоборот, добродетелей. Например, бесфамильно, если позволите... Есть масса талантливых современных русских писателей, которые у всех на слуху, но когда читаешь некоторые их книги, зачастуюловишь себя на мысли: а ведь влѣгкую с этим романом имярек мог бы оказаться где-нибудь в самиздате в Тмутаракани. Но так сложились звѣзды, что живѣт он в Москве, опубликовало его крупное издательство и ещѣ пиар-фея в чело поцеловала. По поводу второго вопроса. Возможно ли вырваться из контекста капиталистической системы? Тут нужно чѣтко и честно задать себе ряд вопросов и обозначить свои цели. Если вы хотите славы и денег, то будьте готовы к тому, что талант должен быть с ногами: бегайте, пиарьтесь, дружите, скандальте, пишите резонансные статьи, бухайте с известными личностями, набейте кому-то морду, дайте себе набить — и слава вам обеспечена. Только писать при этом, конечно, не забывайте. Желательно хорошо. А то у некоторых всё в беготню уходит, да и со стороны это выглядит довольно смешно и нелепо. Но если вы к этому относитесь более или менее равнодушно, то зарабатывайте деньги другим ремеслом, а свои труды выставляйте в интернете. Вот вы и вырвались из-под капиталистического Молоха. Читатели всегда найдутся. Другое дело, конечно, той славы и тех денег, как у тех, у кого «талант с ногами», у вас никогда не будет. Максимум — известность в блогах, среди френдленты. Тут другой вопрос: а надо ли вам всё это? Я, например, для себя давно решил. Бегать за славой, тусоваться, пиариться, разбрасывать ссылки и т. п. я не буду. Мне лень, мне это всё скучно и неинтересно. Не говоря уже о том, что это ко всему прочему колоссальная трата времени. И вообще, я законченный интроверт на грани с социопатом. Мне за глаза хватает себя самого и моей семьи. От скопища людей я сильно устаю. Что касается популярности, то нет ничего приятней, чем получать восторженные имейлы от читателей и приглашения от изданий, которые са-

ми тебя находят, чтобы взять интервью. Как ваше, например. Мне этого более чем достаточно. Считаю, что это и есть наивысшая оценка моего творчества. И не надо по этому поводу суетиться. Как говорил Воланд: «...никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут!»

– В Европе, начиная примерно со второй половины двадцатого века, активно изобретаются принципиально непродаемые творческие жесты. Естественно, многое из изобретённого уже обкатано буржуазией, однако сам этот левый запал кажется до сих пор перспективным и плодотворным. Как вы относитесь к непродаемому искусству вроде перформансов, инсталляций и т.п.?

Глеб Нагорный: В том-то и парадокс: ничто так хорошо не продаётся, как инсталляции и перформансы. Потому что лепить их можно килограммами и километрами. Вот вам навскидку. Стена. На стене рама. В раме — пистолет. Подпись под рамой — Маяковский. Петля на стене — Есенин. Колесо. Из него вьётся длинный алый шарф — Айседора Дункан. На стене распята телогрейка с гулаговской нашивкой — Солженицын. Рядом припилены смокинг с бабочкой — Бродский. Початая бутылка водки, из горлышка торчит шприц — Высоцкий. Ещё с десяток таких придумок внаброс — и можно смело открывать какое-нибудь биеннале, посвящённое, ну, не знаю, скажем, судьбам и вехам XX века. Тут же обязательно появятся ококультурные проходимцы, которые привлекут критиков, и те заявят, что это «новое течение», «новый взгляд», «прорыв», «новация», и нагородят ещё с три короба подобной лабуды. Обязательно откликнутся и здравомыслящие люди, которые будут крутить пальцем у виска, отметятся в блогах и ёрнически откомментируют происходящее под хвалебными статьями. И вот тут-то и произойдёт резонанс. Народ валом повалит. Понимаете, в чём дело: для перформансов и инсталляций не нужен особый талант. Это нам внушили, что это не клоунада, а элитарное искусство избранных и для из-

бранных. Поскольку всё это, в принципе, может сделать любой среднестатистический человек из толпы. А вот спектакль поставить или картину написать — это совсем другое. Тут, как минимум, нужны талант, мастерство, наработанное пробами и ошибками, самоотдача и многолетний опыт. И отличие тут существенное. Спектакли и картины изначально нацелены на искусство, а перформансы и инсталляции заточены под резонанс, эпатаж и рубливо бабла. И знаете, по-моему, уже давным-давно пора срывать маски с этих ряженных морд и начать всё своими именами называть. А то не ровён час, мы на полном серьёзе в медицинских анализах начнём копать и искусствоведческие беседы на эти темы проводить: Шанель это или что-то существенно иное? У меня, кстати говоря, по этому поводу есть рассказ «СЛОН, или биеннале национального идиотизма». Я его написал как раз после посещения какого-то очередного московского биеннале современного искусства. Так вот, многие воспринимают этот рассказ как документальный очерк, публицистическую статью. А рассказ от начала до конца выдумка. Написан, наверное, за полчаса. Тем не менее, инсталляций, набросанных в нём, хватит на целый божатник от современного искусства. Я бы сказал ещё грубее, но, к сожалению, в СМИ сейчас запрещены более хлесткие слова.

— Возможны ли, по-вашему, объективные критерии в оценке выходящего из под пера кого бы то ни было? Какие бы вы предложили варианты проверки на вшивость?

Глеб Нагорный: Ну, проверка на вшивость простая. Если вы, положим, акцент в своём творчестве делаете на маргиналах и фекальных массах, забывая при этом, не буду говорить высокопарно, о душе, забывая о конфликтах, о взаимоотношениях между людьми, о подтекстах, то очевидно, что вы эпатируете публику, а не создаёте искусство. Если же для вас драматургический конфликт первоочередной, то пишете хоть о педофилах. Вспомните ту же набоковскую «Лолиту». Суть Гумберта — не педофилия, а внутренний надлом, поиск, разрыв внутреннего «я».

Тут очень важно понять, кроется что-то за вашими эрекциями или там только спермотоксикоз. Что касается объективности в оценке вышедшего из-под пера. Все вещи в мире, безусловно, основаны на субъективной оценке — нравится-не нравится, но есть вещи универсальные. Скажем, в прозе это язык. Вы можете писать о чём угодно и как угодно, но если у вас скудный словарный запас, деепричастные и причастные обороты для вас пустой звук и у вас напрочь отсутствует образное мышление, то, пожалуй, вы не на ту дорогу свернули. Драматургия без определённой жёсткой формы и видения автором сцены по сути нежизнеспособна. Иначе, как я и говорил, получается текст, который приходится адаптировать для сцены. Иными словами, заново переписывать.

— Над чем вы работаете в последнее время? Какие вопросы исследуете, чему планируете посвятить себя в ближайшее время?

Глеб Нагорный: В последнее время, как, собственно, и в прошлое, я собираюсь посвятить себя адвокатской практике. Что касается творчества, — повторяюсь, моего хобби — тут сложнее. Есть у меня несколько вещей, которые требуют правки, но... не буду зарекаться, всему свое время. Одно могу сказать точно — останавливаться я не собираюсь.

Беседовал Иван СПИЦЫН

«Литературная Россия»,

№18 (2654), 2 мая 2014 г.;

«Большая книга», 2 мая 2014 г.;

«Русская жизнь», №6, 2014 г.;

«Abje.tk», 27 января 2014 г.

Глеб Нагорный

Красная Мельница
Пьеса

Глеб Нагорный — адвокат, прозаик, драматург, публицист. Член МФРП, СП XXI века, СП Москвы и СТД РФ. Включён в биографическую энциклопедию успешных людей России «Who is Who в России» (Швейцария). Кавалер ордена «Серебряного орла». Победитель и лауреат всероссийских и международных литературных премий «Золотое перо Руси», «Литературная Россия», «Славянские традиции», «Русский Stil» (Германия), «Пражский фестиваль» (Чехия), «Время драмы», «ЛитоДрама», имени Демьяна Бедного, имени де Ришелье и др.

«...мне нравится соприкоснуться с искусством, с таким искусством... Многие вещи мы разучились замечать, разучились наблюдать, разучились чувствовать. И „Красная мельница“ — одна из культурных шпаргалок, чтобы мы что-то вспомнили».
Алексей Филиппов, «Литературная Россия»

«...В пьесе всё неординарно, начиная от жанра... Пьеса — Пьеса. С большой буквы... Уверен, что если бы в нормальном репертуарном театре эту пьесу прочли, то непременно бы поставили...»
Михаил Хейфец, режиссёр, драматург

